КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 4 ноября 1898 года.

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Архивъ генеральнаго войскового суда.

Однимъ изъ главныхъ препятствій, съ которыми приходится считаться изслѣдователю исторіи Малороссіи за время гетманщины, является, несомнѣнно, крайняя разбросанность сохранившихся архивныхъ документовъ этой поры и недостатокъ свѣдѣній объ нихъ въ печати. Благодаря ряду превратностей, выпавшихъ на долю этихъ документовъ, они оказались разсѣянными по самымъ различнымъ мѣстамъ и подчасъ разбитыми самымъ невѣроятнымъ образомъ. Въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Петербургѣ и Москвѣ хранятся бумаги бывшихъ архивовъ гетманской Малороссіи, и не только клочки одного изъ этихъ архивовъ, но даже части одного и того же дѣла современному изслѣдователю приходится подчасъ подбирать въ различныхъ городахъ и бумагохранилищахъ. Немало цѣнныхъ документовъ и совершенно погибло, причемъ такой участи особенно часто подвергались менѣе значительные мѣстные архивы Не говоря уже о сотенныхъ и ратушныхъ архивахъ, отъ которыхъ сохранились лишь жалкіе остатки, даже изъ полковыхъ и магистратскихъ архивовъ до нашего времени уцѣлѣло, повидимому, лишь немногое. Но даже и то, что сохранилось до настоящей поры, сравнительно мало извѣстно, и это обстоятель-

ство, являясь естественнымъ послѣдствіемъ той разбросанности архивныхъ документовъ старой Малороссіи, о которой было выше упомянуто, въ свою очередь должно оказывать нѣкоторое вліяніе на работу всякаго изслѣдователя, принуждая его временами бродить ощупью и наугадъ разыскивать необходимыя свѣдѣнія. Чѣмъ болѣе свѣдѣній будетъ имѣться въ печати о сохранившихся архивахъ, тѣмъ легче и успѣшнѣе, конечно, сможетъ идти научная разработка заключающагося въ нихъ богатства.

Руководясь этими соображеніями, я и рѣшаюсь предложить вниманію читателей „Кіевской Старины" настоящую замѣтку, посвященную важному архиву, самое существованіе котораго до послѣдняго времени оставалось неизвѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, никѣмъ не было отмѣчено въ печати, за исключеніемъ пишущаго эти строки [1]). Изъ центральныхъ малорусскихъ архивовъ XVII—XVIII вв. до сихъ поръ извѣстны были такъ называемый архивъ генеральной войсковой канцеляріи, раздѣленный въ настоящее время между Харьковомъ и Москвою, и архивъ Малороссійской Коллегіи времени П. А. Румянцева; осколки этого послѣдняго архива хранятся въ Харьковѣ, Кіевѣ, и Москвѣ. На данныхъ двухъ названныхъ архивовъ исключительно основана и послѣдняя работа о малорусскихъ судахъ, принадлежащая г. Миллеру [2]). Но кромѣ нихъ до нашего времени сохранился еще и третій, къ сожалѣнію оставшійся неизвѣстнымъ автору упомянутой работы, архивъ,—именно, архивъ генеральнаго войскового суда. Если не всѣ, то все же весьма значительная часть дѣлъ этого высшаго судебнаго учрежденія Малороссіи за 18 вѣкъ уцѣлѣла отъ губительнаго вліянія времени и притомъ—что особенно важно—послѣднее пощадило не только отдѣльныя дѣла, производившіяся въ судѣ, но и систематизированные своды свѣдѣній о дѣятельности этого учрежденія.

---

[1]) В. Мякотинъ. Къ исторіи Нѣжинскаго полка СПБ. 1896. с. 2.

[2]) Д. Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в. Харьковъ 1896.

Впервые мнѣ пришлось встрѣтиться съ ясными слѣдами этого архива въ Черниговѣ, гдѣ раньше, какъ извѣстно, хранился и архивъ генеральной войсковой канцеляріи, позднѣе перевезенный въ Харьковъ. Работая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ архивѣ Черниговскаго Окружнаго Суда, доступъ въ который былъ любезно открыть мнѣ г. Скаржинскимъ, я скоро замѣтилъ, что нѣсколько тысячъ дѣлъ 18 вѣка, хранившихся тамъ, представляютъ собою часть бывшаго архива генеральнаго суда. Догадки мои превратились въ увѣренность, когда среди разбиравшихся мною дѣлъ я наткнулся на пять реестровъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ генеральномъ войсковомъ судѣ за 1722, 1723 и 1724 годы [1]). Реестры эти, „по приказу господина подполковника и Малороссійской Коллегіи члена Исая Ивановича Сухорева сопряженные“ и подписанные тогдашними „правителями“ Малороссіи, Иваномъ Левенцомъ, Иваномъ Мануйловичемъ и Феодоромъ Потребичемъ-Гречанымъ, являются, несомнѣнно, результатомъ Петровскаго указа 14 ноября 1721 г., приказывавшаго завести „добрый порядокъ“ въ генеральномъ судѣ [2]), и заботъ появившейся затѣмъ Малороссійской Коллегіи объ установленіи такого порядка. Они и сами по себѣ очень любопытны, въ виду чего я позволю себѣ сказать объ нихъ нѣсколько словъ. Въ первомъ изъ нихъ, начинающемся съ сентября 1722 года, занесено 156 дѣлъ; во второмъ занесено 78, въ третьемъ 72 дѣла 1723 года, причемъ однако въ третьемъ реестрѣ недостаетъ 24 дѣлъ; четвертый и пятый реестры относятся къ 1724 году, и въ одномъ изъ нихъ поименовано 45 дѣлъ, въ другомъ—110. Самый способъ занесенія дѣлъ въ эти реестры былъ таковъ: на одной половинѣ листа давалось краткое, въ нѣсколько строкъ, изложеніе содержанія дѣла, подлежавшаго разбору суда, на другой столь же кратко записывалось судебное рѣшеніе. Послѣднее иногда снабжено мотивировкой, но за то въ немъ обыкновенно совершенно отсутствуютъ сколько-нибудь точныя ссылки

---

[1]) Архивъ Черниговскаго Окружнаго Суда, Дѣла Гражданскія, № 5.

[2]) П. С. З., VI, № 3852.

на законы, которыми судъ руководился при постановленіи своихъ приговоровъ. Для большей наглядности вотъ два примѣра. Въ первомъ „реестрѣ дѣлъ судовыхъ“ подъ № 5 записано:

„Справа Карпа Андрѣенка, жителя села Некрасова, подданного пп. Борзаковскихъ, з державцами своими о завладѣніи якоби неслушномъ чрез. пп. Борзаковскихъ хати его и кгрунту.	„Окончена на судѣ войсковомъ енералномъ: понеже по роспросу и доводахъ на очной ставцѣ обоихъ сторонъ явилося, что Борзаковскіи у его купили хату и грунтъ, теди по узнаню, если Карпъ суплѣкуючій по прежнему будетъ подданимъ, велено ему отдать хату з грунтомъ, а если не возвратится до подданства, то не належитъ ему мужицкимъ грунтомъ владѣть“.

Или другой примѣръ. Во второмъ реестрѣ, за 1723 годъ, мы читаемъ подъ № 14:

„Сотняне Старо-Санчаровскии правовалися з Иваномъ Терновскимъ, своимъ сотникомъ Старосанжаровскимъ, хотячи его в сотнитства скинуты обыдъ ради, онимъ чрезъ челобитчика (sic) причиненныхъ.	„Оконченна. И его сотника, с сотнитства скинено, а проторы и убитки осаченно з обохъ сторонъ“.

Значеніе этихъ реестровъ, заключающихъ въ себѣ около 450 судебныхъ рѣшеній за три года, врядъ-ли требуетъ подробныхъ комментаріевъ. Имѣютъ свою цѣну, конечно, и чисто-фактическія данныя, сообщаемыя ими, но еще болѣе важна другая ихъ сторона, относящаяся къ обязательности самого суда. При всей краткости и порою даже неясности содержащихся въ нихъ на этотъ счетъ свѣдѣній, детальный анализъ послѣднихъ позволяетъ возстановить тѣ правовыя нормы, какія признавались судомъ въ это время. Само собою разумѣется, что при та-

комъ анализѣ указанія реестровъ должны быть по мѣрѣ возможности сопоставляемы съ подлинными дѣлами. Но въ черниговскомъ архивѣ, о которомъ идетъ рѣчь, такихъ подлинныхъ дѣлъ не очень много и они не относятся къ какому-либо одному опредѣленному періоду, а охватываютъ время съ двадцатыхъ по девятидесятые годы 18-го столѣтія. Когда, такимъ образомъ, ближайшее изученіе документовъ показало, что передо мною находится лишь одна, случайно оторванная, часть бывшаго архива генеральнаго суда, оставалось опредѣлить, гдѣ слѣдуетъ искать другія его части. Изъ разспросовъ я узналъ, что ранѣе въ архивѣ Окружнаго суда было значительно болѣе старыхъ дѣлъ, доставшихся ему въ наслѣдство отъ прежней судебной палаты, но затѣмъ они были отосланы въ Москву, въ Архивъ Министерства Юстиціи, собиравшій къ себѣ документы упраздненныхъ учрежденій. Позднѣе, впрочемъ, эта отсылка была пріостановлена, вслѣдствіе чего часть дѣлъ бывшей палаты и сохранилась въ Черниговѣ.

Передача дѣлъ изъ упраздненныхъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, происходившая, какъ сообщаетъ „Описаніе“ этого архива, на основаніи предписанія департамента министерства юстиціи отъ 4 апрѣля 1871 года, коснулась не одной только Черниговской Палаты. Когда я приступилъ къ изученію матеріаловъ по исторіи Малороссіи, хранящихся въ названномъ архивѣ, и, руководясь имѣвшимися у меня свѣдѣніями, обратился къ бумагамъ, поступившимъ въ него изъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, передо мною открылся никѣмъ еще, кажется, не изслѣдованный, но чрезвычайно обильный и разнообразный матеріалъ. Чтобы охарактеризовать его размѣры, достаточно сказать, что здѣсь сосредоточено 59 архивовъ 18-го вѣка, существовавшихъ прежде на территоріи гетманской Малороссіи и заключающихъ въ себѣ 47.800 дѣлъ. Послѣдняя цифра, впрочемъ, нѣсколько уменьшится, если принять въ соображеніе, что въ одномъ изъ самыхъ значительныхъ по объему архивовъ, именно въ архивѣ Кременчугскаго городского магистрата,

содержащемъ 13.686 дѣлъ, лишь около 500 дѣлъ по 1-ой описи [1]) имѣютъ отношеніе къ гетманщинѣ, а остальныя принадлежатъ Новороссіи. Но и уменьшенная такимъ образомъ цифра дѣлъ, касающихся судебъ собственно гетманской Малороссіи, остается еще довольно почтенной, достигая почти 35.000. Болѣе половины всего этого количества, именно 17.885 дѣлъ, приходится на долю одного собранія,—бумагъ бывшей Черниговской Палаты Уголовныхъ и Гражданскихъ Дѣлъ. Впрочемъ, последнее названіе, подобно нѣкоторымъ другимъ, не совсѣмъ точно, обозначая собою лишь одно изъ прежнихъ мѣстъ храненія названныхъ дѣлъ. Въ дѣйствительности главная часть этихъ бумагъ, охватывающихъ восьмидесятилѣтній періодъ, съ 1719 по 1799 годъ, ведетъ свое происхожденіе изъ существовавшаго нѣкогда архива генеральнаго войскового суда, и является, такимъ образомъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ собраній въ ряду указанныхъ. Какъ показываетъ ближайшее знакомство съ этими документами, данный архивъ сохранился здѣсь не въ полномъ видѣ, [2]) но и то, что уцѣлѣло отъ него, представляетъ высокую цѣнность для науки. Помимо отдѣльныхъ дѣлъ, слишкомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ для того, чтобы поддаться краткому описанію, здѣсь имѣется еще группа источниковъ, болѣе сжатыхъ, но и болѣе систематическихъ, сравнительно скупыхъ на сообщенія о народной жизни, но за то подробно обрисовывающихъ дѣятельность судебныхъ и административныхъ учрежденій. Таковы книги опредѣленій бывшей Мало-

[1]) Всѣ эти бумаги остаются еще неописанными въ архивѣ, и для нихъ существуютъ лишь старыя канцелярскія описи. Въ болѣе значительныхъ собраніяхъ такихъ описей имѣется нѣсколько, благодаря чему, цитируя ихъ, приходится называть № не только связки дѣла, но и описи. Далеко неудовлетворительныя, конечно, въ научномъ отношеніи, эти канцелярскія описи все же приносятъ свою долю пользы, помогая изслѣдователю нѣсколько оріентироваться въ архивномъ матеріалѣ.

[2]) Аналогичный матеріалъ долженъ-бы былъ, повидимому, находиться въ архивѣ Полтавской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, но изъ него въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи поступило лишь 28 дѣлъ, 1722—25 гг. Погибли-ли остальныя дѣла въ самой Полтавѣ, или же они остались въ ней и почему-либо не были высланы въ Москву,—мнѣ неизвѣстно.

россійской Коллегіи за 1727 годъ, [1]) книги подлинныхъ указовъ Малороссійской Коллегіи съ 1773 по 1781 годъ, [2]) книги указовъ и ордеровъ гетмана Разумовскаго и генералъ-губернатора Румянцева [3]). Но особенно важна коллекція журналовъ и приговоровъ генеральнаго войскового суда съ 1729 по 1781 годъ, насчитывающая въ себѣ болѣе 100 фоліантовъ, объемомъ отъ 100 до 1000 и болѣе листовъ каждый [4]). Собственно журналы суда сохранились лишь съ конца 60-хъ годовъ. Они представляютъ собою краткія записи о времени и составѣ судебныхъ засѣданій и, за рѣдкими исключеніями, не даютъ болѣе никакихъ свѣдѣній. Иное дѣло—приговоры генеральнаго суда, носящіе въ подлинникѣ еще названія книгъ рѣшительныхъ экстрактовъ, подлинныхъ опредѣленій или подлинныхъ указовъ генеральнаго суда и уцѣлѣвшіе за всѣ названные годы, исключая лишь 1741 и 1770 гг. Они являются настоящими протоколами суда, несравненно болѣе обстоятельными, нежели тѣ записи, какія мы видѣли въ реестрахъ 1722—1724 гг. Каждое дѣло, поступившее на разсмотрѣніе суда, подробно записывалось въ нихъ, причемъ передавался какъ весь предшествовавшій ходъ процесса, если онъ начатъ былъ въ низшихъ судахъ, такъ и порядокъ разбирательства дѣла въ самомъ генеральномъ судѣ. Приговоръ также записывался довольно подробно, не только съ изложеніемъ мотивовъ, побудившихъ судъ постановить то или другое рѣшеніе, но и съ указаніемъ законовъ, на которыхъ оно основывалось, и даже съ извлеченіями изъ послѣднихъ. Благодаря такому характеру протоколовъ, является возможность, поль-

[1]) М. А. М. Ю., Дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, архивъ 6 Черниговской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда, опись 17, связка 4, №№ 20 и 21.

[2]) Тамъ-же. св. 43, № 138; св. 44, №№ 139—141: св 47, № 151; св. 50 №№ 161 и 162; св. 52, №№ 166 и 167; св. 56 №№ 178—9; св. 57, № 183; св. 58, № 184; св. 61, № 191; св. 62, № 194; св. 64—5, №№ 199—200.

[3]) Тамъ-же св. 25, №№ 81 и 82.

[4]) Тамъ-же, по описи 17-й №№ дѣлъ: 23—32, 34, 36—63, 71—80, 83—116 121—123, 129—132, 135—138, 142—149, 155, 157, 170, 174—5, 177, 188, 198 и дѣла въ связкахъ 66-й и 67-й.

зуясь этой коллекціей, прослѣдить шагъ за шагомъ всю дѣятельность генеральнаго войскового суда, этого высшаго судилища въ автономной Малороссіи, за пятидесятилѣтній періодъ времени, съ момента его возстановленія при назначеніи гетманомъ Даніила Апостола и до окончательнаго уничтоженія его въ эпоху Екатерининскихъ реформъ.

Въ настоящей замѣткѣ, разсчитанной исключительно на то, чтобы обратить вниманіе изслѣдователей исторіи гетманской Малороссіи на неизвѣстный до сихъ поръ матеріалъ, я не намѣренъ входить въ подробную его оцѣнку, которая къ тому же потребовала бы слишкомъ много мѣста. Лишь въ видахъ нѣкоторой иллюстраціи значенія этого матеріала, я позволю себѣ привести изъ него нѣсколько свѣдѣній, касающихся дѣятельности генеральнаго суда въ первые годы по его возобновленіи.

Еще при Полуботкѣ распоряженіями генеральной канцеляріи за генеральнымъ судомъ было закрѣплено по преимуществу значеніе аппеляціонной инстанціи по отношенію къ полковымъ судамъ. На практикѣ однако-же этотъ порядокъ инстанцій устанавливался довольно плохо, и, вслѣдъ за возстановленіемъ генеральнаго суда, послѣднему съизнова пришлось заботиться объ его утвержденіи въ жизни, отказываясь принимать на свое разсмотрѣніе дѣла, не разбиравшіяся еще въ полковыхъ судахъ. Уже въ засѣданіи 6 февраля 1729 г. генеральный судъ по поводу поступившаго въ него дѣла значковаго товарища Ал. Михайловскаго и Өомы Кубраковскаго постановилъ, не разбирая этого дѣла по существу, направить его въ Нѣжинскую полковую канцелярію, такъ какъ оно не разсматривалось еще въ полковомъ судѣ, „а по указамъ велено первѣе въ нижнихъ судахъ, оттоль въ вышнихъ челобитствовать“ [1]). Такихъ случаевъ за 1729 годъ можно указать и еще нѣсколько [2]). Тѣмъ не менѣе еще въ 1733 г. суду пришлось возвращаться къ этому вопросу, и въ засѣданіи 7 іюня, „слушавъ екстракту, согласно приговорили по силѣ первого рѣшительного пункта ни отъ кого никакого и ни

[1]) Тамъ-же, св. 5, № 23, дѣло № 7, л. 33 оборотъ.

[2]) Тамъ-же, дѣло № 15, л. 53—4; дѣло № 29, л. 72; дѣло № 43, л. 105.

въ какомъ иску въ судѣ генералномъ челобитенъ не принимать" раньше разбора дѣла „въ нижнихъ судахъ". Тогда же въ силу этого рѣшенія постановлено было послать полковникамъ указы, чтобы они принимали въ полковые суды всѣ дѣла, „не выключая никого", и донести гетману, что согласно его универсалу 15 мая 1731 г. дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ и другія будутъ разосланы изъ генеральнаго суда въ полковые и сотенные „для слѣдствія и рѣшенія" [1]). Гетманскимъ универсаломъ дѣла генеральной старшины, полковниковъ и бунчуковыхъ товарищей были однако исключены изъ вѣдомства полковыхъ и сотенныхъ судовъ, и для нихъ генеральный судъ оставался первою инстанціей. 18 іюня 1733 г. генеральный судья возбудилъ по этому поводу сомнѣніе, подавъ по одному частному дѣлу отдѣльное мнѣніе [2]), но въ концѣ концовъ дѣла названныхъ лицъ остались въ генеральномъ судѣ. Вводя въ законныя рамки свою компетенцію и свои отношенія къ низшимъ судебнымъ учрежденіямъ, судъ долженъ былъ позаботиться и объ установленіи опредѣленнаго порядка сношеній съ представителемъ высшей власти въ странѣ. Впрочемъ, сношенія генеральнаго суда съ носителемъ гетманской власти едва-ли не оставались весьма мало упорядоченными почти до самаго конца гетманства Апостола. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать постановленіе, сдѣланное судомъ въ засѣданіи 8 марта 1732 г. „По справки въ судѣ генералномъ с вершеными дѣлами,—гласитъ это постановленіе,—по которыхъ приговоры незакрѣпленные канцеляристы оного суда по приказу генералного суда къ его ясневелможности для сообщения пошивали і подписовали разные на оныхъ приговорахъ приказы якобы от его ясневельможности говоренные, а подлинно-ли его ясневельможность приказывалъ такъ, якъ канцеляристы подписовали, іли нѣтъ, о томъ въ судѣ генералномъ отъ его ясневельможности писменного извѣстия не имѣется, и для того на тѣхъ канцелярискихъ подпискахъ суду генералному безъ писменного от его ясневелможности объявления утвердитися сумнително, того ради судъ войсковый генералный согласно приго-

[1]) Тамже, св. 5, № 27, д. 46, л. 121—122 об.

[2]) Тамъ-же, дѣло 56, л. 158—9.

ворили: до его ясневелможности писать и требовать, дабы его ясневелможность въ судъ генералный соизволилъ объявить писменно, какимъ образомъ оному суду утверждатся впредь, что решения по дѣламъ по силѣ помянутого И. В-ва указу бывають его ясневелможности сообщены, суду генералному утверждатся сумнително, и дабы чрезъ таковыя неподленности не было порицания, что рѣшения якобы его ясневелможности не бывають сообщены" [1]).

Пришлось на первыхъ порахъ суду считаться и съ другого рода препятствіями его дѣятельности въ видѣ попытки части духовенства вовсе выбиться изъ-подъ юрисдикціи свѣтскихъ судовъ. Въ засѣданіи 25 іюля 1723 г, судъ слушалъ доношеніе Стародубскаго полкового судьи Ник. Ханенка. «Послѣдній сообщалъ, что епископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій Иродіонъ Жураковскій „писалъ отъ себе листомъ сего 729 году до всего въ полку Стародубскомъ обрѣтаючогося священства, чтобъ въ судъ мирскій не допущать духовенства, а если де что кого касатимется, о томъ писано будетъ къ его преосвященству отъ ясневелможного господина гетмана, а по листамъ опредѣление де учинитъ не укоснитъ онъ епископъ". Генеральный судъ рѣшилъ обратить вниманіе епископа и Стародубской полковой старшины на 18-й и 15-й пункты изъ числа „рѣшительныхъ пунктовъ", данныхъ гетману Апостолу въ 1728 г., и требовать ихъ выполненія [2]). Въ ноябрѣ того-же года генеральный судъ постановилъ привлечь къ отвѣту въ полковой Стародубскій судъ повѣреннаго самого епископа Жураковскаго, а въ другомъ случаѣ—Мринскаго городничаго, обоихъ по частнымъ искамъ [3]).

Въ своей дѣятельности генеральный судъ долженъ былъ руководиться „малороссійскими правами". Въ 1731 г. члены суда, прослушавъ докладъ «о книгахъ Статутѣ, Зерцалѣ Саксонскому и Порядку права майдебурского, согласно приговорили къ ясневелможному господину гетману и кавалеру Апостолу послать доношение, въ которомъ требовать, дабы оные книги

---

[1]) Тамъ-же, № 26, дѣло 6, л. 5 об.—6 об.

[2]) Тамъ-же, № 23, д. 7?, л. 212.

[3]) Тамъ-же, д. 92, л. 268 об. и д. 93, л. 269.

вновь были присланы въ судъ генералный, по которымъ бы въ ономъ судѣ решить дѣла было можно, для того, что по указамъ И. В-ва велено въ судѣ генералномъ решить дѣла по малороссійскихъ правахъ, которые напечатаны въ вышепомянутыхъ книгахъ, токмо оные книги въ судѣ генералномъ имѣются обветшалые весма, а въ нѣкоторыхъ и листы подраные" [1]). Всѣ названные кодексы находили себѣ дѣйствительное, хотя и не одинаково широкое примѣненіе въ приговорахъ суда. На данный періодъ нельзя было бы распространить и наблюденія, сдѣланнаго г. Миллеромъ для позднѣйшей эпохи, что Саксонъ примѣнялся только въ дѣлахъ о святотатствѣ [2]). Напротивъ, еще въ 1729 г. можно указать случаи, когда постановленія Саксона признавались законодательными нормами даже въ области гражданскаго права [3]). Но разногласія, существовавшія между этими кодексами, въ свою очередь должны были привлечь на себя вниманіе суда. Такъ, въ засѣданіи 14 іюня 1734 г. онъ постановилъ обратиться къ кн. Шаховскому за разъясненіемъ, какихъ законовъ слѣдуетъ ему держаться въ виду противорѣчивыхъ постановленій Литовскаго Статута, Саксонскаго Зерцала и Порядка о наказаніи убійцъ, воровъ, прелюбодѣевъ и святотатцевъ [4]). Отмѣтимъ еще, что при разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ въ генеральномъ судѣ употреблялась и пытка, въ видѣ прикладыванія къ тѣлу пытаемаго раскаленныхъ шинъ до трехъ разъ.

---

[1]) Тамъ-же, св. 6, книга 28, д. 30, л. 83 об.—84 об.

[2]) Миллеръ, назв. соч., с. 196—7.

[3]) Такъ, въ дѣлѣ 1729 г. между сторожемъ гетманскаго двора С. Кузченкомъ и бунч. тов. Андр. Лизогубомъ о занятомъ первымъ у второго хлѣбѣ генеральный судъ, основываясь на Саксонѣ, отвергъ законность процентовъ по займу и отказался присудить ихъ—М. А. М. Ю., Дѣла б. Черниг. Палаты Угол. и Гражд. Суда, опись 17, св. 5, кн. 23, д. 49, лл. 118—120 об. Это постановленіе тѣмъ болѣе любопытно, что, какъ можно видѣть изъ тѣхъ же протоколовъ ген. суда и еще болѣе изъ другихъ источниковъ, проценты при займахъ не только постоянно употреблялись тогда въ Малороссіи, но и достигали порою весьма внушительныхъ размѣровъ, въ родѣ 50 и даже 100% годовыхъ.

[4]) М. А. М. Ю., Дѣла б. Черн. Пал. Уг. и Гр. Суда, опись 17, св. 6, кн 28, д. 31, л. 85.

14 іюня 1734 г. судъ рѣшилъ обратиться къ завѣдывавшему правленіемъ гетманскаго уряда кн. Шаховскому съ запросомъ, нельзя ли разсматривать дѣла, не обращая вниманія на истекшую давность, такъ какъ „прежде сего по 1732 годъ въ генералной войсковой канцеляріи протоколной записки тѣмъ супликамъ и другимъ входящимъ писмамъ не было и съ роспискою оныхъ не принимано, а по справкамъ въ архивѣ оной енералной канцеляріи многіе суплики не сыскиваются, иныхъ же и весма не имѣется, ибо прежде того настоящаго порядку въ содержаніи дѣлъ не было, почему хотя хто въ обидѣ своей упоминался и билъ челомъ, токмо о томъ виду никакова нѣтъ, а отвѣтчики въ судахъ иски истцовъ отбываютъ промолчаніемъ и давностію" [1]). И собственная канцелярія суда привлекала къ себѣ его вниманіе и заботы. Дѣла въ ней были распредѣлены между канцеляристами по повытьямъ. Было генеральное повытье и полковыя, причемъ каждые два полка составляли повытье и поручались одному канцеляристу [2]). Всею канцеляріею завѣдывалъ писарь, должность котораго первоначально исправляли по очереди войсковые канцеляристы, а чрезъ ту перемѣну за нескорымъ ихъ разсмотрѣніемъ въ дѣлахъ происходила остановка"- Въ 1731 г. по представленію генеральнаго суда на должность его писаря гетманскимъ универсаломъ назначенъ былъ бывшій войсковой канцеляристъ Демьянъ Оболонскій, который и оставался на этомъ мѣстѣ до 1741 г., когда онъ произведенъ въ генеральные бунчучные, а на мѣсто писаря генеральнаго суда послѣднимъ былъ представленъ Бибикову войсковой канцеляристъ Яковъ Галяховскій [3]). За канцеляріей присматривалъ однако не только писарь, но и члены суда, имѣвшіе, повидимому, нѣкоторыя основанія быть недовольными поведеніемъ канцеляристовъ. Въ засѣданіи 14 мая 1742 г. судомъ сдѣлано было даже особое постановленіе по этому поводу. „Понеже— гласитъ оно—въ генералномъ судѣ засѣдающими члены усмот-

[1]) Тамъ-же д. 30 л. 83 об.—84 об.

[2]) Тамъ-же, св. 5, книга 23, д. 73, л. 206 об.

[3]) Тамъ-же, св. 7, кн. 36, д. 128, л. 342 об.—345 об.

рѣно, что канцеляристы онаго генералнаго суда, не смотря должности своей, для отправления порученныхъ имъ дѣлъ позно въ оный генералный судъ приходятъ и во время слушанія дѣлъ отлучаются и прежде отходу оныхъ членовъ выходятъ, чрезъ что въ произведеніи тѣхъ дѣлъ чинится остановка; того ради согласно приговорили онымъ канцеляристамъ въ войсковой генералный судъ для отправленія дѣлъ, званію ихъ подлежащихъ, приходить з рана по пробытіи шестого часа заразъ и во время слушанія дѣлъ никуда не отлучаться, а отходить по розъѣздѣ членовъ въ полчаса, по отъѣздѣ же приходить в два часа, а отходить в шестомъ часу, и ежели хто з оныхъ канцеляристовъ явится по сему въ неисполненіи, такового содержаніемъ на пушки, а ежели и часто в томъ же неисполненіи усмотрѣнъ будетъ, отрѣшеніемъ от дѣлъ штрафовать, и для того сей приговоръ объявить онымъ канцеляристамъ всѣмъ и взять в слушаніи оного и исполненіи по оному съ обовязателствомъ во всякого подписку" [1]).

Остановимся на этомъ. Думается, даже сдѣланныхъ уже бѣглыхъ указаній и выдержекъ достаточно для того, чтобы дать приблизительное понятіе о значеніи описываемаго архива. Точное же опредѣленіе этого значенія возможно будетъ лишь въ результатѣ обстоятельнаго изученія всего хранящагося въ немъ матеріала.

В. Мякотинъ.

[1]) Тамъ-же, св. 7, кн. 37, д. 39, л. 211 об.—212.

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

VII.

Вышли изъ церкви. Одна только подвода стояла у ограды, и на возъ усаживали больную бабусю, привезенную для причастія въ церковь изъ Бугаевки,—а то всѣ шли пѣшкомъ. Въ каждой изъ расходящихся по разнымъ куткамъ группѣ можно было различить: впереди всѣхъ—дѣтей подростковъ, не рѣдко въ отцовскихъ и материнскихъ костюмахъ, затѣмъ парней въ черкескахъ коричневаго лавочнаго сукна, подпоясанныхъ синими и зелеными камлотовыми поясами и въ новыхъ картузахъ; далѣе цѣлый букетъ дивчатъ, разодѣтыхъ въ ситцевыя яркихъ цвѣтовъ или кумачныя пары, съ вывязанными, но непокрывающими темени головы гарнитуровыми платками; еще далѣе—молодицы въ неуступающихъ дѣвичьимъ пестротою парахъ и чалмообразно повязанныхъ на головѣ платкахъ, а затѣмъ уже пожилыхъ бабусь въ темныхъ головныхъ уборахъ и въ степенныхъ холстинкахъ, и дѣдовъ съ палочками, идущихъ медлен-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 10.

ною старческою ходою и не спѣшащихъ за далеко опередившею ихъ молодежью.

Въ этихъ расходящихся по своимъ куткамъ, а затѣмъ и по домамъ, группамъ мало было домохозяевъ, возрастныхъ мужчинъ. Большинство изъ нихъ осталось около волости, и нѣкоторые привернули и къ кабакамъ Козла и Жердева.

Въ части толпы, отдѣлившейся по направленію къ Красноселовкѣ, между молодицами шла домой изъ церкви и Сохва, празднично принаряженная въ новую, изъ „морозовки", вышитую кантами и окаймленную плисомъ пару и въ большомъ вывязанномъ по очипку платкѣ на головѣ. Солдатки вообще въ описываемое мною время уже не носили на головѣ очипковъ, но Сохва, состоя самостоятельною хозяйкою, не оставляла еще этого головного, знаменующаго извѣстнаго рода степенность, убора. Молодицы интересовались новостью для ихъ кутка—возвращеніемъ „Попка". Всѣ онѣ уже знали, что онъ пріютился пока у Сохвы, такъ какъ не безъизвѣстно имъ было и то, что его хата стояла „пусткою". Любопытствовали знать, какъ же теперь онъ думаетъ устроиться; у нѣкоторыхъ даже промелькнули въ головѣ не совсѣмъ скромныя соображенія на счетъ его отношеній къ пріютившей его Сохвѣ, но высказать эти послѣднія соображенія никто не смѣлъ, тѣмъ паче, что Сохва, удовлетворяя общее любопытство, степенно разсказала, что сегодня же прійдутъ его сестры и общимъ совѣтомъ рѣшатъ, какъ устроиваться жить Хведьку (она не употребляла умышленно насмѣшливое слово „Попокъ").

По мѣрѣ удаленія отъ церкви, толпа таяла: то тѣ, то другіе отдѣлялись по своимъ дворамъ. Сохва со словами:—оце й хата!—тоже пошла къ себѣ. Но хата была заперта, и квартирантъ ея Хведько оказался на огородѣ помогающимъ возвратившемуся съ ловли рыбалкѣ Хряпку развѣшивать порѣжную сѣть на прибрежныхъ кустахъ.

—Не прыходыла?—спросила Сохва, ради того только, чтобы заговорить, и, взявъ отъ Хведька ключъ, пошла въ хату.

Покончивъ развѣшиваніе сѣти, Хряпко выбралъ изъ лодки въ мѣшокъ рыбу, при чемъ мелкой рыбешки „борщивъ на тры“ отдѣлилъ Хведьку...

—Беры, беры! Чого ты?! Сохва подякуе: ій и такои нигде взять—уговаривалъ онъ церемонившагося было Хведька, высыпая водоливчикомъ на траву рыбу; онъ привязалъ къ корню старой вербы човенъ и побрелъ съ весломъ на плечѣ черезъ огороды къ себѣ.

Хведько вырвалъ два большихъ лопуха, собралъ въ нее съ травы рыбу и понесъ въ хату, гдѣ уже Сохва переодѣлась и повязывала голову, вмѣсто снятой чалмы съ очипкомъ, легкимъ платочкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, она обрадовалась принесенной рыбешкѣ.

—Оце спасыби! Отъ-тутъ положы на лавци,—указывала она, довязывая платокъ на головѣ.—Це вже давно я іи коштувала.. Бачъ ажъ колы—ще ажъ у литку, якъ на Пучыни у Мирошныченка сояшныкы тяпкувалы...—говорила Сохва, убирая рыбу въ мисочку.—Нехай же къ вечери, а теперь вже нигде варыть...—добавила она выходя въ сѣни..

Вернувшись, она отвернула сложенный на столѣ конецъ „настильныка“ и положила ближе къ покутному концу стола цѣлую, непочатую паляницу. Затѣмъ принесла ложки и пригласила Хведька садиться за столъ обѣдать.

Не успѣла Сохва прибрать со стола послѣ обѣда, какъ услыхала, что Хведько, вышедшій на крыльцо (прысинки) съ кѣмъ то разговариваетъ. Это, оказалось, пришли обѣ его сестры, Полька и Машка, а затѣмъ скоро подошелъ и зять его Максимъ Зубаненко; всѣхъ ихъ Сохва, прибравши со стола, пригласила въ хату.

Тутъ началось совѣщаніе относительно будущей жизни Хведька, и порѣшили, что Машка оставитъ службу у діакона и будетъ жить съ братомъ въ ихъ хатѣ, а къ осени обдумаютъ, какъ устроиться—женить ли Хведька, или принять зятя къ Машкѣ. О деньгахъ же, находящихся у Сугыбы, разъяснилось, что

деньги въ количествѣ 56 рублей отданы ему, Сугыбѣ, только до выхода Хведька изъ тюрьмы, примѣрно до Петрова дня, за проценты; при возвращеніи капитала должникъ долженъ отдать процентовъ 4 рубля и *„ременю“* (т. е. кожевеннаго товара) на *„пришвы“* къ мужскимъ халявамъ. При отдачѣ этихъ денегъ ему, безъ всякаго, впрочемъ, письменнаго документа, была и „титка Горпына“, и дѣлалось это въ волостномъ правленіи.

Всей компаніей отправились въ коморю осмотрѣть худобу, какая тамъ была заперта, послѣ чего пошли на дворъ Хведька; обошли всѣ постройки; входили во внутренность отпиравшейся для этого хаты.

На улицѣ ужъ то-тамъ, то-сямъ подъ хатами собирались успѣвшіе выспаться послѣ обѣда по праздничному селяне. Всѣ видѣли проходившихъ во дворъ и изъ двора Самченковыхъ Хведька съ сестрами, зятемъ и Сохвою, и всѣ понимали значеніе этого осмотра; кучка же дѣтей не преминула даже ихъ проводить во дворъ; тамъ, около воротъ, зазирая черезъ *„тынъ“*, обождать и затѣмъ довести ихъ почти до двора Сохвы, разсматривая высокую фигуру „Попка», каковую кличку Хведька они, дѣти, слышали въ разговорахъ старшихъ въ тотъ день съ самаго утра.

На самомъ дѣлѣ появленіе Хведька было новостью дня для всего кутка Андреевки-Красноселовки. Всѣ говорили объ этомъ, всѣ интересовались тѣмъ, какъ онъ устроится въ своей опустѣлой хатѣ, наконецъ всѣмъ показывался любопытнымъ этотъ нововыросшій, рослый молодой мужчина, послѣ годичнаго отсутствія появившійся изъ тюрьмы среди мирныхъ обывателей этого кутка.

Полька принесла изъ дому *паляныцю* и нѣсколько штукъ тарани, и потому Сохва сочла необходимымъ пригласить всѣхъ пополудновать. Все время они говорили, совѣтовались о томъ, какъ дальше устраиваться Хведьку съ Машкою, разрабатывали, такъ сказать, детали затѣваемаго хозяйничанья. Порѣшено было, что Машка завтра же отойдетъ отъ діакона, и для того Хведько прійдетъ объясниться съ ея хозяевами и по пути за-

несетъ на водяную мельницу мѣшокъ жита для размола. Затѣмъ уже со вторника Машка займется приборкою и обмазкою хаты, при чемъ Хведько ей поможетъ доставкою изъ „кручи“ глины и носкою воды.

Вечеромъ, когда сестры съ зятемъ ушли, проводившій ихъ Хведько, уже не стѣсняясь, подошелъ къ группѣ своихъ уличанъ, сидѣвшихъ около двора Журиленка на сваленныхъ тутъ бревнахъ, и, приглашенный кѣмъ-то короткимъ „сидай тутъ зъ намы“, усѣлся.

Никто изъ компаніи не намекнулъ даже Хведьку про его бытность въ тюрьмѣ, и вообще какъ будто мало его и замѣчали; только когда уже стали расходиться въ виду подходящей череды, старый Журило спросилъ его:

—Що жъ, якъ усовитовалысь? На батькивщыни сидаешъ?— и когда Хведько разсказалъ о томъ, какъ задумали устроиться,— человѣка два-три одобрили его проектъ.

—Та вже-жъ ніякъ. Треба якъ небудь! Якось, Богъ дасть, улаштуешся...

Этими нѣсколькими взаимно сказанными словами, этимъ появленіемъ среди своихъ уличанъ для Хведька была уничтожена та неловкость его положенія, какую онъ по сю пору испытывалъ.

VIII.

Проснувшись на другой день, Сохва увидѣла Хведька совсѣмъ уже собравшимся въ путь; онъ только ожидалъ ее, чтобы изъ коморы взять мѣшокъ съ житомъ и отправиться на мельницу.

Еще только кой-гдѣ стали шевелиться въ селѣ, и къ чередѣ еще не гнали, какъ уже Хведько съ клункомъ жита на плечѣ шагалъ по улицѣ по направленію къ греблѣ и мельницѣ Богатыревой.

Паръ носился надъ водою запруженной части Осередья, сгущаясь плотнѣе къ очеретамъ вершины плеса; шумъ воды на лотокахъ не заглушалъ писка и стрекота проснувшихся водяныхъ курочекъ въ камышѣ и крячекъ, носящихся надъ водою. На мостку гребли, пригнувшись къ *„заставкамъ“*, что-то разсматривалъ въ запыленномъ бѣльѣ, съ присыпанными мукою всклокоченными волосами мирошникъ. Около двухъ возовъ помольщиковъ стояли прикованныя цѣпями лошади, и подъ возами видны были спящіе два человѣка.

—Здоровъ!—отвѣтилъ мирошникъ на привѣтствіе Хведька, не переставая осматривать заставки.

—Що у васъ, дядьку,—завизно?

—А що?

—Та есть трохы жыта змолоть...

—Змелю—несы онъ-туды у двери. Змелю, поспію всимъ. Теперъ вже трохы вольготнійше, а то дуже було завизно... Ты чый же? тутешній? Що, наче я тебе не знаю.. не въ прымиту.—

—Та тутешній—Самченкивъ.—

—Гмъ.. Андрія Самченка... знаю. Бачъ, якъ уси ростуть.. и не розберешъ молодыхъ!—какъ-бы самъ съ собою разсуждалъ мирошникъ.

—Поставъ отъ-тутъ; къ вечору може й засыплю. Зосталося не багато...

Хведько попрощался и пошелъ на Бемовку въ уличку около сахарнаго, теперь недѣйствующаго завода, по направленію къ базару, гдѣ былъ домъ діакона.

Ворота оказались у діакона запертыми и окна въ домѣ закрыты ставнями. Очевидно, въ домѣ еще спали,—приходилось подождать. Онъ постоялъ и затѣмъ сталъ на скамейку около воротъ и силился заглянуть во дворъ черезъ заборъ.

—Іи нема, коровъ до череды погнала,—отозвался сзади его женскій голосъ. Это была сосѣдка дивчина, направлявшаяся куда-то съ тяпкою на плечѣ и съ мѣшочкомъ въ рукахъ.

Дѣйствительно, вскорѣ появилась Машка, гонявшая коровъ. Она объяснила, что уже говорила діаконшѣ и что вчера еще діаконша пригласила Глущенкову, черныцю, приходить рано и вечеръ доить коровъ, пока не найдется на мѣсто ея работница; что вотъ-вотъ скоро хозяйка встанетъ, а можетъ быть встала, а что діаконъ будетъ спать долго, потому что вчера дѣлили на лугу траву и „отець діаконъ" вернулся выпивши.

Пришлось подождать, сидѣть и смотрѣть, какъ небольшая базарная площадь мало-по-малу оживала, заставлялась возами торговцевъ и возками торговокъ-седухъ и сходящимися людьми, какъ развертывался понедѣльничный лѣтній небольшой базарчикъ.

Наконецъ выбѣжавшая изъ двора Машка открыла уличныя окна и сказала Хведьку, что и діаконъ всталъ.

Хозяева Машки вполнѣ поняли ея положеніе и не настаивали на ея удержаніи на службѣ. Разсчитавшись, она связала свою худобу въ небольшой узелокъ и вмѣстѣ съ братомъ направилась, по возможности обходя базарную гущу людей, въ Андреевку.

Кое-какъ устроились на хозяйство Хведько съ Машкою.

Обмазанная хата, съ обведенными красною глиною окнами, выглядѣла даже свѣжѣе другихъ своихъ по ряду товарокъ. Изъ коморы Машка подобывала всѣ тѣ мелочныя, но необходимыя принадлежности печо-хатняго хозяйства крестьянской семьи, безъ которыхъ немыслимо функціонированіе любой сельской хозяйки. Появилась на видномъ въ избѣ мѣстѣ *дижа*; *рогачи*, *кочерга* и *чаплія* заняли ихъ обычный постъ въ углу около печи, на полицѣ надъ порогомъ помѣстились горшки, миски и ложки, столъ покрытъ „*настильникомъ*", однимъ концомъ прикрывающимъ надрѣзанный хлѣбъ; на „*жердци въ валькири*" появилась кой-какая одежа, а въ углу на „*полу*" сложены Машкины подушки. На „прысинкахъ" въ углу на скамейкѣ стояли ведра; около хаты было обметено, и въ тѣни повѣтки бѣлѣли свѣжія щепки нарубленнаго на топливо сушняка. У окна около лавки Хведько пристроился со своимъ „*шевствомъ*", забравъ у

Сохвы шевскій „*струментъ*", пополненный уже имъ самимъ. Пришлось ему пожалѣть, что изъ тюрьмы онъ не взялъ оставленный ему Шляховымъ „*струментъ*". Да пока еще и не все понадобилось. Такъ, кое-какая починка нашлась, да и тою еще некогда было заняться: много пришлось похлопотать, устраиваясь въ житьѣ.

Машка уже настолько справилась по своему небольшому хозяйству, что уже на слѣдующей недѣлѣ отправилась на поденщину, на полку свеклы.

Хведько уже не сторонился и пересталъ быть новымъ лицомъ на своемъ кутку—на Красноселовкѣ; дѣти уже попривыкли къ нему.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда получатся отъ Сугыбы деньги, можно будетъ купить лошадь, справить всю сбрую и сдѣлаться чуть не полнымъ хозяиномъ.

Навѣдывавшаяся къ нимъ и по возможности помогавшая Машкѣ въ пораньи Сохва почему-то не вѣрила въ осуществленіе мечтаній Хведька, хотя, собственно говоря, ничѣмъ основательнымъ не могла объяснить свои сомнѣнія.

Но Хведько не унывалъ, считалъ вполнѣ осуществимыми свои намѣренія и потому, встрѣтившись даже разъ около глинища, гдѣ онъ копалъ для обмазки хаты глину, съ лѣснымъ сторожемъ Плахотой, поговорилъ съ нимъ о возможности ночью пасть въ лѣсу лошадь. За это онъ обѣщалъ сторожу могарычъ и въ случаѣ надобности кое-что поисправить изъ обуви.

Максимъ Плахота жалѣлъ его, какъ сына своего кума, и обѣщалъ пускать на ночь съ лошадью въ лѣсъ.

Близился Петровъ день, слѣдовательно и такъ нетерпѣливо ожидаемая Хведькомъ урочная ярмарка въ Андреевкѣ.

IX.

Еще дней за четыре-пять начала строиться ярмарка. Торчавшія еще съ весны колья обставлялись шелевками; устроен-

ные балаганы покрывались полстями и рогожами, разгружались привезенные возы, товары укладывали на полкахъ; въ сторонѣ отъ лавокъ подъ горою уже становились возы, наладованные свѣжею зеленою травою, и при нихъ то шаечки быковъ, то кучки овецъ—началась уже скотская ярмарка. Цыгане пораспинали свои шатры, появились „хуры" съ колесами и возами; ожилась пустая въ обыкновенное время ярмарочная площадь.

Пришедшая вечеромъ съ работы Машка разсказала, что на мосту видѣла возвращавшагося изъ Шереметовки Сугыбу.

На другой день утромъ, какъ солнце стало *„у сниданья"*, значитъ часовъ въ 7, Хведько отправился къ Сугыбѣ.

Окна на улицу были открыты, и у одного изъ нихъ сидѣлъ самъ Сугыба въ ситцевой рубахѣ, пилъ чай и съ кѣмъ-то изъ своихъ разговаривалъ. Онъ замѣтилъ подошедшаго Хведька только тогда, когда тотъ, приподнявъ немного шапку, сказалъ:

—Здраствуйте! Ночувалы соби!

—Здоровъ! Слава Богу!—отвѣтилъ Сугыба, поставилъ на столъ блюдце, опрокинулъ вверхъ дномъ чашку, отодвинулъ ее и высунулся въ окно.

—Шо тоби надобно?—спросилъ онъ Хведька.—Хто ты такый? По якымъ диламъ?—

—Та я тутъ у васъ уже бувъ.... гроши мои у тебе, дядьку, такъ треба теперъ самому...

Сугыба сразу понялъ, кто это передъ нимъ, и успѣлъ приготовиться къ отвѣту.

—Ага! знаю! Ты той, якъ пакъ васъ прозываютъ?...

—Самченко.—

—Эге жъ, знаю! Шо жъ парень?!. Я й не отказуюсь: гроши твои въ мене, та тильки воны въ товари. Оце жъ я въ Шереметивци на Ивана й товаръ набиравъ икъ своій ярмарци—онъ ще й воза не розшнуровувавъ.—Тамъ що Господь пошле у ярмарку, ты тоди понавидайся.. може що небудь и зберу...

—А мени бачъ теперъ треба, хотивъ було якою небудь шкапыною роздобутыся.

—Шо жъ робыть! Я й раднійшій-бы, та бачъ яке...

—Та наче жъ мы й не повынни теперъ отдаваты цихъ грошей ажъ до строку — до Покровы...—отозвалась Сугыбыха, сидѣвшая тутъ же окола стола и полоскавшая чашки..

—Та такъ же—воно звисно до Покровы... какъ-бы спохватившись подтвердилъ Сугыба.—Це я такъ, якъ що може бъ гроши булы у збори, такъ яку тамъ частыну отдать, а то, звисно, до Покровы... Теперъ и своихъ по людяхъ ніякъ не зберешъ. Якъ правыть, такъ бачъ и оглядиться по дому, якъ то кажуть, не дадуть—заразъ прыстають, а отдавать, такъ щось не дуже поспишають—переходя въ ворчливо-укоригельный тонъ, повелъ рѣчь Сугыба, между тѣмъ, какъ Хведько только почесывалъ потылицу и похнюпившись кой-когда изъ-подлобья взглядывалъ на окно и на высунувшагося въ него своего должника. Въ его головѣ какъ-то не укладывалось понятіе о возможности не отдавать должныхъ денегъ, тѣмъ паче, что онъ вѣрилъ разсказамъ сестры, что деньги отданы въ рость только до выпуска его изъ тюрьмы.

—А мени теперъ саме надобляться—подтвердилъ онъ свое домогательство.

—Та вже-жъ хоть и надобляться, такъ заразъ нема. Хиба разви тамъ, якъ дило покаже писля ярмарку... а теперъ самъ бачишъ, воны твои гроши у товари..

Хведько начиналъ понимать, что этотъ Сугыба какъ бы крѣпнетъ въ намѣреніи не отдавать денегъ, почувствовалъ, что его надежды на возможность обзавестись лошадью при такомъ положеніи дѣла врядъ ли могутъ осуществиться, и знакомое его натурѣ чувство злобы по отношенію къ этому торгашу на его деньги вдругъ прилило къ сердцу. Такъ бы и схватилъ его за глотку и выжалъ бы изъ него эти деньги—средство осуществленія мечты о хозяйствѣ, о возможности стать на ноги, сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ. Озабоченное выраженіе его лица вдругъ какъ то измѣнилось въ грозное, злое. Сугыба, наторѣлый въ общеніи съ людьми, подмѣтилъ эту перемѣну и, не желая во

всякомъ случаѣ озлобить своего кредитора, на его болѣе настойчивое: а мени, бачъ, треба грошей!—отвѣтилъ: та отъ побачымо, якъ тамъ воно дило покаже на ярмарку, то може я й не стану держать твоихъ грошей. Богъ зъ нымы! Мени ще й лучше, якъ нихто не звязуватыме.—

—Тамъ якъ знаешъ, а мени, дядьку, оддай гроши до ярмарку—сказалъ, блеснувъ глазами и сдвинувъ черныя брови, Хведько и, кивнувъ головою, пошелъ вдоль по улицѣ отъ двора.

Сугыба видѣлъ, что всѣ его отговорки не возъимѣли желаннаго успѣха, и что Хведько мало принималъ во вниманіе всѣ его доводы и настойчиво твердилъ свое требованіе отдачи денегъ.

—Пипъ свое, а чортъ свое! Якъ оддай, такъ оддай, тай бильшъ ничого!—сказалъ Сугыба какъ бы про себя, повернувшись отъ окна...

—Поправыть, та такый же якый бувъ и зостанеться... отозвалась вполнѣ сочувствовавшая мужу Сугыбыха.

X.

Мрачный шелъ Хведько, понурившись и не обращая даже вниманія на развертывающуюся на площади ярмарку. И только при поворотѣ къ винокурнѣ онъ взглянулъ на пьяныхъ, ѣдущихъ въ телѣгѣ, около которой было привязано нѣсколько лошадей. Между кричащими что-то пьяницами онъ разглядѣлъ Шкавра и Шляховаго, и ему показалось, что они тоже на него смотрѣли, но не узнавали его.

Хведько не окликнулъ ихъ. Ему почему-то показалось неловко встрѣчаться съ ними, не имѣя денегъ на покупку лошади. Ужъ больно много онъ тогда нахвасталъ передъ ними въ трактирѣ Вовка. Поэтому, не окликнутый Шляховымъ, онъ постарался поскорѣе скрыться отъ нихъ и поспѣшилъ къ своему двору.

Машка была дома и только что вернулась съ огорода, гдѣ она *„прала“* бѣлье, развѣшиваемое теперь ею на плетнѣ и жердкахъ.

Увидавъ брата, она, зная куда и зачѣмъ онъ ходилъ, спросила его:

—Ну, що жъ? Выправывъ?

—Такый! Въ нього не скоро выправышъ!—неохотно отвѣтилъ Хведько и пошелъ въ избу, гдѣ и усѣлся сапожничать.

Наступилъ канунъ Петрова дня—подторжье въ Андреевкѣ. Не помѣщается ярмарка на небольшой площади—разлилась по прилегающимъ улицамъ, выперлась на косогоры. Какъ поросль лѣса, торчатъ вездѣ приподнятыя вверхъ оглобли. Къ вечеру народу все прибываетъ больше и больше. Торгаши краснорядцы, желѣзняки, кожевники уже разстановились вполнѣ и занимаютъ самый центръ этой гущи людей, возовъ, лошадей.. Каждый рядъ торговли занимаетъ свой рядъ: отдѣльно балаганы съ краснымъ товаромъ, рядомъ съ краснорядцами двѣ-три *яточки* галантерейщиковъ, цѣлый рядъ столярныхъ подѣлокъ, прядокъ, гребней, оконъ, сундуковъ; отдѣльно двумя рядами съ натянутыми при возахъ наметами сапожники и кожевники; двѣ посудныхъ лавки прислонились въ концѣ двухъ рядовъ колеснаго и телѣжнаго товара, здѣсь же куча *сопилокъ,* возы съ таранью, солью, перекупки съ бубликами, паляныцями, особнякомъ стали гончари съ бабьимъ товаромъ: горшками, мисками и макитрами; особый наметъ натянутъ надъ бочками дегтя, которымъ теперь запасаются селяне въ виду предстоящей возовицы. На окраинахъ ярмарочной гущи виднѣется еще кой-гдѣ нераспроданная скотина; бѣлѣютъ нѣсколько шатровъ цыганъ и тамъ-же *„конна“*—продажа лошадей.

Не помѣщающаяся на площади ярмарка мало-по-малу втискивается въ прилегающія улицы; во дворахъ и хатахъ тоже много прибылаго ярмарковаго люду. По дорогамъ, ведущимъ въ слободу, тянулись нескончаемыя вереницы возовъ. Густой праздничный благовѣстъ ко всенощной выдѣлялся среди какого-то неопредѣленнаго гула, скрипа, ржанья, мычанья и людскихъ голосовъ.

Хведько подошелъ было къ устраивавшемуся въ шевскомъ ряду Сугыбѣ, но не рѣшился говорить съ нимъ въ виду его захлопотанности. Онъ видѣлъ, какъ тотъ къ наладованному возу пристраивалъ навѣсъ, вбивалъ колья, натягивалъ веревки, и потому раздумалъ затрогивать его, разсчитывая, что завтра наторговавшій еще на подторжьѣ денегъ Сугыба не рѣшится удерживать долгъ и расплатится съ нимъ.

Но тѣмъ не менѣе сомнѣніе въ отдачѣ денегъ не переставало тревожить его и усугубляло мрачность его настроенія. Печально и безучастно потолкался онъ въ толпѣ, посмотрѣлъ издали на окруженный цѣлою толпою кабакъ Жердева, но не пошелъ туда и направился на свою Красноселовку.

Заканчивавшая на крыльцѣ, *„прысинкахъ“*, приборку Сохва окликнула шедшаго мимо ея воротъ задумавшагося Хведька.

—Шо ты селезень, смутенъ не веселъ?..(*)

Хведько подошелъ къ крылечку и поздоровавшись краткимъ привѣтомъ—„днювала соби!“—облокотился на крыльцо.

Сохва на вѣникѣ снесла собранный соръ, оббила вѣникъ объ уголъ крыльца, опустила подтыканную спидницу и сѣла на скамейкѣ, сказавъ: заморылася!—

— До Сугыбы ходывъ?—спросила она.

— Ходывъ.

— Шо жъ? Якъ?

— Та я тильки постоявъ на отдали, а до нього й не пидходывъ. Нехай вже щб завтра буде... Наторгуе—може и отдасть...

— Та воно звисно!—одобрительно сказала Сохва: пидожды й до завтрього.

— Шожъ? ярмарокъ збираеться?

— Збираеться... тамъ мыра!

— Ну, чимъ же вы зъ Машкою будете розговляться?

— Якъ чимъ?

— Та такъ, що завтра Петра, такъ треба розговляться...

— А я бачъ, и байдуже!..

— Гмъ! Мы давай отъ-якъ зробымо: ты давай двугрывеного, та отъ тутъ въ мене де-що есть, у-вечери збигаю до

---

*) Стихъ изъ пѣсни,

Декунивъ, чы не розжывусь бараныны...—мени однаково йты до своихъ за молокомъ — та такъ умисти й розговіемося. Машка нехай вранци до мене прыходе пораться: шо вже тамъ на дви печи розчыняты.

Хведько не разъ уже испытывавшій на себѣ доброту Сохвы, но не останавливавшій на этомъ своего вниманія, теперь какъ-то особенно восприняль къ сердцу это проявленіе ея дружескаго расположенія къ нему и ея предусмотрительность.

— Эге жъ... только и могъ вымолвить онъ, доставая изъ гаманчика 20 копѣекъ.

— Шо, эге?

— Та то, що ты така... онъ не могъ прибрать слова.

— Яка?

— Така... така... мылосердна... наконецъ подобралъ онъ слово и весь покраснѣлъ. Сохва тоже сконфузилась отъ этой похвалы, но не теряя своей обычной бойкости, какъ то укорительно вздернула голову вверхъ и со словами: скаже... щей мылосердна!...—пошла въ сѣнцы...

Еще ниже повисла голова Хведька, и такъ дошелъ онъ домой.

Машка вернулась поздно съ работы.

На другой день, Петра и Павла, день урочной ярмарки въ Андреевкѣ, хата Самченковыхъ опустѣла съ самаго утра. Машка по уговору отправилась стряпать къ Сохвѣ, а Хведько опять на ярмарку съ надеждой получить деньги съ Сугыбы.

Зазвонили рано, и среди толпы ярмаркующихъ все-таки можно было отличить нарядно пріодѣтыхъ мѣстныхъ жителей, направляющихся къ обѣднѣ.

Хведько, толкаясь среди толпы, увидѣлъ очевидно отпущенную Сохвою Машку, тоже одѣтую по праздничному, прошедшую въ церковь. По рядамъ кишѣлъ народъ; площадь неумолчно гудѣла говоромъ, выкриками... Купля-продажа началась съ ранняго утра во всѣхъ концахъ. Всякъ торопился скупиться и еще заблаговременно вернуться домой, такъ какъ большинство были все изъ отдаленныхъ селъ. Въ шевскомъ ряду былъ

тоже порядочный „натовпъ“ и сутолока: торговались, зазывали, хвалили товаръ, хлопали по рукамъ... Хведько шагахъ въ десяти стоялъ отъ намета Сугыбы и видѣлъ, какъ тотъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ около покупателей, выхваляя свой товаръ, называя его Саранскимъ, произнося знакомые Хведьку термины „середовый“ „полувалъ“ „вытяжкы“, „пиднарядъ“ и т. п. Онъ видѣлъ, какъ Сугыба бралъ отъ покупателей деньги, вынималъ изъ штановъ или изъ жилета портмоне или бумажникъ и пряталъ въ нихъ кредитки или сдавалъ сдачу. Онъ хорошо понималъ, что Сугыбѣ некогда толковать съ нимъ, нельзя оторваться отъ своего дѣла, но въ то же время онъ помнилъ и то, что купить лошадь только и можно сегодня, что къ вечеру ярмарка разъѣдется, а онъ какъ былъ, такъ и останется безъ лошади. Каждый разъ, когда Сугыба держалъ въ рукахъ деньги, Хведько порывался подойти къ нему и потребовать деньги, но тотъ, спрятавъ деньги, опять принимался за новую продажу, вступая въ торгъ съ новымъ покупателемъ; и опять оказывалось неумѣстнымъ подходитъ къ нему, перебивать ему дѣло.

Такъ продолжалось долго. Онъ все ближе и ближе подвигался къ намету Сугыбы, питая слабую надежду, что послѣдній какъ-нибудь самъ обратитъ на него вниманіе и безъ напоминанія отдастъ деньги.

Вдругъ кто-то тихонько дернулъ его за рукавъ черкески, и не успѣлъ онъ оглянуться, какъ до ушей его дошла чуть не шопотомъ сказанная фраза.

— Не повертайся! Та добре слухай, шо я казатыму.

Знакомый голосъ оказался голосомъ Шляховаго, и Хведько не поворачиваясь выслушалъ.

— Сю ничъ никуды не сходь зъ двора и ночуй одягнутый на прысинкахъ...

Не слыша продолженія рѣчи, Хведько черезъ нѣсколько мгновеній оглянулся, но около него двигались туда и сюда совершенно незнакомые ему люди, а Шляховаго и слѣдъ простылъ.

Сдвинулись больше еще брови Хведька, и онъ задумался надъ этими словами.

— Это ужъ знать не даромъ... думалось ему и въ то же время ему чего то страшно стало.

Но Сугыба опять отвлекъ его вниманіе, и онъ еще ближе подвинулся къ его намету. На этотъ разъ глаза ихъ на мгновеніе встрѣтились, но опустившимъ ихъ оказался не Сугыба, ни на мгновеніе не отрывавшійся отъ своего дѣла, а Хведько, которому очень стало неловко. Еще больше онъ насупился и зашедши съ боку „намета" сказалъ:

— Здрастуйте! Съ празныкомъ!

— А! здоровъ!—кивнулъ въ его сторону Сугыба и уже не скоро, замѣчая, что Хведько стоитъ и не уходитъ, сказалъ:

— Ты усе за тымъ же... Шо жъ! Самъ бачышъ, ни́колы... Писля ярмарку потолкуемо...

— Та мени жъ треба було бъ шкапу яку купыть... началъ было Хведько, но Сугыба уже занялся подошедшими двумя покупателями, вовсе не слушая его резоновъ.

Долго стоялъ молча Хведько, пока наконецъ его должникъ, предупреждая болѣе рѣзкое заявленіе требованія денегъ, что могло его конфузить передъ другими кожевниками, сказалъ ему:

— Надойды трохы згодомъ—поговорымо; теперь самъ бачышъ...

Обнадеженный этимъ Хведько оставилъ наметъ Сугыбы и направился на конную, гдѣ могъ хоть посмотрѣть на лошадей, прислушаться къ цѣнѣ.

Тамъ на конной дѣло было, что называется, въ полномъ разгарѣ. Показывали и смотрѣли лошадей, проѣзжали верхомъ и въ упряжи, заглядывали въ зубы, дергали за хвосты, щупали, тыкали въ глаза пальцами, хлопали по рукамъ, божились, увѣряли, ругались, свистѣли кнутами, пили уже и могарычи. Слышался говоръ москальскій и хохлацкій, цыганскіе восклики и ругань.

Тутъ только Хведько сообразилъ, что еслибы даже и имѣлъ онъ деньги, то купить лошади не съумѣетъ, такъ какъ въ лошадяхъ онъ ничего не смыслитъ, и что поэтому ему необходимо къ кому-нибудь обратиться съ просьбой о помощи и со-

вѣтѣ. При этихъ думахъ глазами онъ натолкнулся на Шляховаго и Шкавра, стоявшихъ въ числѣ прочихъ около покупаемаго у какого то москаля однимъ паномъ жеребца. Но когда онъ направился къ Шляховому, то послѣдній какъ то тупо глянулъ на него и отошелъ въ сторону, а тутъ же стоявшій Шкавро ничѣмъ не обнаружилъ своего съ нимъ знакомства.

Москаль запросилъ за жеребца 280 рублей. Въ толпѣ зацмокали и замотали головами. Паны оглядывали его со всѣхъ сторонъ...

— Винъ його оцёго жеребця усю весну водыть по ярмаркахъ, та такъ и не продасть... сказалъ кто-то изъ около стоящихъ.

— Дуже багато просыть; йому вся цина сотня, а одъ сылы—пять билетивъ... *Двѣсти* та щей *восемьдесятъ*—сказалъ Шкавро...—

— Запросъ у карманъ не лизе. Языкъ безъ костей, що хоче, то и меле...—повторили другіе; но Хведько уже не слушалъ дальнѣйшихъ замѣчаній, такъ какъ въ сторонѣ показался его зять, мужъ сестры Польки, къ которому онъ и направился.

Пожурились они съ зятемъ о неотдачѣ денегъ Сугыбою, потолкались по конной, поприслушались къ цѣнѣ лошадей, къ одной даже и сами было прицѣнились, отстранились отъ усерднаго предложенія цыгана купить у него „добрячу, таку добрячу кобылу" и пошли опять съ тѣмъ, чтобы попытаться получить долгъ съ Сугыбы.

Но подъ его наметомъ оказалась цѣлая компанія: и старшина, и писарь, и староста, и сотскій. Такъ всѣмъ ареопагомъ „начальныкы" и пошли по ярмаркѣ и вотъ остановились около Сугыбы. Послѣдній только что окончилъ очевидно что то говорить „начальныкамъ" и, повернувшись, какъ разъ уперся глазами въ пріостановившагося было Хведька.

— А! Пидойды сюда лышъ, молодецъ!—позвалъ его Сугыба и, обращаясь къ старшинѣ, сказалъ:

— Отъ винъ. Вы сами вже ростолкуйте йому, Васыль Прокоповычъ; я не втеклый якый, а тилькы, звисно, воны у

мене въ товари; його грошей не вырижешъ зъ шкуры або зъ юхты. Росторгуюся, тоди, може, и можна буде яку часть и до сроку отдать, а теперъ де жъ його взяты...—говорилъ Сугыба, обратившись къ старшинѣ и только изрѣдка взглядывая на нахмурившагося Хведька.

— Што жъ! Винъ, парень, правду говорыть, Тимофей Васильевичъ. Де жъ такъ выдано, щобъ отъ заразъ такъ и вродылысь гроши. Його й отдаваты безъ толку не можна. Усе порядокъ любыть... Гроши не пропадуть, парень, а такъ зря до чоловика не прыставай—наставительно сказалъ старшина.

— Еще нужно разобраться, какъ они тамъ въ книгахъ записаны... поддержалъ писарь, которому почему то представилось, что деньги эти выданы опекою.

— Та мени то надобылося... началъ было Хведько.

— Та вже жъ хоть и надобылось, а такъ не можно. Надойдешъ якъ-небудь после ярмарку у росправу, тамъ розсудымо, теперъ не до васъ... сказалъ старшина и на челѣ всей компаніи отправился по ряду.

Хведько понялъ, что всѣ надежды на полученіе денегъ рушились и, понуривъ голову, побрелъ домой.

XI.

Было уже не рано. Свернуло съ полудня. Уже много телѣгъ съѣзжало съ ярмарки, направляясь на выѣздъ. Около моста на рѣчкѣ съ обѣихъ сторонъ было людно: поили лошадей, скотину, купались... По дамбѣ высокимъ продольнымъ облакомъ стояла пыль отъ ѣдущихъ.

На встрѣчу попадались Красноселовцы, пообѣдавшіе и идущіе на ярмарку поглазѣть, что называется „вытрышкы" продавать. „Молодыци и дивчата" поразряживались въ новыя пары, „*повывязувалы хусткы*", мальчишки уже позапаслись сопилками и „коныкамы свыстунамы"...

За заводомъ встрѣтились Хведьку Сохва съ Полькою и Машкою, уже, какъ оказалось, пообѣдавшія и направлявшіяся

тоже на ярмарку. Ему Сохва передала ключъ и разсказала, гдѣ взять что изъ печи, и потомъ, какъ прибрать и куда спрятать ключъ. Разошедшись съ ними, Хведько вспомнилъ, что на самомъ дѣлѣ онъ еще ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, и, добравшись до печи, съ аппетитомъ пообѣдалъ.

Идти на ярмарку ему не хотѣлось,—отупѣніе какое то напало на него; не могъ онъ придумать, что дѣлать, за что взяться. Не хотѣлось даже трогаться съ мѣста, и онъ сидѣлъ задумавшись на лавкѣ.

Мечты о заработкѣ своею лошадью оказались неосуществимыми, сапожничество ему не могло, особенно теперь лѣтомъ, ничего дать. За что взяться? Куда идти? Опять въ наймы, опять въ экономію? На косовицу идти?... У нихъ въ домѣ и косы нѣтъ: отецъ все ходилъ на плотахъ, а онъ былъ воловикомъ.—Косить то онъ пробовалъ... Да кто его знаетъ?... Вотъ бы на своемъ поучиться, а пойти такъ стать въ рядъ съ косарями... дѣло и не выйдетъ... Да главное, косы нѣтъ и обойтись съ нею онъ не умѣетъ... Эхъ! Пойти развѣ съ Машкою на подсолнухи... Съ дивчатами... Ого-го! Смѣяться станутъ: онъ и дивчата, молодицы... Мелашка, пожалуй, тамъ... Мелашка!... Гдѣ она теперь? Да, вотъ и на ярмаркѣ ея не видѣлъ... Какая она стала? А прошлый годъ... Эхъ хе-хе! Такъ, какъ сонъ прошло!... Садокъ, ночь, комора...

На крыльцѣ послышались чьи то шаги, скрипнула дверь въ сѣняхъ, брякнула щеколда избяныхъ дверей и въ нихъ закраснѣло что то. Вошла какая то молодица въ большомъ красномъ платкѣ поверхъ очипка, въ новой кумачной парѣ съ отдѣлкою изъ плиса и кантовъ, въ „лентаряхъ“ [1])—„дукачахъ“, вся нарядная—яркая... На полусловѣ оборвалось привѣтствіе вошедшей, только „здраст.....“ успѣла произнести и отшатнулась къ притолкѣ...

Эта вошедшая была Мелашка.

[1]) Лентари—намисто изъ янтаря.

Они узнали другъ друга. Слово привѣтствія пока не сошло съ ея открытыхъ устъ; онъ какъ бы застылъ въ мигъ желанія встать и только широко раскрылъ зѣницы глазъ...

Покраснѣвшая было, какъ макъ, молодица вдругъ поблѣднѣла, схватилась за сердце, отшатнулась еще больше къ дверямъ и навѣрное упала бы, если бы Хведько не догадался ее поддержать.

Мелашка глубоко втянула воздухъ, вздохнула и, приведенная къ лавкѣ, безсильно опустилась на нее. Хведько, взявъ кухоль, кинулся въ сѣнцы за водой, но когда онъ вошелъ опять въ хату, то молодица уже судорожно вздрагивала плечами и всхлипывала, припавъ къ лавкѣ.

Хведько стоялъ надъ ней съ кухлемъ воды и не зналъ, что сказать.

— Чого се ты? Богъ зъ тобою!.. только и могъ онъ сказать.

Такъ прошло минутъ десять. Наконецъ Мелашка, вся раскраснѣвшаяся, съ замѣтною отъ слезъ мокротою на глазахъ и на щекахъ, приподнялась съ лавки и, увидавъ кухоль, обтерла платкомъ лицо и жадно припала къ водѣ.

— А Сохва де?—спросила она, поднявшись и поблагодаривъ по обычаю за воду.

— Пишлы на ярмарокъ уси—я тутъ одынъ.

Вздыхая, поднялась Мелашка съ лавки и, уже стоя, смотрѣла на Хведька, стоявшаго передъ нею въ отупѣніи.

— Якъ же пожываешъ?—наконецъ собралась сказать она.

— Якъ бачышъ—сказалъ Хведько, сѣлъ на лавку и въ свою очередь спросилъ, не смотря на нее:

— А тебе якъ Господь мылуе?

— Нема мени жыття. Не сподобна я имъ и воны мени не люби.. Завязалы мени свитъ; наче въ ополонку спустылы—отвѣтила она, не спуская глазъ съ его мужественной красивой постати. Та же стройная фигура, шея красиво обтянутая бѣлымъ воротникомъ сорочки... тѣ же черныя брови, неотросшія послѣ горячки еще совсѣмъ волоса уже курчавились надъ высокимъ лбомъ его, а надъ сочными губами пробивался уже пушокъ

усовъ, чернѣвшій также и по сторонамъ бѣлаго лица. Даже и сравнивать нельзя было его съ ея мозглявымъ, корявымъ какимъ-то мужемъ.

Опять замолчали они, переглянулись и, не отдавая себѣ, отчета, бросились другъ къ другу въ объятія... Мелашка, вся трепещущая, расцѣловавъ Хведька, жалась къ нему, обнимая его; онъ, самъ себя не помня, жалъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ....

Осмотрѣвъ предварительно въ окно улицу, совершенно теперь, по причинѣ удаленія всѣхъ ея обывателей на ярмарку, пустую, Мелашка выбѣжала изъ хаты Сохвы и, краснымъ яркимъ пятномъ замелькавъ скоро въ саду, пошла огородами къ своимъ. Хведько же такъ и остался въ хатѣ, взволнованный, и долго не могъ прійти въ себя послѣ этого нечаяннаго свиданія, послѣ этихъ неожиданныхъ ласкъ, восторговъ обновившейся любви. Ему стало стыдно и ужасно не хотѣлось теперь встрѣчаться со своими, съ Сохвой, да и вообще съ кѣмъ бы то ни было.

Напившись воды, заперевъ хату и спрятавъ въ условленномъ мѣстѣ ключъ, онъ тоже пошелъ въ садъ и долго лежалъ надъ рѣкою. Сонъ не смыкалъ его глазъ, а какъ только онъ ихъ закрывалъ, такъ сейчасъ же ему представлялась Мелашка во всей ея новой для него обаятельности. Новое незнакомое ему по сю пору чувство бодрости проявилось въ немъ; ему мерещилось что-то радостное, обнадеживающее. Прежней апатіи какъ не бывало; казалось, что все пойдетъ теперь удачно въ жизни, хотя онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, почему и какъ это но все существо его какъ то воспрянуло—ему такъ захотѣлось жить, работать, добиваться чего нибудь.

Долго онъ лежалъ въ садку надъ рѣчкою съ закрытыми глазами, припекаемый солнцемъ, уже начавшимъ скатываться къ западу. Вдругъ ему послышались въ сторонѣ хаты голоса Сохвы и сестеръ, и ему почему-то пришло въ голову, что съ ними Мелашка. Онъ поднялся и пошелъ къ хатѣ. Дѣйствительно, на крыльцѣ были сестры его, Полька и Машка, а Сохва, стоя на заваленкѣ, рукою шарила подъ облицовочной доской кры-

лечка ключа. У Польки въ рукахъ былъ узелокъ съ какой то покупкою.

Сохва, замѣнивъ тяжелый очипокъ легкимъ платочкомъ, затѣяла собирать „полудновать“. Полька и Машка стали распрашивать Хведька про его хлопоты о деньгахъ.... Вышедшая изъ „валькира“ Сохва, какъ-то особо пытливо глядя на Хведька спросила:

— Никого не було тутъ безъ мене? и увидѣвъ, что онъ покраснѣлъ, не дождавшись отвѣта продолжала:

— А мы походылы по ярмарци, скупылы де що Польци, тай подалысь до дому. Тамъ куряву збылы таку!....

Хведько и радъ былъ, что требуемый отъ него отвѣтъ заговоренъ инымъ, и молчалъ.

Полька и Машка полудновали съ Сохвой, которая отъ времени до времени пытливо взглядывала на Хведька, сидѣвшаго въ сторонѣ на лавкѣ и избѣгавшаго встрѣчаться съ нею взглядомъ.

Когда пополудновавшія Полька и Машка вмѣстѣ съ Хведькомъ стали уходить, то Сохва, провожавшая ихъ изъ хаты, задержала въ сѣняхъ Хведька и, оставшись съ нимъ глазъ на глазъ, опять спросила его:

— Такъ нихто й не прыходывъ безъ мене?...

Хведько молчалъ, опустивъ глаза. Тогда Сохва, вынувъ изъ кармана, показала ему серьгу—одну изъ такихъ, какія носятъ въ той мѣстности дѣвушки и молодыя женщины.

— Це жъ іи сережка—я іи добре та гараздъ знаю... На моихъ подушкахъ! Ростерялась?!... А ще й мовчышъ!

— Иды жъ, иды.... побалакаемо писля... добавила она, шутя выталкивая изъ сѣней на крыльцо окончательно сконфуженнаго парня..

Пожурились дома по поводу неотдачи Сугыбою денегъ, потолковали о томъ, что послѣ ярмарки все-таки нужно ихъ „правыть“, и Полька направилась домой, провожаемая Машкой, которая намѣревалась пораспроситься съ „дивчатами“, куда завтра идти на работу, а Хведько остался самъ въ хатѣ.

Опять онъ сидѣлъ въ раздумьи на лавкѣ; но теперь мысли его были заняты не заботою о пріисканіи работы, не Сугыбою, а пріятно вспоминали Мелашку, свиданіе съ нею, ея ласку... Такъ то ему захотѣлось опять ее повидать... Вспомнилась вдругъ Сохва съ найденною „на подушкахъ" серьгою, ея шутливыя упреки...

Въ хату вошла Машка и сказала, что Сохва „прыказувала", чтобы онъ сегодня же пришелъ къ ней, но чтобы шелъ садами.

Сохва встрѣтила Хведька въ сѣняхъ и, пропустивъ въ хату, сейчасъ же засовомъ заперла двери.

Опять съ тою же лукавою улыбкою Сохва обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Та такъ и не знаешъ, чія це сережка у мене зосталась на подушкахъ?

Хведько стоялъ посреди хаты и ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Ось иды подывысь, де я іи знашла—сказала Сохва, толкая упиравшагося Хведька въ валькиръ.

Тамъ оказалась Мелашка, съ улыбкою смотрѣвшая на него.

Оба они молчали.

— Ну, посыдьте жъ вы тутъ, а я побижу по воду—сказала Сохва.

— Та йды засунь двери, добавила она, пріотворяя двери.

Опять Хведько и Мелашка остались вдвоемъ, но теперь это уже не было для нихъ такъ странно и страшно, какъ первый разъ.

Когда постучала въ двери Сохва, вернувшаяся не скоро съ ведромъ воды, то они уже чинно разговаривали.. Мелашка разсказала между прочимъ, что мужъ ея съ ярмарки поѣдетъ въ извозъ куда-то за Богучаръ въ Донщину, что свекра постоянно дома нѣтъ, а свекровь еле къ Ильину дню вернется домой съ богомолья, а потому ему, Хведьку, всегда свободно къ ней прійти „на городъ", особенно, если зайти отъ рѣчки, перешедши сарму на Прилѣпиной мельницѣ.

Вошедшая въ хату Сохва сейчасъ же выпроводила Мелашку со словами: иды вже, и то не рано! и задержала Хведька, въ

какомъ то опьяненіи сидѣвшаго на лавкѣ. Уже совсѣмъ смеркло, когда Сохва, выглянувъ предварительно изъ хаты, спровадила его въ садки, которыми онъ и дошелъ къ своему дому.

Мало-по-малу затихли въ вечерней зарѣ отголосы ярмарки. Утихалъ говоръ, грохотъ колесъ по мосту и скрипъ возовъ, все рѣже и рѣже отзывались пьяныя пѣсни, только гдѣ-то на той сторонѣ рѣчки слышна была пѣсня „улыци", собаки кой-гдѣ лаяли на проходившихъ, да колотушка сторожа постукивала на заводѣ.

Хведько, поужинавъ въ сухомятку, улегся спать на крыльцѣ хаты, но долго не могъ заснуть, какъ то безъ ладу перебирая въ мысляхъ всѣ событія дня. Наконецъ сонъ смежилъ его глаза, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Сквозь сонъ ему почудилось, что кто-то его окликаетъ, и когда онъ проснулся, то увидѣлъ около себя какого-то человѣка, который не громко повторялъ:

— Хозяинъ! А хозяинъ!..

Хведько вскочилъ на ноги и немного испуганный спросилъ:

— Чого?

— Та не гомоны, це я, хиба не пизнавъ...

Хведько не сразу разсмотрѣлъ, что это былъ Шляховой... Что то тревожное почуялось ему.

— Розчумуйся та ходимъ зо мною, сказалъ Шляховой, не давая раздумывать Хведьку.

— Та не гомоны—добавилъ онъ.

Хведько какъ то безсознательно пошелъ за нимъ въ калитку. Они перешли на другую сторону улицы, гдѣ было только два двора, и пошли вдоль плетней до заводскихъ построекъ. Здѣсь они остановились, пока сторожъ, постукивая колотушкой, не отошелъ на дальній край заводского двора, и тогда только перелѣзли плетень и черезъ садъ пошли на гору. За садомъ они пошли по горѣ вдоль сельскихъ садковъ и, миновавъ почти Красноселовку, спустились опять къ рѣчкѣ.

Хведько недоумѣвалъ, для чего это они сдѣлали такой обходъ, когда къ тому мѣсту можно было пройти гораздо прямѣе по улицѣ.

— Оттакъ то лучче: нихто не бачытыме—разрѣшилъ шопотомъ Шляховой его недоумѣніе.

Они очутились у того мѣста рѣки, гдѣ Хведько перебродилъ ее недавно, проведенный туда отъ Стрибуля.

— Знаешъ—ты тоди въ трахтыри росказуваʙъ про свого родыча Плахотю Максыма.

— Ну?

— Такъ отъ поведешъ туды отъ-цього коня, тай скажешъ йому, що нехай у нього попасеться тамъ у лиси...

Хведько замѣтилъ въ камышѣ смирно стящую лошадь.

— Та слухай сюды!.. Прямо до кардону коня не веды, а такъ за пивгоней прывьяжы до дерева, а самъ пидойды до хаты, то якъ выклычешъ самого Максыма, то скажы йому такъ: „Шамро мамро", отъ винъ и знатыме, а якъ що його нема, то попасы тамъ, ажъ покы прыйде...

Хведько сообразилъ, что это передача краденой лошади, что это одна изъ продѣлокъ, про какія онъ наслушался въ тюрьмѣ, и порѣшилъ отказаться отъ исполненія порученія: ему стало страшно.

— Та сами й ведить—я не хочу,—боюсь...

— Тю! дурный! Боюсь?! хто тебе тамъ знатыме?.. ты не кравъ коня, и зъ нымъ не будешъ—тилько заведешъ у лисъ... Тоби що?! Що, тоби, думаешъ, рубля два залышни будуть?—На, тай веды—уговаривалъ его Шляховой, подавая двѣ рублевыхъ бумажки.

— Чого тоби? Тебе дуже жаліють?...

Хведько безсознательно взялъ деньги и спряталъ въ карманъ черкески.

— Тутъ не яка далына—одвернешъ та ще до зори й выспышься.

— Иды—я пидсажу... И Шляховой ловко подсадилъ Хведька взвалившагося на лошадь. Выѣзжая изъ камыша, Хведько увидѣлъ еще какого то человѣка, остававшагося вмѣстѣ съ Шляховымъ.

Кардонъ былъ не далеко, и, не успѣвъ прійдти въ себя, Хведько доѣхалъ до лѣса. Слѣдуя точно наставленіямъ, онъ не

далеко отъ лѣсной сторожки привязалъ къ дереву лошадь, а самъ пошелъ вызвать лѣсника Плахотю. Лай собаки заставилъ его вооружиться выломанною палкою, но этотъ же лай вызвалъ къ воротамъ дворика и самого лѣсника, опросившаго Хведька.

— Хто се?

Хведько только теперь вспомнилъ, что ему нужно было сказать какую то условленную фразу, но какую именно, онъ совершенно забылъ. Во дворѣ виднѣлись двѣ повозки, около которыхъ попрыхивали привязанныя лошади, собака не переставала уѣдать, хотя хозяинъ и отгонялъ ее.

— Ты хто такый?—повторилъ Плахотя,—выходя изъ-за невысокихъ воротъ наружу дворика.

Хведько вспомнилъ, что условленная фраза была однозвучна съ фамиліей Шкавра, и сказалъ—Шкавро...

Плахотя пригнулся поближе къ нему и сказалъ.

— Я пытаю тебе, хто ты такый? Одъ Шкавра?

— Я забувъ, якъ треба казать—отвѣтилъ простодушно Хведько.

— Ага!—догадался Плахотя: Може,—Шамро - мамро—сказалъ онъ шопотомъ.

— Еге-жъ—Шамро—мамро!.. повторилъ себѣ Хведько.

— Ну постій же тутъ—я заразъ.

Хведько послышалъ, какъ Плахотя пошелъ въ хату и оттуда, проходя къ воротамъ, сказалъ кому то, что идетъ въ обходъ по лѣсу.

Указавъ лѣснику привязанную къ дереву лошадь, Хведько опрометью побѣжалъ въ слободу и черезъ плетни и огороды добрался до своей хаты.

Уже начинало свѣтать, пѣтухи перекликались по селу, но еще на улицѣ было пусто.

Хотѣлось ему заснуть, но сонъ бѣжалъ отъ него; въ мысляхъ онъ перебиралъ всѣ возможности открытія его участія въ кражѣ сведенной на кардонъ лошади: арестантская, сельское начальство, судья, тюрьма представлялись ему теперь еще въ болѣе страшномъ видѣ; казалось ему, что всѣхъ мытарствъ онъ

и не переживетъ, что теперь ему нельзя уже и показаться на глаза Сохвѣ, что не прійдется увидать Мелашку. Вспомнивъ про нее, Хведько мимовольно отдался мечтамъ. Въ его воображеніи предстала она во всей обаятельности невѣдомыхъ ему по сю пору восторговъ любовной ласки; она, какъ живая, стояла передъ его закрытыми глазами, онъ какъ бы чувствовалъ ея присутствіе, какъ бы обхватывалъ своими руками ея трепещущее тѣло, сухими отъ внутренняго жара устами ловилъ ея поцѣлуи... Вотъ она, стройная, нарядная, млѣющая въ его объятіяхъ, прижимающаяся къ нему...

— Хведьку! Я жъ пійду... Этими словами разбудила его Машка совсѣмъ уже собравшаяся съ „торбыною“ за спиной и съ тяпкою въ рукѣ.

Схватившійся Хведько не сразу понялъ, что ему сказала Машка, и когда она сошла съ крыльца и брязнула кольцомъ запираемой калитки, онъ опять припалъ на лавку, опять хотѣлъ погрузиться въ грезы, но ничего изъ этого не вышло: проснувшаяся слобода уже отзывалась всѣми жизненными звуками— мычали коровы, выгоняемыя въ череду, перекликались пѣтухи, грохотали телѣги, чирикали воробьи, понесся отголосъ церковнаго звона, слышались голоса людей,—все уже жило, шевелилось.

Среди этого внутренняго оживленія одинъ только Хведько не находилъ себѣ дѣла, не зналъ, что начать и чѣмъ заняться. Да и не шла ему на умъ работа—ему нужно было идти, какъ только обутрѣетъ, въ волость добиться полученія денегъ съ Сугыбы, какъ это было ему вчера сказано старшиною.

XII.

На ярмарочной площади остались только торговцы, убиравшіе товаръ и разбиравшіе балаганы, но около Жердева кабака было людно, стояло много лошадей и цыганскихъ кибитокъ, слышны были громкіе разговоры и ругань цыганъ.

Около крыльца волости были тоже люди, и видно было какое-то оживленіе. Хведько чувствовалъ, что тамъ, вѣроятно, не особенно охотно займутся его дѣломъ, но все-таки въ числѣ прочихъ вошелъ въ сѣни правленія. Сквозь открытыя двери видно было, что дѣлалось въ волости. Старшина сидѣлъ за столомъ и слушалъ оживленный разсказъ какого-то, очевидно, торговца, между тѣмъ какъ другой отвѣчалъ на вопросы что-то записывающаго писаря.

Изъ долетавшихъ до слуха Хведька словъ перваго торговца, онъ понялъ, что тотъ разсказывалъ старшинѣ, какъ—„и не спали еще, а лежали только и разговаривали—слыхали даже, какъ лошади побрякивали путами—да уже кинулись тогда, когда послышали топотъ".

Хведько насторожилъ слухъ.

— Мы тутъ кинулись—слышимъ уже по мосту загремѣли копытами. На мостъ.. а тамъ, знаете, песокъ... Ему одна дорога, а намъ десять... Тутъ еще были другіе—у нихъ кони прикованы; поручили имъ товаръ,—а сами сюда-туда; на Бемовкѣ кой-кого побудили, ихъ и слѣдъ простылъ... Сторожъ колотушникъ говорилъ: видѣлъ, какъ проскакали мимо Бемовки и стараго двора... Пойди, ищи ихъ! Какъ въ воду канули!—и развелъ руками.

— Лѣвое ухо съ выщикомъ—диктовалъ другой писарю... на правой ногѣ бѣлое пятно подъ щеткой,—отъ мокреца осталось! продолжалъ онъ.

Хведько понялъ, что рѣчь идетъ про украденныхъ лошадей. Ему страшно стало, какъ бы не обратились къ нему, и онъ вышелъ на крыльцо, гдѣ услышалъ менѣе оживленные разговоры про ту же кражу.

— Шукай теперъ! Ловы витра въ поли!

— Эге жъ. Йому одна дорога.

— Бида, братци! Отъ такъ же й мени тоди прыйшлося:—саме возовыця, а воно й пидвернулось лыхо. Уже зовсимъ на свитанни, саме сонъ розибравъ, кынувсь—нема!—Отъ якъ обижено!..

— Баловство завелось...

— Та дежъ саме ихъ узято?—спросилъ одинъ, очевидно не слышавшій начала разсказа.

— Де!.. Оттуть заразъ за сагою. Воны то выихали за мистъ на сази, звернулы на лужокъ та й отаборылысь ночувать. У де-которыхъ булы кони пры возахъ на чепахъ, а цито узялы, позаковувалы у зализни пута, тай пустылы пастысь.. Ажъ воно...

— Вже не що, а тутъ, выдно, поблызу десь дожыдалося... Шукай теперъ! Воны, гляды, вже ажъ у Шереметивци...

Слушая это, Хведько припомнилъ, что лошадь, которую онъ отвелъ на кардонъ, была мокрая, и понялъ, что она была не потна, какъ тогда думалъ онъ, а переправлена по броду изъ-за рѣки. Все для него было ясно: это несомнѣнно была одна изъ краденыхъ у торговцевъ. Ему очень хотѣлось разсказать, гдѣ она, помочь въ розыскахъ; но его участіе въ сокрытіи этой лошади, боязнь отвѣтственности, а также нежеланіе выдавать всегда добраго къ нему Шляховаго, что было бы необходимо, удерживало его отъ вмѣшательства въ эти разговоры.

Вышедшій на крыльцо дидъ Смалько узналъ Хведька и спросилъ, за чѣмъ онъ пришелъ сюда. Хведько разсказалъ.

— Шкода, парень! Тутъ не до тебе. Отъ заразъ подадуть пошту и начальныкы пойидуть на Бемовку шукаты пропажу, трусыть де кого.. Це вже дило буде до самого вечора. Другымъ разомъ навидаешься...

Хведько поскребъ „потылыцю“, тряхнулъ головою и, надѣвая шапку, пошелъ изъ расправы ко двору Сугыбы.

Тамъ засталъ цѣлую компанію какихъ-то стороннихъ торговцевъ, распивавшихъ чай и подвыпившихъ. Ихъ потныя красныя лица видны были сквозь открытыя окна. Они громко разговаривали. Онъ постоялъ противъ дома и сообразилъ, что и здѣсь „не до нього“.

Надумавшись пойти къ Тышку на Пучину—можетъ быть какую-нибудь работу добудетъ—онъ пошелъ вдоль по слободѣ и вышелъ на край ея. За слободой рѣка отходила излучиной

на лугъ и за лугами зеленѣли группы вербъ около мельницы, къ которой рѣка подливалась узкою и глубокою сармою; за ней виднѣлись левады, огороды Деревни. Хведько вспомнилъ, что тамъ за этими вербами живетъ Мелашка, что теперь она, вѣроятно, одна дома, и, постоявъ немного, повернулъ прямо черезъ лугъ. Высокая луговая трава становилась все выше по мѣрѣ приближенія къ водѣ, постепенно смѣняясь осокою, а далѣе и камышомъ. Пришлось путаться въ прибрежныхъ порослихъ и обходить на мостокъ при мельницѣ. Помолу, очевидно, не было, колеса не вертѣлись. Здѣсь же за плотиной и мельницей была жилая изба, кой-какія службы и хорошій тесовый амбаръ. Съ плотины дорога проходила возлѣ самой хаты и между постройками. Въ мельницѣ слышенъ былъ стукъ топора, да пониже лотоковъ какая-то подтыканная баба что-то полоскала. У повѣтки копались куры. Хведько поскорѣе прошелъ плотину и мимо хаты повернулъ влѣво надъ сармою. Собака, поздно уже его замѣтившая, брехнула раза два и замолкла, свернувшись клубкомъ въ тѣни подъ амбаромъ. Отошедши саженей сто или болѣе отъ мельницы, Хведько повернулъ къ огородамъ и левадамъ Деревни. Пришлось еще обходить мочажину, къ которой сходили огороды, но онъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ именно огородъ Мелашки. Вербы и левадныя заросли мѣшали ему видѣть постройки хутора. Онъ помнилъ, что возлѣ ея двора былъ колодезь съ высокимъ „зводомъ", но и звода не видно было. Онъ усѣлся въ чащѣ отдохнуть.

Съ большой дороги доносился грохотъ проѣзжающихъ, гдѣ-то далеко звенѣлъ колокольчикъ, кое-гдѣ слышались голоса людей, какія-то птички чирикали въ кустахъ, кумкумали лягушки въ недалекомъ болотѣ, да запоздалая зозуля раза два откликнулась въ левадѣ. Усталый, долго сидѣлъ Хведько; безсонная ночь сказалась въ немъ, и его клонило ко сну.

Солнце уже стало склоняться съ полудня, когда онъ проснулся. Схватившись, онъ порѣшилъ идти вдоль огородовъ и какъ-нибудь выбраться на большую дорогу, съ которой онъ попадетъ къ хатѣ Мелашки и, если явится возможность, прой-

детъ къ ней во дворъ; но прошедши немного далѣе, онъ увидѣлъ примѣтный ему высокій тополь, который, онъ помнилъ, былъ не далеко отъ двора съ колодцемъ и зводомъ, и онъ пошелъ прямо. Вышедши изъ зарослей вербъ, тополя и калины и миновавъ грядки капустника, Хведько очутился въ подсолнухахъ и кукурузѣ, между рядами коихъ расположены грядки луку, чесноку, свеклы, кой-гдѣ пыжился горохъ и стлалась огудина тыквы, а поближе къ двору темною зеленью росла картофель, уже давшая бѣлые цвѣты. Далѣе шли повѣти и хлѣвы, заслонявшіе съ этой стороны дворъ. Въ сосѣднемъ огородѣ сейчасъ же за плетнемъ росла высокая конопля, на темной зелени которой уже отчетливо выдѣлялась почти желтая плосконь. Кругомъ было тихо, солнце припекало. Гдѣ-то въ недалекомъ дворѣ кудахтала запоздавшая со сномъ курица. Осмотрѣвшись, Хведько увидѣлъ изъ-за крыши сосѣдняго двора очепъ („зводъ") колодца. Это послужило ему указаніемъ. Согнувшись, перебѣжалъ онъ къ невысокому плетню и юркнулъ въ коноплю, которая подходила до самаго двора. Тамъ было пусто, на оборѣ и по двору стояли кучи только-что сложеннаго кизяка, рѣзкія тѣни падали отъ хлѣвовъ и повѣтей на ярко освѣщенный жаркимъ солнцемъ дворъ. Видныя двери хаты были заперты, а калитка воротъ задвинута засовомъ. Разсматривая внимательнѣе по двору, онъ замѣтилъ въ тѣни на погребицѣ чьи-то бѣлыя ноги. Очевидно, кто-то спалъ. Войти во дворъ было страшно, какъ бы кто не увидѣлъ: оставалось сидѣть и ожидать.

Жарко было невыносимо, тѣмъ болѣе, что Хведько былъ въ черкескѣ, и конопли, не давая никакой тѣни, только усиливали жаръ, закрывая его и не допуская притока свѣжаго воздуха. Особый свойственный коноплямъ духъ обморачивалъ его.

Не ставало терпѣнія. Хведько взялъ засохшую грудку земли и швырнулъ въ погребыцю, но не попалъ. Швырнулъ еще разъ—грудка ударилась близко ногъ и обсыпала ихъ. Ноги шевельнулись, но опять застыли. Подыскавъ большую грудку засохшей земли, онъ еще разъ попытался швырнуть, и

теперь болѣе крупный кусокъ разбившейся грудки попалъ въ ноги и изъ-подъ навѣса приподнялась женская фигура, которую однако же не сразу можно было разсмотрѣть: видны только стали край юбки, локоть согнутой руки и бокъ кофты. Хведько припалъ пониже въ коноплѣ. Изъ-подъ навѣса показалась молодица. Она потянулась, закинувъ за голову руки, поправила головной платочекъ и пошла на крыльцо, а послѣ въ сѣни хаты. Хведько не могъ хорошо разсмотрѣть лица женщины. Но вотъ она съ кухлемъ воды вышла изъ сѣней и, перегнувшись черезъ перила крыльца, стала умываться.

Это была Мелашка.

Умывшись она пошла по направленію къ оборѣ, гдѣ и стала укладывать разложенный кизякъ въ кучи. На легкій свистъ Хведька она выпрямилась, повела глазами и увидѣла его.

Оглянувшись по сторонамъ, Мелашка пошла въ коноплю и еле вышла въ отклоненную воротницу, какъ попала въ объятія Хведька...

Не много кизяковъ было сложено въ этотъ день въ дворѣ Дейнеки.

Солнце уже склонилось къ западу, какъ наши влюбленные вспомнили, что имъ нужно разставаться, что вотъ-вотъ скоро ужъ долженъ вернуться повезшій сегодня „на пошти“ въ городъ въ казначейство деньги свекоръ Мелашки, что вотъ-вотъ и череда ужъ прибудетъ съ поля...

Узнавъ, что Хведько въ этотъ день только кусокъ хлѣба съѣлъ съ утра, Мелашка нѣсколько разъ порывалась пойти въ хату и принести ему чего-нибудь поѣсть, но онъ каждый разъ удерживалъ ее и не хотѣлъ разставаться съ нею; онъ забылъ всѣ свои невзгоды, Сугыбу, неотданныя деньги, опасенія объ открытіи ночного отвода лошади—все забылъ. Этотъ день былъ лучшимъ въ его жизни...

Еще болѣе воровски, еще больше прячась по кустамъ и бурьянамъ, пробрался Хведько опять къ сармѣ и пошелъ уже не на мельницу, а вверхъ по рѣчкѣ на Бемовку.

Около стараго панскаго дворища только почувствовалъ онъ себя внѣ опасности и, вспомнивъ про вынесенные таки ему Мелашкою хлѣбъ и кусокъ сала, усѣлся на травѣ и сталъ алчно ѣсть.

Проходя плотину, Хведько видѣлъ около моста на сагѣ возы тѣхъ торговцовъ, у которыхъ были украдены лошади. Одинъ изъ нихъ уже былъ при возахъ съ мальчикомъ и толковалъ съ двумя какими-то мужиками о наймѣ лошадей для отправки товара.

Пробравшись огородами къ себѣ домой, Хведько просидѣлъ въ хатѣ, пока повечерѣло и, дождавшись Машки, отправился спать подъ повѣтку.

XIII.

Сугыбу на другой день онъ засталъ еще дома, но тотъ денегъ все-таки ему не отдалъ, а сказалъ, что нужно пойти въ волости „поросцытаться“.

Въ волости собрались люди, такъ какъ предположено было въ тотъ день дѣлить траву на лугу, и шли толки о томъ, чтобы къ дѣлежу не допускать тѣхъ, кто получилъ „пидметы“ подъ коноплю. Эти послѣдніе указывали на незначительность этихъ подметовъ, называли ихъ „грядками“, много меньше по пространству отъ тѣхъ пайковъ травы, которые обыкновенно выдѣлялись на души. Начальство было въ волостномъ правленіи, а собственно дебошировали тѣ, кто былъ около крыльца волости. Послѣ долгихъ пререканій споръ былъ разрѣшенъ такъ, что пидметчикамъ вмѣсто луговой травы дадутъ въ раздѣлъ сѣнокосъ на „крейдахъ“, не вычитая за подметы изъ полевой земли. Отъ сотенъ пошли по одному человѣку въ волостное правленіе брать жеребья, а затѣмъ десяточные начали подбирать свои десятки, при чемъ было заповѣдано, что каждый получающій траву долженъ внесть по возможности часть податей. Особенно на этомъ настаивалъ сборщикъ Дейнека, свекоръ Мелашки, котораго въ первый разъ Хведько тутъ увидѣлъ. Многіе

роптали на то, что лучшую траву отдали „почтареви“, т. е. содержателю почтовыхъ и пожарныхъ лошадей. Тутъ же нуждающіеся покупали „души“ (душевые пайки) у своихъ сельчанъ, не имѣющихъ скотины. Къ Хведьку тоже обратились было два человѣка съ предложеніями продать „душу“, но въ это время вошелъ на крыльцо старшина и поднялъ руку, заявляя этимъ жестомъ желаніе быть выслушаннымъ громадою.

— Отъ що! Оце жеребья узялы, такъ несить же подати, щобъ небезпреминно оддалы недоимку, бо вже й такъ оце справныкъ та становый угрущають. Десяточни, запысуйте свои дворы, тай глядить, щобъ недоимку уплачувалы, а то й ярлыкивъ не звелю давать.

Громада заволновалась.

— А зъ тымы, що на нызахъ, якъ? Хто за ныхъ подати даватыме?

— Далы бъ народови хоть трохы заробыты, а тоди й подати...

— Эге жъ, звисно! Теперъ де його такъ зразу добудешъ?

— А же торикъ цього не було! Самъ усякъ знае, що недоимку треба платыть.

— На иншому може й невелыка, а це йому й не давать травы, а есть таки, що може й торишньои не почыналы уплачувать...

— Ого—го! Саме багачи й не платять...

— Отъ найсамперед зъ Викы правылы бъ, та зъ Козинцивъ... а то бачъ и ярлыкивъ не давать...

— А ты считавъ мою недоимку?! Ты грамотный? Чого дерешъ горло?! отозвался кто-то изъ богачей.

— А тожъ и не считавъ,—посчытають! Вы усе задержуете та побильше захоплюете...

— А що я задержую та захоплюю?

— Та то саме—знаемъ добре та гараздъ...

— То-то, що дуже багато знаешъ...

— А вже жъ знаю, ты оце, замисць недоимку платыть, „души“ поскуповувавъ, думаешь, не знаемъ?

И богачъ отступилъ, замотавъ головою, побитый этимъ аргументомъ. Хведько, никогда не бывавшій на сходкѣ, далекій по сю пору отъ общественно-хозяйственныхъ интересовъ слободы, не все хорошо понималъ и былъ заинтересованъ всѣмъ происходящимъ. Онъ хоть и не отчетливо, но началъ соображать, что и онъ есть членъ этой громады, что въ числѣ интересовъ всѣхъ и его интересы затрогиваются всѣми этими распорядками и дебатами. Онъ вспомнилъ, что недоимка съ его двора была пополнена удержаніемъ части денегъ, оставшихся послѣ смерти отца и пересланныхъ черезъ волостное правленіе. Про то, что тѣмъ удержаніемъ не покрывалась недоимка за первое полугодіе этого года, онъ не думалъ. Предложеніе продать „душу“ напомнило Хведьку, что и онъ имѣетъ право на пай травы.

Василь Журило, недалекій его сосѣдъ по Красноселовкѣ, подошелъ къ нему и спросилъ:

— Тебе пысаты? На тебе одна „душа“?

— Пышы.—

— Такъ и недоимку добувай. Сьогодня й треба платыть. У мене тутъ усе таки, що платытымуть...—и пошелъ отъ него въ правленіе, гдѣ около особаго стола писарекъ подъ диктовку десятскихъ составлялъ списки „душъ“.

Уже нѣсколько разъ Хведько слышалъ около себя слово „верхы“, склоняемое въ разныхъ падежахъ, съ добавленіемъ другихъ словъ.

— Скильки „верха“?—Цилковый „верхивъ“,—„за верхы“, „зъ верхомъ“ и т. п.

Прислушиваясь къ этимъ фразамъ, онъ уразумѣлъ, что слово „верхы“ означало надбавку на положенный платежъ недоимки за одинъ пай. Изъ этихъ торговъ онъ узналъ, что „верховъ“ даютъ за „душу“ отъ 1 до 2 руб., при чемъ увеличеніе или уменьшеніе платы обусловливалось выраженіемъ—„де прыпаде“.—При немъ Максымъ Плахотя, не узнававшій его, продалъ свои три „души“ за 3 р. 50 к. съ надбавкою до 5 руб.,—смотря по тому—де прыпаде. Такъ что, когда къ нему

Демьянъ Могрыцькый обратился съ предложеніемъ продать свой пай, то Хведько уже съ самоувѣренностію запросилъ 2 рубля „верхивъ". Могрыцькый давалъ одинъ рубль, кто-то сказалъ: „ладьте, а то могорычъ простыне", и торгующіеся сошлись на 1 р. 25 к., гдѣ бы „не прыпало", и ударили по рукамъ, послѣ чего оставалось только заявить Журилѣ, что Хведькова „душа" продана Могрыцькому, находящемуся въ томъ же десяткѣ. Послѣ уже, толкаясь въ толпѣ, Хведько разобралъ, что пугавшій его размѣръ недоимки не такъ великъ, чтобы изъ-за него была необходимость продавать „душу". Оказалось, что количество недоимки, подлежащей непремѣнному взносу, безъ чего не выдавалась трава, равнялось ровно 2 рублямъ, за „душу", такъ какъ паекъ этой травы не превышалъ добычи шести копенъ сѣна. Но тѣмъ не менѣе Хведьку было досадно, что онъ, по его мнѣнію, продешевилъ „душу" и тѣмъ самымъ какъ бы исключилъ себя изъ числа домовитыхъ хозяевъ слободы.

Вся эта сутолока „громады", масса народа указывали Хведьку, что и сегодня врядъ ли прійдется ему уладиться съ Сугыбою, котораго онъ сквозь двери видѣлъ сидящимъ въ волостномъ правленіи въ числѣ болѣе почетныхъ слобожанъ, имѣющихъ безпрепятственный доступъ туда. Но тѣмъ не менѣе ему не хотѣлось уходить, не попробовавши „справыть" гроши.

Онъ не уходилъ изъ комнаты, гдѣ списывались десятки, и, сжимая въ рукѣ полученные отъ Могрыцькаго 1 р. 25 к., все поглядывалъ въ волостное правленіе. Тамъ тоже шли толки про траву, про „верхы", про „долобу" [1]), которую между сотенными участками нужно будетъ „быть" непремѣнно отъ дороги прямо къ рѣкѣ, а не наискось...

За столомъ сидѣлъ старшина и велъ съ кѣмъ-то тихую бесѣду. Писарь, очевидно не имѣющій возможности что-либо

---

[1]) При дѣлежѣ травы обыкновенно протаптываютъ въ некошенной травѣ тропу по линіи раздѣла участковъ. Для большей ясности тропою вслѣдъ за идущимъ по намѣченному направленію, другой идетъ съ косою, слегка прокашивая слѣдъ. Сзади идущіе еще больше утаптываютъ траву.—Это называется „быть долобу".

писать въ этой сутолокѣ, сидѣлъ надъ сложенными въ стопу бумагами и курилъ папиросу. Среди глухого рокота голосовъ Хведько разслушалъ, что ярлыки будутъ выдавать староста и сборщикъ Дейнека только въ воскресенье.

Онъ не смѣло протиснулся въ комнату правленія, не спуская глазъ съ Сугыбы. Послѣдній это замѣтилъ и, подошедши къ писарю, что-то сказалъ ему. Писарь вынулъ изъ шкафа какіе-то бумаги и сталъ въ нихъ чего-то искать. Затѣмъ онъ что-то спросилъ Сугыбу и, еще поискавъ чего-то въ бумагахъ, сдѣлалъ отрицательный жестъ сдвинутыми плечами и руками. Хведько все это видѣлъ и выступилъ впередъ къ столу, такъ что обратилъ на себя вниманіе старшины.

— Ты чого?—спросилъ онъ.

Хведько сразу насупился, глянулъ, что называется, „изъ-подъ лоба" на старшину и сказалъ.

— Та оце-жъ я усе гроши свои правлю.

— А! Це все про ти гроши... Якъ воны тамъ запысани?—спросилъ старшина писаря, увидавъ, что онъ роется въ книгѣ и бумагахъ, и замѣтивъ участіе Сугыбы въ этомъ исканіи.

— Да вотъ здѣсь ихъ нигдѣ въ записи нѣтъ. Я думалъ, что они въ опекунскихъ дѣлахъ значатся—нѣту. Въ книгѣ переходящихъ суммъ тоже нѣтъ... отвѣтилъ писарь.

— Ну, отъ самъ бачышъ— у насъ нѣту ихъ у запысяхъ —сказалъ старшина и добавилъ, обращаясь уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Сугыбѣ.

— Вы бъ такъ якъ-небудь сами розвелысь; тутъ у насъ и такъ бачъ сколькы дила.

— Я жъ оце й правлю зъ нього грощи, а винъ усе мене водыть... Вы жъ, дядьку, сами казалы прыйты у росправу...

— Ну, вже жъ хоть и казавъ, намъ теперъ не до васъ; иншымъ часомъ.—

— Все это нужно, какъ слѣдуетъ, расспросить и разобрать; —теперь некогда—поддержалъ писарь старшину.

Хведько, мрачно потупившись, стоялъ передъ столомъ, но Сугыба самъ подошелъ къ нему и, какъ бы сожалѣя о невозможности теперь же свести счеты, вполголоса сказалъ ему:

— Що жъ, парень, подіешъ? Иншымъ часомъ якъ-небудь доступымося, а теперъ нельзя. Усе треба по порядку, по закону.

Хведько ничего не сказалъ, а повернулся и вышелъ въ сѣни.

Хотя онъ, входя въ волость, и не надѣялся на успѣшность своихъ домогательствъ, но то, что писарь не нашелъ ничего въ записяхъ и что развязка откладывалась на неопредѣленное время, его сильно опечалило и зло настроило противу начальства и противу Сугыбы. Такъ бы и вцѣпился въ кудластую рыжую бороду этого богача, по его понятіямъ, такъ бы и выжалъ изъ него эти деньги!

XIV.

Що, парень? Трудно правыть гроши—справляться зъ богачамы? отозвался къ нему какой-то человѣкъ вполголоса.

Хведько оглянулся и какъ бы обрадовавшись сочувствію отвѣтилъ.

— А же бачъ...

— Та я вже оце все дывлюся, що діеться... Ходимъ, не те розкажу тоби, та тилькы йды назырцемъ за мною, ажъ покы самъ покажу тоби.

Хведько вышелъ изъ сѣней на крыльцо, и подождавъ, пока пригласившій его немного отошелъ, послѣдовалъ за нимъ по улицѣ.

Человѣка этого онъ видѣлъ не разъ, зналъ въ лицо, зналъ, что онъ тоже Андреевецъ, но не зналъ, какъ онъ назывался.

Слѣдуя одинъ за другимъ, они прошли далеко вдоль слободы по проѣздной улицѣ и затѣмъ повернули проулкомъ къ рѣчкѣ. Незнакомецъ вдругъ перепрыгнулъ плетень и, махнувъ головою на Хведька, пошелъ огородами опять по направленію къ церкви.. Прошедши саженей сто огородами и садками, онъ вошелъ черезъ перелазъ въ дворъ Жульчыхи, извѣстной и Хведьку, потому что зимою прежде у нея собиралась молодежь „на досвитки“. Во дворѣ никого не было, и видно было, что здѣсь не имѣлось никакого хозяйства: дворъ заросъ спорышемъ,

дурманомъ и колючкою около ветхаго плетня. Не видно даже было куръ. Двери большой, но уже осѣвшей одной стороной хаты были заперты. Незнакомецъ рукою показалъ Хведьку, чтобы онъ присѣлъ у плетня у перелаза, а самъ постучалъ въ двери. Отозвался чей-то голосъ и затѣмъ дверь отперлась.

Незнакомецъ вошелъ туда и немного погодя позвалъ Хведька. Въ сѣняхъ было прохладно, и по постланному рядну съ подушкой, а также по всклокоченной фигурѣ хозяйки видно было, что она спала.

— Е въ тебе?—спросилъ незнакомецъ Жульчыху, оправлявшую измятый платокъ на головѣ.—А то збигаешъ? Лучче, якъ бы була.

— Та подывлюсь, тамъ трохы зосталось неначе—отвѣтила Жульчыха и пошла въ „комнату", гдѣ было темно, такъ какъ ставни оконъ были закрыты.

Хведько стоялъ и разсматривалъ приведшаго его сюда человѣка. Онъ его видѣлъ и прежде, но какъ звать его, онъ не зналъ. Это былъ кто то не съ ихъ „кутка".

— Сидай, спочынь—сказалъ незнакомецъ, подставляя Хведьку какой-то „ослиньчыкъ" и самъ усаживаясь на опрокинутой вверхъ дномъ кадушкѣ.

— Та вы хто такый, що наче мене знаете? спросилъ Хведько.

— А на вищо тоби й знать, хто я? А же бачышъ, що тебе жалію—оце й буде зъ тебе, а якъ що зхочешъ назвать, такъ зовы Йосыпомъ. Ты такъ не вдывляйся въ мене, бо не пизнаешъ. Я тутъ у слободи мало жывъ, а все на сторони. Та й тебе тилькы два разы й бачывъ: на ярмарци та ще разъ...

Жульчыха пригласила въ „комнату"; гдѣ уже на столѣ, застланномъ „настильныкомъ", были разложены куски хлѣба, сало, нарѣзанное на деревянной тарелкѣ, и стояла бутылка съ водкой и рюмка.

Йосыпъ зъ Хведькомъ вошли въ избу, при чемъ послѣдній перекрестился на образа и сказалъ „Здраствуйте! Дньовалы соби!"—и усѣлся за столъ, пока Жульчыха выбѣгала пріотворять ставни.

— Шо жъ, титко, почастуй насъ!

— Ни вже вы сами, пыйте у добримъ здоровьи, а я й такъ ніякъ не справлюсь пися празныка...

Йосыпъ выпилъ и приподнесъ Хведьку, который было хотѣлъ поцеремониться, но, подумавъ немного, выпилъ рюмку.

Жульчыха вовсе не играла роли хозяйки въ этой компаніи и даже ушла изъ хаты, увидѣвъ, что Йосыпъ какъ-то особенно мигнулъ ей глазами.

Оставшись одни, гости еще выпили и закусили, и Йосыпъ повелъ такую рѣчь:

— Ну, що жъ? Якъ теперъ думаешъ справлять свои гроши?

Хведько тряхнулъ головою, какъ бы отгоняя какую-то думу, и сказалъ:

— Буду пробувать, правытыму...

— Гмъ! Правытымешъ... А якъ не оддасть...

— А якъ же винъ посміе не оддавать?

— Та такъ не сміючысь—такъ и не оддасть...

Хведько насупился—брови у него сдвинулись, и лицо приняло грозное выраженіе

— Зъ горла выдеру,—промолвилъ онъ.

— Гмъ! зъ горла... Це ще якъ прыйдеться...

Хведько молчалъ.

— Винъ то, може, й оддасть, та такъ не зразу: цидытыме по копійци—колы рубъ, колы два, такъ и зведе ни на що... Я ихъ, проклятыхъ багатыривъ, добре та гараздъ знаю. Оце завіеться десь по ярмаркамъ, а повернеться до двору—не спіймаешъ його.. А тутъ ще й начальныки йому потуратымуть. Походышъ, походышъ, тай самъ своихъ грошей одцураешься...—ихъ, бисовыхъ, не такъ слидъ вчыть.

— Отъ ти, що то побиля солы коней проворонылы, ти не пидуть. Якъ бы було замисть у ныхъ, та у цього твоёго свата забрать коня—винъ бы й въ слободи пожывъ; а то запригъ та й подався на все лито...

Хведько совершенно соглашался съ соображеніями Йосыпа и вполнѣ понялъ, что лучше бы у Сугыбы была сведена лошадь.

Йосыпъ предложилъ выпить еще по рюмкѣ.

— Треба помиркуваты, якъ його зупыныты у слободи, щобъ не йихавъ, начальныкивъ попрохать, старшыну та пысаря... высказывалъ свои соображенія Йосыпъ.

— Та тилькы що жъ? У ныхъ усе за одно—свои. Усе за нёго руку тягнутымуть...

Хведько, уже захмелѣвшій немного, все больше и больше мрачнѣлъ, вполнѣ соглашаясь съ высказываемыми Йосыпомъ положеніями. Онъ понималъ, что въ дѣлѣ полученія денегъ съ Сугыбы начальство всегда будетъ держать сторону должника, что лучше бы было, если бы Сугыба не выѣзжалъ изъ слободы. Все это понималъ Хведько, но не могъ пріискать способа, какъ заручиться расположеніемъ начальства и какъ удержать отъ выѣзда Сугыбу. Одно только было у него—это рѣшимость сейчасъ, въ эту минуту, схватить его, Сугыбу, и выжать изъ него свои деньги такъ, какъ въ тюрьмѣ онъ сдѣлалъ съ Романцомъ... Озлобленіе въ немъ росло, и онъ готовъ былъ на всякое злое дѣло по отношенію къ Сугыбѣ.

Бутылка пустѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ хмель все больше одолѣвалъ Хведька, но далеко не такъ, какъ это съ нимъ было даже и не такъ давно на Бемовкѣ. Йосыпъ между тѣмъ былъ совершенно трезвъ и, когда они встали изъ-за стола, спросилъ.

— Давай двугривеного, а остальни я докладу.—Хведько отдалъ цѣлый четвертакъ изъ числа денегъ, полученныхъ имъ за травяную душу.

— Ты отъ що, парень! Слухай сюды: такъ ты зъ ными ничого не подіешъ, а давай поворожымо, такъ воны не тіеи спиватымуть. Якъ пообляжуть, такъ я до тебе навернуся, а теперъ садкамы пройды ажъ до ричкы, а тамъ зверны до прогону, що до водопою, тай по нызчій вулыци побиля церкви и йды до дому. Та якъ хто спытае, де бувъ, такъ кажы, що ходывъ на лукы. Иды зъ Богомъ!

Хведько такъ и сдѣлалъ: Онъ прошелъ садками къ рѣкѣ и вышелъ къ водопою, гдѣ уже на „стійли“ была „череда“. Коровы—иныя лежали пережовывая жвачку, другія стояли, отмахиваясь хвостами отъ назойливыхъ мухъ, а иныя и вовсе лѣзли въ изгруженную въ этомъ мѣстѣ рѣчку. Нѣсколько мальчугановъ купались у самаго края огородовъ. За рѣкой зеленѣлись вербы „Деревни“. Тянуло туда Хведька—туда, въ эти огороды—конопли, но не смотря на сильное желаніе, возбужденное къ тому еще водкою, онъ преодолѣлъ себя и потянулъ указаннымъ маршрутомъ домой...

Б. Познанскій.

(Продолженіе будетъ).

Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ.

(Докладъ, читанный въ подсекціи статистики X съѣзда естествоиспытателей и врачей въ г. Кіевѣ).

Для того, чтобы выяснить нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ, я прежде всего долженъ Васъ познакомить съ положеніемъ ея въ этомъ краѣ. Въ 1893 году Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генералъ-губернаторомъ напечатанъ былъ (перепечатанный затѣмъ и въ нѣкоторыхъ газетахъ) обширный циркуляръ мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, характеризующій состояніе оффиціальной статистики въ краѣ. Имъ констатировалось печальное положеніе статистики, приведшее къ тому, что представители мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій—мировые посредники и предсѣдатели съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, вынуждены постоянно пользоваться завѣдомо для нихъ невѣрными свѣдѣніями оффиціальной статистики. Констатировалось, что органы крестьянскихъ учрежденій постоянно пользуются этими свѣдѣніями, нимало не заботясь о повышеніи ихъ достовѣрности, въ виду укоренившагося убѣжденія въ невозможности улучшенія оффиціальной статистики, при наличной ея постановкѣ и полной въ этомъ отношеніи безконтрольности низшихъ органовъ—волостныхъ правленій.

Какова недостовѣрность этихъ оффиціальныхъ данныхъ, которыми пользуются мѣстные административные органы и крестьянскія учрежденія для текущихъ и насущныхъ надобностей административнаго управленія краемъ,—подробно говорить объ этомъ здѣсь будетъ излишне. О ней можно судить по краткой моей ссылкѣ на этотъ циркуляръ, констатировавшій между прочимъ, что по волѣ первоисточника всякихъ статистическихъ свѣдѣній въ краѣ—мѣстныхъ волостныхъ правленій, мѣстные административные органы получаютъ отъ нихъ въ разные года даже не одинаковыя цифры относительно такой неизмѣнной величины, какъ надѣлы сельскихъ обществъ, при чемъ колебанія этихъ цифръ происходитъ иногда на цѣлыя сотни десятинъ на волость, то увеличиваясь, то уменьшаясь за смежные годы, въ зависимости отъ одной лишь небрежности волостныхъ правленій. Цифры же, напр., о наличномъ населеніи прыгаютъ такъ, что по одной и той же волости онѣ за смежные годы то увеличиваются вдвое, уменьшаясь затѣмъ опять на большія величины, то уменьшаются на тысячи душъ для того, чтобы въ слѣдующемъ году повыситься въ $1^1/_2$ или 2 раза противъ первоначальной величины.

Та же неточность оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ замѣчается даже и въ свѣдѣніяхъ, включаемыхъ въ приложенія всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ. Напр., цифры скота за смежные годы измѣняются для отдѣльныхъ уѣздовъ на десятки тысячъ головъ въ то время, какъ отчеты констатируютъ, что ни измѣненій въ скотоводческомъ хозяйствѣ, ни эпизоотій въ данныхъ уѣздахъ за данные годы не было; при этомъ колебанія эти бываютъ иногда такія, что въ теченіе двухъ лѣтъ количество скота въ уѣздѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, къ началу года яко-бы увеличивается на нѣсколько десятковъ тысячъ, а къ концу его разомъ уменьшается на нѣсколько же десятковъ тысячъ, или наоборотъ.

Такое положеніе дѣла, ставившее мѣстную администрацію въ полную невозможность полагаться на какія бы то ни было оффиціальныя статистическія данныя, побудило бывшаго гене-

ралъ-губернатора командировать меня, бывшаго въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при немъ, какъ человѣка причастнаго къ статистикѣ, для мѣстнаго изслѣдованія положенія оффиціальной статистики въ краѣ, условій, въ какихъ находится дѣло собиранія статистическихъ свѣдѣній, и причинъ ихъ недостовѣрности у первоисточника оффиціальной статистики, т. е. въ волостныхъ правленіяхъ Юго-Западнаго края.

Изслѣдованіе это выяснило, конечно, громадную массу пробѣловъ оффиціальной статистики, скучнымъ перечнемъ которыхъ я тѣмъ болѣе не буду утруждать Вашего вниманія, что слабыя стороны оффиціальной, т. е. въ сущности волостной, статистики въ существѣ давно извѣстны, сдѣлались источникомъ многихъ анекдотовъ, можно сказать, притчею во языцѣхъ. Скажу только, что главнѣйшими причинами недостовѣрности этихъ волостныхъ статистическихъ данныхъ, какъ я лишній разъ убѣдился тогда, надлежитъ считать, помимо обремененности волостныхъ правленій другими текущими работами, *полную безконтрольность* дѣятельности этихъ органовъ, доставляющихъ статистическія свѣдѣнія, и отсутствіе на мѣстахъ какого бы то ни было руководства въ отношеніи пріемовъ и способовъ ихъ собиранія, а также и уясненія смысла и значенія требованій, къ нимъ въ этомъ отношеніи предъявляемыхъ. Доставленіе неточныхъ или недостаточныхъ данныхъ зависитъ часто не только отъ увѣренности волостныхъ правленій въ отсутствіи контроля и невозможности провѣрки, но и въ неумѣньи сообщать эти свѣдѣнія, а также и въ недостаточномъ пониманіи того, что именно и въ какой формѣ и видѣ отъ нихъ требуется, вслѣдствіе чего одни и тѣ-же вопросы извѣстныхъ программъ въ одномъ мѣстѣ понимаются такъ, а въ другомъ совсѣмъ иначе. При отсутствіи же надлежащаго, вѣрнѣе, какого-бы то ни было надзора и контроля на мѣстахъ, для волостныхъ правленій, являющихся, какъ извѣстно, главнѣйшимъ, если не единственнымъ источникомъ оффиціальной статистики—*даже и при полной возможности* доставить въ извѣстныхъ случаяхъ точныя данныя—*не представляется уже особой надобности за-*

ботиться объ ихъ точности, и имѣется нерѣдко *полная возможность* отдѣлаться доставленіемъ цифръ, взятыхъ отъ ума или составленныхъ болѣе чѣмъ приблизительно.

Такое положеніе дѣла уясняетъ невозможность опираться на цифры оффиціальной статистики, въ виду невозможности быть увѣреннымъ въ хотя бы приблизительной точности этихъ цифръ для каждаго даннаго района.

Рядомъ съ этою невозможностью, какъ естественно ожидать, приходится констатировать и обычную у насъ на Руси бездѣятельность мѣстныхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ смыслѣ статистическаго изслѣдованія экономическихъ условій жизни края, фактически выражающуюся лишь въ обычномъ изданіи мало кому нужныхъ памятныхъ книжекъ, изъ которыхъ за періодъ послѣднихъ 15—20 лѣтъ можно указать лишь на 2—3, въ родѣ работъ Мозгового и Гульдмана, какъ заслуживающихъ нѣкоторой доли вниманія.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что, за исключеніемъ названныхъ, какихъ либо иныхъ, болѣе или менѣе достойныхъ вниманія, печатныхъ работъ по статистическому изслѣдованію Юго-Западнаго края, (если не считать, напр., чисто спеціальныхъ работъ по желѣзнодорожной статистикѣ, изданія которой почти недоступны публикѣ), остается назвать очень мало, да и большинство ихъ, каковы работы Фундуклея, затѣмъ, Беневскаго, Воейкова и Загоскина, настолько устарѣли, что имѣютъ теперь лишь историко-библіографическое значеніе, при чемъ и ихъ выводы тоже въ значительной мѣрѣ основаны на неточныхъ данныхъ оффиціальной статистики.

Наиболѣе цѣнными печатными работами по обстоятельности и достовѣрности, а также и по существу затрагиваемыхъ ими сторонъ народной жизни являются у насъ труды бывшаго здѣсь отдѣла Географическаго Общества, какъ учрежденія, производившаго свои изслѣдованія прямо на мѣстахъ и черезъ лицъ интеллигентныхъ и заинтересованныхъ въ полученіи достовѣрныхъ данныхъ; но къ сожалѣнію, дѣятельность отдѣла много лѣтъ уже прекратилась, и произведенныя имъ рабо-

ты, не пополняясь новыми и не распространяясь на мѣстности, еще имъ необслѣдованныя, являются для края неполными, недоконченными и тоже отчасти уже устарѣвшими.

Короче говоря, статистико-экономическая литература Юго-Западнаго края бѣдна до крайности; это—пустыня, немногіе оазисы которой представляютъ въ большинствѣ случаевъ видъ довольно жалкій и безжизненный.

Между тѣмъ обширный и многонаселенный край этотъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи гораздо лучшей участи.

Разнообразный составъ многомилліоннаго населенія (малороссы, бѣлоруссы, великороссы, поляки, евреи, нѣмцы), чрезвычайное разнообразіе края въ географическомъ, топографическомъ, почвенномъ и климатическомъ отношеніи, при различіяхъ въ условіяхъ сельскохозяйственной культуры между волынскимъ Полѣсьемъ, песчанымъ Приднѣпровьемъ Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, степью юга Подоліи и центральною черноземною полосою Кіевской губ. и пр. и пр.; широкое развитіе сельскохозяйственной и въ частности свекловичной культуры, заводской и фабричной промышленности—все это по меньшей мѣрѣ заслуживаетъ того, чтобы жизнь этого края подверглась обстоятельному обслѣдованію. Прибавьте къ этому специальныя особенности этого края: неразверстанность его имѣній при чрезвычайной чрезполосицѣ; обиліе разнообразныхъ сервитутовъ; особенности его надѣленія въ связи съ обиліемъ безземельныхъ въ въ видѣ бывшихъ бобылей и огородниковъ; разросшуюся на почвѣ исключительныхъ законовъ земельную спекуляцію; наличность фиктивныхъ арендъ и владѣній; наплывъ нѣмецкихъ колонизаторовъ на ряду съ нѣсколько лѣтъ уже возникшимъ выселеніемъ коренного крестьянскаго населенія изъ считающагося богатымъ Юго-Западнаго края, и вы увидите, что однѣ уже эти особенности требуютъ настоятельнаго изученія на мѣстѣ.

Несомнѣнно, что недостатокъ необходимыхъ данныхъ весьма часто тормозилъ обсужденіе многихъ мѣропріятій, въ осу-

ществленія которыхъ ощущалась потребность въ краѣ, и мнѣ лично извѣстно, какъ часто доставленныя для этихъ цѣлей оффиціальныя данныя оказывались невѣрными, неточными, вслѣдствіе чего или приходилось откладывать самое дѣло, или задерживать его ходъ и отправляться на мѣста для спеціальнаго изслѣдованія, чтобы получить свѣдѣнія, хотя и немногочисленныя, но сколько нибудь достовѣрныя. Извѣстно, что, напр., вопросъ о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ и до сихъ поръ стоитъ безъ движенія главнымъ образомъ именно за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ, несмотря на то, что оффиціальнымъ путемъ они собирались и неоднократно, и по самымъ разнообразнымъ программамъ.

Не считая умѣстнымъ доказывать здѣсь необходимость точныхъ данныхъ о положеніи края, о его нуждахъ и потребностяхъ, перехожу прямо къ вопросу о томъ, какъ удовлетворить эту насущную и все болѣе наростающую потребность.

Уже при бывшемъ генералъ-губернаторѣ возникала мысль о необходимости спеціальнаго статистическаго изслѣдованія всего края. По порученію начальства мною составленъ былъ тогда—въ связи съ новыми правилами земскаго обложенія въ неземскихъ губерніяхъ—проектъ о сплошномъ оцѣночно-статистическомъ обслѣдованіи всего края въ цѣляхъ установленія болѣе правильнаго обложенія недвижимыхъ имуществъ земскими сборами, при чемъ попутно предполагалось произвести и статистическія изслѣдованія экономическаго быта мѣстнаго населенія. Этотъ проектъ направленъ былъ въ Министерство Финансовъ и получилъ принципіальное просвѣщенное согласіе г. Министра Финансовъ, такъ что дѣло организаціи экспедиціоннаго оцѣночно-статистическаго изслѣдованія края казалось столь близкимъ къ осуществленію, что намѣчены были уже и лица, способныя руководить изслѣдованіемъ на мѣстахъ. Но благодаря предстоявшей въ то время народной переписи, осуществленію которой, по мнѣнію центральнаго статистическаго комитета, могло-бы помѣшать производимое обслѣдованіе края, проектъ этотъ былъ временно отклоненъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ виду полной неизслѣдованности края, я полагаю, что онъ прежде всего нуждается именно въ сплошномъ и по возможности единовременномъ его статистико-экономическомъ обслѣдованіи, осуществленія котораго, въ виду неудовлетворенной еще потребности въ правильномъ обложеніи недвижимыхъ имуществъ, можно было бы достигнуть уже предположеннымъ путемъ, для приведенія котораго въ исполненіе теперь нѣтъ уже и прежняго препятствія. Казалось бы, намъ остается возбудить только передъ кѣмъ слѣдуетъ соотвѣтственное ходатайство.

Могутъ однако возразить, что со времени возникновенія помянутаго проекта, осуществленіе котораго пріурочено было главнымъ образомъ къ нуждамъ оцѣнки и земскаго обложенія, можетъ быть и миновала уже нужда въ собственно оцѣночной статистикѣ, для которой преимущественно и рѣшались на неизбѣжно крупные въ этомъ расходы. Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени прошло уже нѣсколько лѣтъ, въ періодъ которыхъ такъ или иначе должна же была быть произведена переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ для обложенія ихъ земскими сборами въ 3-хъ неземскихъ губерніяхъ Юго-Западнаго края, а если это такъ, то тѣмъ самымъ устраняется одинъ лишній мотивъ въ пользу вѣроятности осуществленія проектируемаго ходатайства.

Познакомимся поэтому въ краткихъ чертахъ съ положеніемъ здѣсь этого дѣла въ настоящее время.—На основаніи ст. XVIII Высочайше утвержденнаго 22 апрѣля 1896 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ повинностей въ 14 неземскихъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ этихъ губерніяхъ предоставлено учреждать особыя оцѣночныя коммиссіи въ уѣздахъ для собиранія и разработки данныхъ для раскладки поземельныхъ сборовъ къ трехлѣтію съ 1899 г. Въ циркулярахъ и инструкціяхъ, разъяснявшихъ будущимъ коммиссіямъ ихъ права и обязанности, было между прочимъ указано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неземской Россіи „сколько нибудь обстоятельной раскладки земель вовсе не производилось до настоящаго времени, вслѣдствіе чего раскладки отличаются произвольностью; почему въ этихъ мѣстностяхъ ком-

миссіямъ необходимо произвести оцѣночную работу вновь въ полномъ объемѣ, тогда какъ въ остальныхъ предстоящая работа можетъ быть ограничена провѣркою оцѣночнаго матеріала и нѣкоторыми необходимыми измѣненіями въ раскладкѣ земель по мѣстностямъ и угодьямъ".

Затѣмъ, самимъ уже мѣстнымъ учрежденіямъ предоставлено было рѣшать вопросъ о томъ, нужно-ли начинать дѣло сначала, признавъ прежнія оцѣнки негодными, или только внести лишь поправки въ старыя оцѣнки; при этомъ обращено было особенное вниманіе послѣднихъ на то обстоятельство, что „оцѣночныя коммиссіи ни по составу своему, ни по сроку для выполненія ихъ работъ *не въ состояніи* удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ, на основаніи упомянутаго закона, къ учрежденіямъ, призваннымъ выполнить оцѣночныя работы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, и что поэтому нѣкоторое *упрощеніе* оцѣночныхъ пріемовъ является въ данномъ случаѣ *неизбѣжнымъ*". Срокъ для производства и окончанія этихъ работъ данъ былъ годичный,—причемъ приблизительно половина этого срока въ мѣстныхъ губерніяхъ ушла на оцѣнку или переоцѣнку фабрикъ и заводовъ, а другая — земельныхъ имуществъ. Уѣздныя коммиссіи состояли, каждая подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, изъ 2-хъ мировыхъ посредниковъ, 2-хъ назначенныхъ губернаторомъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, податного инспектора и приглашенныхъ каждой коммиссіей уже отъ себя свѣдущихъ лицъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, приблизительно 4—6 человѣкъ, изъ которыхъ часть обыкновенно на приглашеніе не являлась. На всѣ расходы по учету и оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ ассигновано было въ распоряженіе уѣздныхъ оцѣночныхъ коммиссій приблизительно по 350 р. на уѣздъ, которые и пошли главнымъ образомъ на канцелярское дѣлопроизводство.

Разскажу о дѣятельности одной изъ мѣстныхъ уѣздныхъ коммиссій, проявившей повидимому особенное усердіе въ осуществленіи поставленныхъ ей задачъ. Коммиссія рѣшила произвести не

только новую оцѣнку всѣхъ земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ, но и новый количественный учетъ послѣднихъ. Разосланы были черезъ полицію всѣмъ мѣстнымъ владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ листы съ вопросными пунктами, на которые они должны были отвѣтить въ назначенный срокъ.

Изъ 1700 землевладѣльцевъ на эти листы не отвѣтило, не смотря на всѣ настоянія полиціи, болѣе 200 и учетъ ихъ земель, такъ-же, какъ и оцѣнку послѣднихъ, пришлось произвести по даннымъ старыхъ окладныхъ книгъ, признававшихся самою уѣздною коммиссіею негодными.

Оцѣнка фабрикъ и заводовъ производилась такъ: принимались во вниманіе свѣдѣнія о цѣнности и доходности имущества по заявленію владѣльца, свѣдѣнія о страховой и залоговой оцѣнкахъ его и данныя стоимости машинъ; производился приблизительный разсчетъ количества потребнаго на постройку зданій кирпича и по этому разсчету приблизительно опредѣлялась стоимость этихъ зданій, а затѣмъ по сопоставленіи всѣхъ этихъ оцѣночныхъ цифръ за окончательную избиралась та, которая давала высшую цифру оцѣнки, какъ болѣе выгодную для казны, при чемъ для полученія полныхъ свѣдѣній по каждому такому заводу или фабрикѣ они посѣщались податнымъ инспекторомъ.

Въ вопросныхъ листахъ, разосланныхъ замлевладѣльцамъ, требовалось, чтобы каждый изъ нихъ самъ сообщилъ, отъ кого и когда имъ пріобрѣтено имѣніе, по какой оцѣнкѣ имѣніе заложено, какая въ немъ почва, сколько въ немъ десятинъ каждаго изъ угодій: усадебныхъ, сѣнокосу заливного, суходольнаго или болотнаго, лѣсу строевого, товарнаго, дровяного или мѣшанаго, съ распредѣленіемъ каждаго по породамъ; пашни перваго или второго разряда, съ отнесеніемъ во второй—по усмотрѣнію владѣльца—пашни плохой по качеству почвы или слишкомъ гористой, и десятинъ прочихъ угодій (рыболовель, каменоломень и пр.) съ указаніемъ ихъ доходности по усмотрѣнію же владѣльца. Затѣмъ всѣ эти свѣдѣнія, полученныя отъ частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянскихъ сельскихъ обществъ, свѣрялись упомянутыми данными окладныхъ книгъ, и, въ случаѣ

явныхъ и слишкомъ крупныхъ разнорѣчій съ ними, коммиссія обращалась къ первоисточнику всѣхъ статистическихъ свѣдѣній— волостному правленію съ предложеніемъ выяснить разнорѣчіе на мѣстѣ, и сообщить надлежащія свѣдѣнія; при отсутствіи же крупныхъ, бросающихся въ глаза разнорѣчій, коммиссія обсуждала присланный отвѣтъ съ точки зрѣнія его правдивости и, слѣдовательно, соотвѣтствія мѣстнымъ условіямъ, и на основаніи приблизительнаго знанія данной мѣстности кѣмъ-либо изъ ея членовъ (исходя изъ мнѣнія, что, въ цѣляхъ уменьшенія обложенія владѣльцы склонны умалить качество и доходность своихъ имѣній), коммиссія вносила въ полученный отвѣтъ поправки, обыкновенно переводя часть или всю пашню второго разряда въ первый, а болотный сѣнокосъ въ суходольный на основаніи соображенія, что въ той мѣстности почвы не дурны, а болотъ мало; дровяной лѣсъ—въ строевой или товарный, по предположенію, что послѣдняго, помнится, или кажется, въ той мѣстности больше перваго и т. п. При всѣхъ этихъ поправкахъ принималось за правило по указанію мѣстнаго Распорядительнаго Комитета отдавать вообще предпочтеніе тѣмъ указаніямъ и тѣмъ поправкамъ, которыя ведутъ *къ увеличенію* оцѣнки. Иногда провѣрку свѣдѣній коммиссія поручала произвести на мѣстѣ кому либо изъ сочленовъ, большею частію мировому посреднику, который, за недостаткомъ времени для личнаго осмотра, нерѣдко поручалъ доставить ему необходимыя свѣдѣнія волостному же правленію. Съ цѣлью уясненія доходности и цѣнности земель въ каждомъ районѣ—для коммиссій заранѣе собраны были Распорядительнымъ Комитетомъ свѣдѣнія о залоговыхъ цѣнахъ Дворянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ, при чемъ эти залоговыя оцѣнки, конечно, относились не къ отдѣльнымъ угодьямъ, а къ средней стоимости совокупности всякихъ угодій, т. е. къ удобной землѣ вообще. Въ дополненіе къ этому собраны были отъ свѣдущихъ лицъ свѣдѣнія о бывшихъ случаяхъ продажъ,—о мѣстныхъ продажныхъ цѣнахъ, которыя, сказать въ скобкахъ, тоже въ громадномъ большинствѣ уясняли не цѣну отдѣльныхъ угодій, а цѣну удобной земли вообще, тѣмъ

больше, что продажи мелкія подесятинныя, въ этомъ по крайней мѣрѣ уѣздѣ, гораздо рѣже, чѣмъ продажи цѣлыми имѣніями или участками.

Приняты были во вниманіе также и свѣдѣнія объ урожаяхъ, въ опредѣленные сроки доставляемыя податными инспекторами въ Министерство и получаемыя ими въ сыромъ видѣ отъ тѣхъ же волостныхъ правленій. Всѣ эти данныя служили для установленія оцѣнки десятины пашни къ каждомъ изъ 5 приблизительно намѣченныхъ коммиссіею въ уѣздѣ почвенныхъ поясовъ, по соображенію коммиссіи. По отношенію къ сѣнокосамъ, на основаніи приблизительнаго знанія членами коммиссіи каждой данной мѣстности, устанавливался приблизительный размѣръ укоса на десятину каждаго сорта и, по имѣющемуся представленію о цѣнности тамъ того или другого сорта сѣна, вычислялся доходъ отъ сѣнокоса, который для установленія его оцѣнки въ каждомъ поясѣ капитализировался изъ 5%. Доходность земель садовыхъ, огородныхъ, рыболовель, каменоломенъ, пасѣкъ, торфяниковъ, торговыхъ площадей и дачныхъ мѣстъ принималась прямо по показаніямъ владѣльцевъ и капитализировалась тоже изъ 5%.

Для оцѣнки лѣсныхъ земель поступали такъ. Коммиссія разбила уѣздъ на 3 лѣсныхъ пояса по цѣнности и доходности лѣса, устанавливая нормальную оцѣнку послѣдняго для каждаго пояса по породамъ и возрасту, примѣняясь къ казеннымъ лѣснымъ оцѣнкамъ сосѣднихъ казенныхъ дачъ, съ пониженіемъ всѣхъ этихъ оцѣнокъ вчетверо, въ виду того соображенія, что въ казенныхъ лѣсахъ, при установленномъ оборотѣ рубки, получается ежегодный опредѣленный доходъ отъ лѣса, котораго можетъ не быть въ частныхъ лѣсахъ, гдѣ большею частію правильнаго хозяйства не ведется и оборота рубки не установлено. Изъ изложеннаго видно, что при наличномъ своемъ составѣ и средствахъ—уѣздная коммиссія сдѣлала съ своей стороны все возможное для осуществленія поставленныхъ ей задачъ.

Мнѣ думается однако, что послѣ изложеннаго, мнѣ нѣтъ въ тоже время надобности останавливаться на разъясне-

ніи того, на сколько приблизительна, или вѣрнѣе примитивна была такая оцѣнка и на сколько можетъ быть не соотвѣтственно и не уравнительно основанное на такой оцѣнкѣ обложеніе. Мнѣ, вслѣдствіе этого, остается только констатировать, что такимъ образомъ и понынѣ не исчезъ еще и этотъ лишній поводъ къ сплошному статистическому оцѣночно-экономическому изслѣдованію края.

Установивъ такимъ образомъ необходимость возбужденія ходатайства о единовременномъ статистическомъ обслѣдованіи края, я не могу однако не обратить вниманіе на то обстоятельство, что возбуждая то или иное ходатайство, нельзя быть увѣреннымъ въ несомнѣнности его осуществленія. Если это не осуществится, тогда край нашъ опять надолго останется безъ ничего. Это съ одной стороны,—и слѣдовательно на этотъ случай надо имѣть еще что нибудь, что хоть отчасти, хотя чѣмъ нибудь замѣнило бы өтотъ неосуществившійся статистическій проектъ. Съ другой стороны, даже и при условіи его осуществленія, нельзя не имѣть въ виду, что названный проектъ имѣетъ дѣло съ единовременнымъ обслѣдованіемъ, данныя котораго, во 1-хъ, впослѣдствіи устарѣютъ и должны быть подновляемы, а во 2-хъ имѣютъ ограниченную сферу обслѣдованія въ томъ смыслѣ, что касаются одной стороны—лишь уясненія современныхъ условій сельско-экономической жизни.

Такою отчасти замѣною, отчасти подспорьемъ и дополненіемъ дѣятельности оффиціальныхъ и земскихъ статистическихъ органовъ у насъ въ Россіи всегда и вездѣ были ученыя общества, учреждаемыя съ цѣлью изученія родного края. Въ Юго-Западномъ краѣ существуетъ нѣсколько ученыхъ обществъ: историческое, юридическое, техническое, физико-математическое, но нѣтъ такого общества, которое поставило-бы своею цѣлью изученіе условій экономической жизни, его населенія, и изученіе его съ бытовой, этнографической точки зрѣнія.

Въ свое время былъ здѣсь отдѣлъ Географическаго Общества, восполнявшій существующій въ краѣ недостатокъ въ обществахъ для статистическаго и монографическаго изслѣдованія

края въ области географіи, статистики и этнографіи. Но теперь такого общества нѣтъ и въ немъ давно уже настоитъ несомнѣнная нужда. Желательно поэтому,—чтобы дать полезному дѣлу необходимый толчокъ въ смыслѣ его скорѣйшаго осуществленія,—дабы настоящее собраніе признало и констатировало эту необходимость. Осуществленіе этой потребности, по моему мнѣнію, достижимо двумя путями: или организаціей спеціальнаго общества, или возбужденіемъ ходатайства о разрѣшеніи возобновить дѣятельность Отдѣла Географическаго Общества, дѣйствія котораго временно пріостановлены уже очень давно въ совсѣмъ особыя повидимому времена жизни Юго-Западнаго края. При обсужденіи вопроса о томъ, какому изъ этихъ двухъ предположеній отдать предпочтеніе, мои симпатіи и мысли, какъ дѣйствительнаго члена Географическаго Общества, невольно склоняются въ пользу проекта о возобновленіи здѣсь дѣятельности бывшаго его Отдѣла. Организація новаго самостоятельнаго общества имѣетъ ту слабую сторону сравнительно съ возстановленіемъ дѣятельности Отдѣла, что этимъ нарушается желательная и полезная связь съ наиболѣе выдающимся въ Россіи ученымъ обществомъ Императорскимъ Географическимъ; теряется возможность его направляющей дѣятельности и права на тѣ важныя въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія привиллегіи, которыми оно пользуется по закону, а также и на возможную отъ него—матеріальную и нравственную поддержку, особенно необходимую именно въ первое время. Къ тому же программа дѣятельности и планъ его организаціи давно уже выработаны, уставъ испытанъ многолѣтнею практикою, сочувствіе интеллигентнаго общества обезпечено—слѣдовательно незачѣмъ гнаться за новымъ, когда есть свое, готовое, всесторонне обдуманное, цѣлесообразно и практично обставленное. Вотъ почему я и предлагаю просить распорядительный комитетъ съѣзда, о возбужденіи, передъ кѣмъ слѣдуетъ, подлежащихъ ходатайствъ какъ объ организаціи сплошного и единовременнаго статистическаго обслѣдованія края, такъ и о возстановленіи въ немъ дѣятельности Отдѣла Географическаго Общества для изслѣдованія края въ географическомъ отношеніи

въ широкомъ смыслѣ этого слова, для изученія этнографіи края и экономическаго быта его населенія, по скольку таковой можетъ быть выясненъ путемъ примѣненія статистическаго метода изслѣдованія. Первое ходатайство, казалось-бы, ближе всего возбудить передъ просвѣщеннымъ начальникомъ края, второе—передъ самимъ Географическимъ Обществомъ.

Въ заключеніе, въ виду необходимости предварительнаго обсужденія вопроса о томъ, передъ кѣмъ именно надлежитъ и возможно, по уставу съѣзда и при наличныхъ условіяхъ, возбуждать то и другое ходатайство, а также и для болѣе точной и обстоятельной формулировки моихъ предложеній, я позволилъ-бы себѣ предложить собранію избрать особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ нашего уважаемаго предсѣдателя подсекціи статистики Д. И. Пихно, при участіи членовъ подсекціи съ юга Россіи, какъ болѣе заинтересованныхъ въ успѣхѣ ходатайствъ и вообще болѣе близкихъ къ этому дѣлу. Въ коммиссію я предложилъ-бы: г. г. Бориневича, Борисова, Василенка Н. П., Осадчаго и Постникова.

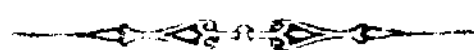
Отдавая въ ваши руки рѣшеніе возбужденныхъ мною вопросовъ, немогу не выразить моего мнѣнія, что вашимъ содѣйствіемъ къ скорѣйшему и цѣлесообразному разрѣшенію поставленныхъ предложеній вы, наши дорогіе кіевскіе гости, сторицею отплатите за это гостепріимство, сослуживъ полезную службу тому самому краю, который нынѣ васъ такъ радушно принимаетъ и который и для меня сталъ роднымъ съ тѣхъ поръ, какъ я отдался служенію его интересамъ и ближе узналъ многихъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, которые въ немъ живутъ и работаютъ на пользу своей родины.

Л. Личковъ.

Отъ редакціи.

Извѣстно, что изложенныя въ докладѣ предложенія были единогласно одобрены многочисленнымъ составомъ подсекціи статистики и переданы, по предложенію докладчика, въ особую коммиссію съ участіемъ въ ней, кромѣ названныхъ имъ лицъ, и нѣкоторыхъ членовъ юго-западнаго отдѣла Географическаго Общества. Коммиссія, высказавшись единогласно за желательность осуществленія обоихъ предложеній докладчика, проектировала возбудить ходатайство объ учрежденіи не Юго-Западнаго, а Южнаго Отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ, въ районѣ дѣятельности котораго входили-бы губерніи малороссійскія, новороссійскія и юго-западныя, каковое предложеніе, одновременно съ представленіемъ на утвержденіе подсекціи статистики, передать и на обсужденіе секціи географіи. Что же касается вопроса о необходимости сплошного статистическаго оцѣночно-экономическаго обслѣдованія края, то въ виду отсутствія у съѣзда права возбуждать непосредственныя ходатайства передъ мѣстными властями, коммиссія предположила ограничиться признаніемъ необходимости такого обслѣдованія въ надеждѣ, что и такое постановленіе подсекціи будетъ уже служить извѣстнымъ толчкомъ къ осуществленію этого въ высшей степени полезнаго и необходимаго начинанія. Подсекція статистики единогласно присоединилась къ заключенію коммиссіи; точно также и секція географіи единогласно признала необходимымъ возбужденіе передъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ ходатайства объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества. Изложенное въ этомъ видѣ ходатайство секціи географіи и подсекціи статистики передано было на разсмотрѣніе распорядительнаго Комитета X съѣзда, перенесшаго это предложеніе на обсужденіе общаго собранія членовъ Съѣзда, гдѣ оно и получило окончательное одобреніе.

КЪ БІОГРАФІИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОСТОМАРОВА.

Въ архивѣ Воронежскаго Окружнаго суда хранится нѣсколько дѣлъ, содержащихъ интересныя свѣдѣнія о семьѣ Костомаровыхъ, особенно о рожденіи и дѣтскихъ годахъ жизни Николая Ивановича:

„О преданіи случая смерти капитана Ивана Костомарова убитаго лошадьми, волѣ Божіей“.

„Объ имѣніи умершаго Ивана Костомарова“.

„О кражѣ у помѣщицы Костомаровой изъ сундука разныхъ вещей и денегъ крестьяниномъ Мельниковымъ“.

„О крестьянахъ Василіѣ Смыкаловѣ съ прочими, судимыхъ за ограбленіе дома помѣщицы Костомаровой“.

Пользуясь любезнымъ содѣйствіемъ предсѣдателя Воронежскаго Окружнаго суда, Ивана Васильевича Денисенка, которому приносимъ искреннюю признательность, мы имѣли возможность извлечь изъ перечисленныхъ дѣлъ все, что представляетъ интересъ для біографіи Н. И. Костомарова, какъ новое, еще неизвѣстное въ печати, такъ и то, что представляетъ документальное подтвержденіе уже извѣстнаго.

Дѣло о смерти отца Николая Ивановича, капитана Ивана Костомарова, уже уничтожено. Въ архивѣ сохранилось, въ особомъ сборникѣ за 1828 годъ, „мнѣніе“ Острогожскаго окружнаго суда, передающее всѣ подробности слѣдствія по этому дѣлу. Приводимъ его дословно.

„1828 года, сентября 15 числа. По Указу Его Императорскаго Величества, Острогожскій уѣздный судъ, слушавъ дѣло, производимое по рапорту Острогожскаго земскаго суда о убитомъ лошадьми Острогожскаго уѣзда помѣщикѣ капитанѣ Иванѣ Костомаровѣ, Приказали: Какъ изъ произведеннаго Острогожскимъ земскимъ судомъ слѣдствія видно, что убитый помѣщикъ Костомаровъ, минувшаго іюля 14 числа, приказалъ кучеру своему Савелію Иванову запречь въ ресорныя дрожки тройку лошадей и когда по приказанію его было исполнено то, онъ, сѣвши, поѣхалъ, по обыкновенію, осматривать лѣса, ему принадлежащіе при слободѣ Юрасовкѣ и, осмотрѣвши, онъ поѣхалъ обратно въ домъ свой въ слободѣ Юрасовкѣ и, проѣхавши съ версту, оный Костомаровъ, вставши съ дрожекъ, пошелъ пѣшкомъ по межѣ, означающей его владѣніе, и лишь только отошелъ шаговъ нѣсколько, то бывшій при немъ кучеръ Ивановъ увидѣлъ выбѣжавшихъ изъ лѣса двухъ волковъ не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги, по которой онъ проѣзжалъ, о которыхъ сказалъ ему Костомарову, который, возвратясь къ дрожкамъ и сѣвши на оныи, посмотрѣвъ на нихъ, удивился величинѣ волковъ тѣхъ, и въ сіе самое время лошади, на которыхъ они ѣхали, начали торопиться. Съѣхавши жъ съ горы въ яръ, именуемый Пушкаревымъ, изъ лошадей тѣхъ правая пристяжная, неизвѣстно отчего, взбрыкнула и заднею лѣвою ногою заступила черезъ пристяжку; и кучеръ Ивановъ, остановя лошадей и, по приказанію господина, слѣзъ съ козелъ и лишь только подошелъ къ той пристяжной лошади сзади, намѣреваясь освободить изъ пристяжки ногу, то въ то самое время лошади всѣ вмѣстѣ бросились въ галопъ по дорогѣ такъ быстро, что Ивановъ не могъ никакъ даже хватиться за дрожки, и понесли господина его, сидящаго въ дрожкахъ, за коими хотя онъ и бѣжалъ, но за быстротою бѣга ихъ, скоро скрылись у него изъ глазъ. Каковой случай видя, Ивановъ, не продолжая никакого поиска, побѣжалъ въ слободу Юрасовку, гдѣ узналъ, что господина его еще не было, почему, осѣдлавши лошадей, вообще съ конюхами Василіемъ Росляковымъ, Владиміромъ

Зайцевымъ и караульнымъ Ляшенковымъ поѣхали отыскивать; и искавши долгое время, наконецъ, изъ числа объясненныхъ искателей Ляшенковъ вскричалъ, что онъ его уже нашелъ близь дороги, на землѣ, но уже мертваго. Лошадей же и дрожки нашли близь рѣчки Ольховатки, завязшими въ трясинѣ въ томъ мѣстѣ. По свидѣтельству жъ земскаго суда и уѣзднаго стряпчаго, на тѣлѣ убитаго Костомарова оказались дѣйствительно во многомъ количествѣ раны и боевые знаки, но чтобы таковая смерть причинена была Костомарову кѣмъ либо умышленно, таковаго по слѣдствію не открыто, да и сомнѣнія никакого не упадаетъ, а посему таковой случай смерти, послѣдовавшій помѣщику Костомарову, по силѣ воинскихъ процессовъ 2-й части, 5 главы, 10-го пункта, предать волѣ Божіей. А дѣло сіе, на основаніи указа Правительствующаго Сената Общаго Собранія, состоявшагося въ 27 день августа 1823 года, 2-ой статьи, отправить купно съ мнѣніемъ и учиненнымъ изъ него экстрактами, а изъ законовъ выпискою на благоусмотрѣніе господина Воронежскаго Гражданскаго Губернатора, при описи и рапортѣ.

Уѣздный Судья... Дворянскій Засѣдатель... Секретарь Андреевъ. Подписанъ 22 сент. 1828 г.

Въ иномъ видѣ является это дѣло въ воспоминаніяхъ Николая Ивановича и его матери, Татьяны Петровны, которые до конца жизни не могли безъ волненія говорить объ этомъ ужасномъ происшествіи. Иванъ Петровичъ Костомаровъ былъ убитъ съ цѣлью ограбленія дворовыми людьми, кучеромъ, камердинеромъ и изгнаннымъ за пьянство лакеемъ, по заранѣе придуманному плану, исполнителемъ котораго былъ кучеръ. „Они составили заговоръ, разсказываетъ Николай Ивановичъ въ своей автобіографіи [1]), убить моего отца съ намѣреніемъ ограбить у него деньги, которыя, какъ они довѣдались, лежали въ шкатулкѣ“. „Злодѣйскій умыселъ крылся нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ убійцы порѣшили исполнить его 14 іюля. Заговорщики,

---

[1]) „Литературн. Наслѣдіе“, стр. 9 и 17.

воспользовавшись общимъ смятеніемъ при извѣстіи о томъ, что барина унесли лошади, достали шкатулку, занесли ее на чердакъ и выбрали изъ нее всѣ деньги, которыхъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, полученныхъ моимъ отцемъ за заложенное имѣніе".

Въ Юрасовкѣ и теперь помнятъ Ивана Петровича Костомарова и его смерть; но по преданію, смерть была вызвана жестокостью помѣщика. Пишущему эти строки приходилось слышать разсказы о звѣрскихъ наказаніяхъ крестьянъ, исполняемыхъ передъ окнами господскаго дома. Здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ стоялъ столбъ, къ которому привязывали несчастныхъ, ожидающихъ кары. Изъ дѣла о раздѣлѣ наслѣдства видно, что, по смерти Ивана Петровича, имѣніе его осталось незаложеннымъ, но это не исключаетъ возможности грабежа въ его домѣ большой суммы. По обычаю того времени, къ помощи сохранной казны (другихъ банковъ тогда не было) прибѣгали въ исключительныхъ случаяхъ, всѣ наличныя деньги хранились дома. Иванъ Петровичъ былъ очень денежнымъ хозяиномъ, и у него могли храниться значительныя сбереженія.

Истинная причина смерти отца Николая Ивановича была обнаружена только въ 1833 году торжественнымъ признаніемъ кучера на могилѣ убитаго имъ господина. Преступники, купившіе неправильное рѣшеніе суда, предавшаго дѣло смерти Ивана Костомарова волѣ Божіей, были осуждены и сосланы въ Сибирь [1]).

По смерти Ивана Петровича Костомарова осталось значительное наслѣдство. Наслѣдниками, кромѣ вдовы его, Татьяны Петровны, матери Николая Ивановича, явились племянники Ивана Петровича, дѣти его сестры, помѣщики Острогожскаго и Коротоякскаго уѣздовъ Ровневы и ихъ сестры. Всѣ они, вмѣстѣ съ Татьяной Петровной, 7 августа, въ общемъ прошеніи ходатайствовали предъ Острогожскимъ земскимъ судомъ о передачѣ имъ, какъ единственнымъ наслѣдникамъ, оставшагося послѣ смерти Ивана Петровича Костомарова имѣнія въ общее управленіе,

---

[1]) Литературн. наслѣд., стр. 17.

впредь до законнаго раздѣла. Земскій судъ, 20 сентября, передалъ имъ это имѣніе въ составѣ „земли и крестьянъ, состоящихъ по 7-ой ревизіи за нимъ, Костомаровымъ, мужескаго пола 304 и женскаго 305 душъ. Кромѣ того, два билета сохранной казны на 75,000 руб. ассигнаціями". Количество земли не было указано, можетъ быть, потому что имѣнія цѣнились тогда главнымъ образомъ по числу душъ крестьянъ; но при возникшемъ между братьями и сестрами Ровневыми спорѣ о наслѣдствѣ, количество земли опредѣлялось разными наслѣдниками въ шесть, шесть съ половиною и даже семь тысячъ десятинъ.

9-го февраля, Татьяна Петровна, вѣроятно, ободряемая совѣтами друзей ея мужа, подала въ Острогожскій уѣздный судъ слѣдующее прошеніе, полное интересныхъ біографическихъ свѣдѣній, относящихся къ рожденію и дѣтству будущаго историка.

„По смерти мужа моего, Острогожскаго уѣзда помѣщика капитана Ивана Петрова сына Костомарова, остался одинадцати-лѣтній сынъ Николай, прижитый имъ со мною еще до бракосочетанія, послѣдовавшаго прошлаго, 1827 года. По обстоятельствамъ, предпринимаемымъ мною на счетъ званія онаго сына нашего Николая, нужно мнѣ свидѣтельство въ томъ: 1) о рожденіи его мною въ 1817 году, мая 4 дня, еще въ бытность мою у него Костомарова въ слободѣ Юрасовкѣ въ малороссійскомъ подданствѣ дѣвицею и числящейся, по ревизіи, въ той слободѣ за нимъ, при семействѣ отца моего Петра Андреева сына Мыльникова, и что оный сынъ мой Николай мною рожденъ въ домѣ его, Костомарова, и крещенъ той же слободы священникомъ Василіемъ Ряполовскимъ. 2) Что я онымъ приходскимъ священникомъ Ряполовскимъ въ той же Юрасовской церквѣ вѣнчана 1817 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и 3) что во время жизни онаго мужа моего, бывавшіе въ домѣ его Острогожскаго жъ уѣзда помѣщики, имѣвшіе съ нимъ дружескую связь, капитанъ Николай, штабсъ-капитанъ Василій и коллежскій регистраторъ Иванъ Рахмины, поручикъ Владиміръ Станкевичъ, да имѣющіе въ той слободѣ Юрасовкѣ свое помѣстіе и живущіе въ оной, родственники покойнаго мужа моего поручикъ Николай и подпоручика

вдова Прасковья Чехурскіе, онаго сына Николая видали и достовѣрно извѣстны о томъ, что покойный мужъ мой онаго сына нашего Николая, всегда имѣя при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію мужа моего соотвѣтственные, и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ, въ каковомъ качествѣ и оные господа Рахмины, Станкевичъ и Чехурскіе его признавали; и изъ нихъ нѣкоторыхъ, а можетъ быть и всѣмъ имъ, не говорилъ ли онъ, что намѣренъ просить о усыновленіи его. По сему Всеподданнѣйше прошу, дабы высочайшимъ Вашего Имп. Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и о прописываемыхъ мною обстоятельствахъ, о рожденіи и крещеніи помянутаго сына моего Николая, равно о бракосочетаніи моемъ съ означеннымъ мужемъ моимъ, чрезъ Воронежскую Духовную Консисторію, по метрическимъ книгамъ учинить справку, а отъ помѣщиковъ Рахминыхъ, Станкевича и Чехурскаго о изъясняемомъ мною выше сего, до ихъ принадлежащемъ, черезъ коего слѣдуетъ, отобрать, на законномъ основаніи, подъ присягою, показанія и съ оныхъ, равно и съ справки, выдать мнѣ за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати свидѣтельство, о чемъ учинитъ, какъ Вашего Императорскаго Величества законы повелѣваютъ".

Намѣреніе добиваться усыновленія Николая Ивановича, угрожающее племянникамъ его отца, Ровневымъ, потерею наслѣдства, вызвано со стороны ихъ противодѣйствіе. Оно началось протестами, сначала довольно сдержанными, но затѣмъ, когда судъ принялъ прошеніе къ разсмотрѣнію и постановилъ собрать справки, о которыхъ ходатайствовала Татьяна Петровна, наслѣдники дошли до такой ярости, что въ офиціальныхъ бумагахъ отрицали самый фактъ вѣнчаніи Татьяны Петровны съ Ив. Петр. Костомаровымъ и рожденіе отъ него сына, забрасывали клеветой и всевозможной грязью не только Татьяну Петровну, но по нравамъ того времени, ея отца и весь родъ.

Судъ собралъ метрическія справки о бракѣ Татьяны Петровны и рожденіи ея сына и свидѣтельства о нахожденіи этого

сына, малолѣтняго Николая, въ домѣ его отца. Всѣ эти справки подтверждаютъ показаніе Татьяны Петровны, но въ выдачѣ ей этихъ справокъ судъ отказалъ. Ниже приведены дословно постановленіе суда по этому предмету и три данныхъ подъ присягою заявленія о положеніи сына Татьяны Петровны въ домѣ ея отца.

Съ отказомъ суда въ выдачѣ справокъ, рушилась на первыхъ шагахъ надежда на усыновленіе Николая Ивановича, за то снова наладилось дѣло о раздѣлѣ наслѣдства. Мѣсяцъ спустя, въ судѣ снова появилось коллектильное прошеніе сонаслѣдниковъ, съ Татьяной Петровной въ ихъ числѣ, въ которомъ говорилось, между прочимъ: „я, Ровневъ, заведенное по оному моему прошенію дѣло о бракѣ навсегда оставляю и предаю забвенію съ тѣмъ, что за симъ мы, Ровневъ и Костомарова, другъ на друга никакихъ прошеній по сей части, имѣть не будемъ". Вслѣдствіе спора по наслѣдству между Ровневыми окончательный раздѣлъ затянулся до 1832 года. Татьянѣ Петровнѣ по раздѣлу достался билетъ сохранной казны въ 50000 р. ассигнаціями.

Дѣла о кражѣ и грабежѣ въ домѣ Татьяны Петровны Костомаровой не лишены интересы съ бытовой стороны, но они ничего не даютъ для біографіи Николая Ивановича. По смерти отца, Николай Ивановичъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ и потомъ въ гимназію въ Воронежѣ. Грабежъ, случившійся въ его отсутствіи и отразившійся исключительно на семьѣ отца Татьяны Петровны, которая, какъ видно изъ дѣла, жила въ его домѣ, не произвелъ особаго впечатлѣнія на Николая Ивановича. Домъ, гдѣ произошелъ грабежъ, Николай Ив. называетъ своимъ [1]).

„1829-го года, сентября 21 дня. По Указу Е. И. В. Острогожскій уѣздный судъ, слушавъ дѣло, производимое по прошенію вдовы капитана Татьяны Костомаровой о собраніи разныхъ справокъ въ обстоятельствахъ, прописанныхъ въ ея прошеніи

---

[1]) Литерат. наслѣдіе, стр. 17.

о прижитомъ ею съ тѣмъ мужемъ ея Костомаровой еще до законнаго брака сынѣ Николаѣ и о прочемъ, приказали: хотя означенная Костомарова прошеніемъ, поданнымъ въ сей судъ сего года февраля 9-го числа, и проситъ о рожденіи и крещеніи онаго сына ея Николая откуда слѣдуетъ вынести справку, а точно отъ помѣщиковъ капитана Николая, штабсъ-капитана Василіы и коллежскаго регестратора Ивана Рахминыхъ, поручика Владиміра Станкевича, поручика Николая и подпорудчицы вдовы Прасковьи Чехурскихъ отобрать подъ присягою показанія въ томъ, что они сына ея Николая видѣли и достовѣрно извѣстны о томъ, что покойный мужъ ея онаго Николая, всегда имѣя при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію мужа ея соотвѣтственныя, и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ; равно и въ томъ, не говорилъ ли имъ покойный мужъ ея, что онъ намѣренъ просить о усыновленіи его—и по собраніи тѣхъ справокъ выдать ей, за свидѣтельствомъ сего суда, копію. Вслѣдствіе каковаго прошенія хотя симъ судомъ выше сего означенныя справки и собраны, но какъ сей судъ при ея прошеніи видитъ, что она, Костомарова, имѣетъ намѣреніе объ усыновленіи онаго, незаконно прижитаго ею съ покойнымъ г. Костомаровымъ сына просьбою своею утруждать правительство, или, можетъ быть, и самаго Государя Императора, на тотъ конецъ, дабы онъ чрезъ таковой ея Костомаровой, оборотъ могъ воспользоваться всѣмъ оставшимся по смерти Костомарова имѣніемъ, въ Высочайшемъ повелѣніи, изданнымъ во 2-ой день января 1829 года изображено: „что прошенія, какъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ воспитанниковъ, такъ и о сопричтеніи къ законнымъ дѣдей, рожденныхъ до брака, въ Коммисію Прошеніи поступающія, никакого хода получать не будутъ и будутъ оставляемы безъ уваженія“, а по сему самому узаконенію сей судъ просительницы Костомаровой въ просимомъ удовлетвореніи сдѣлать не можетъ, а полагаетъ въ томъ ей отказать“.

„1829 года, марта 16 дня Острогожскаго земскаго суда г-ну дворянскому засѣдателю и кавалеру Батовскому Острогожскаго уѣзда помѣщикъ, поручикъ Владиміръ Ивановъ Станкевичъ, по долгу присяги, далъ сіе показаніе въ томъ, что когда мнѣ случалось быть въ домѣ покойнаго капитана Ивана Петрова сына Костомарова, то не рѣдко слыхалъ отъ него, что онъ имѣетъ у себя сына Николая, что любитъ его и желалъ бы просить Государя Императора, по женитьбѣ на его матери, о усыновленіи. Изъясняя же, прибавлялъ, что дитя его достойно званія дворянина и что ему прискорбно будетъ, если онъ не успѣетъ въ утвержденіи его въ дворянствѣ и унаслѣдить, при чемъ всегда плакалъ. Я ему предлагалъ, что не женившись, невозможно проситъ Государя о признаніы рожденнаго отъ него, какъ онъ тогда говорилъ, и бывшей тогда дѣвицы Татьяны Петровой дочери сына его Николая, на что онъ отвѣчалъ: что онъ непремѣнно намѣренъ на ней жениться и тогда уже будетъ просить Государя Императора о утвержденіи его сына, какъ онъ именовалъ, Николая въ дворянствѣ и наслѣдственномъ правѣ".

„1829 года, марта 16 дня, Острогожскаго уѣзднаго суда г-ну дворянскому засѣдателю Батовскому, Острогожскаго уѣзда помѣщики—капитанъ Николай и коллежскій регистраторъ Иванъ Федоровы сыны Рахмины, по приводѣ къ присягѣ, дали сіе показаніе въ томъ, что здѣшняго уѣзда нынѣ уже покойный помѣщикъ капитаыъ Иванъ Петровъ Костомаровъ, рожденною въ въ домѣ его до брака отъ жены его, въ бытность еще холостымъ, а жены, Татьяны Петровой дочери, дѣвицею, сына Николая, дѣйствительно всегда имѣлъ при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію его, Костомарова, соотвѣтственныя и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ; и послѣ бракосочетанія уже его съ оною дѣвицею Татьяною, всегда во время бытности нашей въ домѣ его, говорилъ онъ, Костомаровъ, объ ономъ сынѣ своемъ и признавалъ его собственнымъ, изображалъ въ немъ сходства

черты лица своего, требовалъ отъ насъ совѣтовъ и предполагалъ непремѣнное намѣреніе утруждать прозьбою Государя Императора о усыновленіи его Николая. И даже при таковыхъ его разговорахъ и чувствительности, какъ смертный человѣкъ, опасаясь въ кратковременной сей жизни, чтобы, безъ окончанія своего намѣренія, не подвергнуть, по неусыновленіи, сына своего къ худымъ послѣдствіямъ лишеніемъ быть ему полнымъ наслѣдникомъ имѣній, произносилъ таковыя слова, по любви къ своему сыну, даже со слезами".

„1829 года, февраля... дня, Острогожскаго уѣзднаго суда дворянскому засѣдателю маіору и кавалеру Батовскому Острогожскдго уѣзда помѣщики штабсъ-капитанъ Василій Федоровъ Рахминъ,, вслѣдствіе объявленнаго вами мнѣ Острогожскаго уѣзда суда земскому суду за № 451, указа, послѣдовавшаго по прошенію помѣщицы вдоды капитанской жены Татьяны Костомаровой, въ чемъ слѣдуетъ, по приводѣ къ присягѣ, даю сіе показаніе въ томъ, что здѣшняго уѣзда, нынѣ уже покойный помѣщикъ, капитанъ Иванъ Петровъ сынъ Костомаровъ, рожденнаго въ домѣ его до брака, отъ жены его, въ бытность еще холостымъ, и съ дѣвицею, сына Николая, дѣйствительно всегда имѣлъ при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію его, г. Костомарова, соотвѣтственныя, и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ и въ каковомъ качествѣ и я онаго сына Николая, видя въ домѣ его господина Костомарова, признавалъ. И когда случалось мнѣ бывать въ домѣ его Костомарова, то въ первый случай пріѣзда моего къ нему, въ то время, когда уже оный сынъ его Николай началъ ходить, онъ, Костомаровъ, выводилъ его ко мнѣ и рекомендовалъ его мнѣ, называя его собственнымъ своимъ сыномъ, что, безъ сомнѣнія, служитъ удостовѣреніемъ и то, что оный сынъ его Николай во всемъ имѣетъ сходственныя черты лица его, Костомарова. Сверхъ того неоднократно слыхалъ я отъ него и то, что онъ, Костомаровъ непремѣнное имѣлъ желаніе просить о

усыновленіи онаго своего сына Николая, такъ какъ онъ есть его сынъ и какъ до брака его и послѣ онаго отъ оной жены его Татьяны Петровой дочери, дѣтей уже не было и во всемъ мною сказанномъ, какъ по долгу и чистой совѣсти симъ удостовѣряю".

Попытка Татьяны Петровны усыновить Николая Ивановича, уже по смерти его отца, указываетъ, что послѣдній не успѣлъ или не смогъ исполнить свое, какъ видно, задушевное желаніе. Что касается фамиліи Костомарова, то таковая Николаю Ивановичу, какъ незаконнорожденному, легко могла быть присвоена простою записью въ метрикѣ. Несомнѣнно, что этимъ путемъ онъ и получилъ свою фамилію, и конечно по волѣ его отца, и такъ какъ у Ивана Петровича Костомарова родственниковъ, носящихъ его фамилію, не было, то никакихъ препятствій къ исполненію воли этого сильнаго и богатаго барина не могло встрѣтиться. Въ трагическомъ положеніи остался Николай Ивановичъ по смерти своего отца: какъ рожденный отъ крѣпостной, онъ, даже и послѣ вступленія его матери въ бракъ съ Ив. Петр. Костомаровымъ, долженъ былъ остаться его крѣпостнымъ. Фиктивное право при жизни отца стало весьма реальнымъ послѣ его смерти, такъ какъ Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ отца долженъ былъ поступить въ крѣпостное владѣніе наслѣдниковъ Ивана Петровича, Ровневыхъ. Такъ это дѣйствительно и случилось. Татьяна Петровна разсказывала намъ о своемъ ужасѣ, пережитомъ ею во время озлобленія Ровневыхъ, вызваннаго ея попыткою усыновить Николая Ивановича, такъ какъ это усыновленіе угрожало Ровневымъ потерею большого наслѣдства. Когда улеглась буря, Татьянѣ Петровнѣ удалось устроить такъ, что Николай Ивановичъ былъ причисленъ къ ея части наслѣдства и сталъ, такимъ образомъ, крѣпостнымъ своей матери!..

Николай Ивановичъ объ этихъ сторонахъ своего дѣтства не любилъ говорить; обошелъ онъ ихъ и въ свой автобіографіи...

Григ. Вашкевичъ.

ПАМЯТИ
М. А. Максимовича.

I.

Отъ редакціи.

10 ноября этого года истекаетъ 25 лѣтъ со дня смерти одного изъ дорогихъ для Украины ея дѣятелей на полѣ общественно-научномъ—*Михаила Александровича Максимовича,* очень быстро и рѣзко поднявшагося въ началѣ 30-хъ годовъ на высоту положенія перваго ректора Кіевскаго университета, но затѣмъ такъ-же быстро, вслѣдствіе болѣзни, сошедшаго со сцены оффиціальнаго представительства и большую часть своей сознательной жизни прожившаго потомъ, главнымъ образомъ, въ уединенной тиши своего Михайлогорскаго хутора (въ золотонош. уѣз., полтав. губ.). Но если тихо и незамѣтно для внѣшнихъ эффектовъ прошли 30 съ лишнимъ лѣтъ второй половины его жизни, то далеко не безслѣдными остались эти годы, равно какъ и вся его жизнь, для культурныхъ задачъ нашей родины, обязанной на страницахъ своей исторіи записать имя его крупными буквами. Говорить теперь въ общихъ чертахъ о значеніи учено-литературной дѣятельности М. А. Максимовича для нашего южно-русскаго просвѣщенія—это значило-бы повторять то, что

многократно было указано уже въ печати, какъ по поводу празднованія въ 1871 году его пятидесятилѣтняго научнаго труда, такъ и по поводу его смерти въ 1873 году. Дать обстоятельную біографію его, которая дополнила-бы обнародованные уже факты—это въ настоящее время непосильный трудъ, т. к. слишкомъ мало опубликовано еще писемъ его къ разнымъ лицамъ, слишкомъ мало свѣдѣній собрано пока объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ его жизни. Наконецъ, заняться оцѣнкой его выдающейся личности, какъ представителя опредѣленныхъ общественныхъ воззрѣній, съ обозначившимися его идеалами и стремленіями—это значило-бы ступить на ту стезю, на которой легче всего впадать въ ошибки, при отсутствіи вышеуказанныхъ біографическихъ справокъ, или-же, въ силу разныхъ обстоятельствъ, оказаться въ водоворотѣ многочисленныхъ недоговорокъ, которыми всегда такъ полны бываютъ характеристики лицъ, близкихъ къ намъ по времени и обстоятельствамъ. Между тѣмъ, извѣстные до сихъ поръ факты изъ его оффиціальной, такъ сказать, жизни не разъ давали уже матеріалъ для оцѣнки его общественныхъ идеаловъ далеко, какъ намъ кажется, не въ томъ освѣщеніи, которое можно было-бы придать имъ, ближе и глубже вглядѣвшись въ разныя условія его многотруднаго положенія въ жизни. Не говоря, напримѣръ, о своебразной характеристикѣ его въ статьяхъ *Де-Пуле* (Русскій Вѣстн. 1881 г.), по-своему расхваливавшаго Максимовича за его направленіе; не касаясь оцѣнки, данной ему въ „Запискахъ К. Полевого (СПБ. 1888 г.), очень враждебно отнесшагося къ нему по поводу начальной его литературной дѣятельности,—мы укажемъ на тотъ капитальный трудъ (А. Н. Пыпинъ, Истор. Рус. Этногр., т. 3-й), въ которомъ почтенный ученый, давая совершенно безпристрастную оцѣнку общественнымъ воззрѣніямъ Максимовича, скорѣе готовъ признать въ немъ одного изъ выразителей принципа „оффиціальной народности“, такъ широко охватившаго умы русскихъ людей въ 30-е и 40 е годы, чѣмъ истиннаго представителя національной идеи. Правда, А. Пыпинъ дѣлаетъ очень важную оговорку, что „совпадая съ оффиціальной народностью,

Максимовичъ съ другой стороны остается, кажется, совершенно свободенъ отъ тѣхъ непривлекательныхъ свойствъ, какими отличались обыкновенно, почти всегда, сторонники ея въ литературѣ". Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что если судить по извѣстнымъ пока фактамъ изъ его оффиціально составленныхъ біографій или по даннымъ ему характеристикамъ этими біографами, то придется сдѣлать именно такой выводъ; но для правильной оцѣнки и освѣщенія нравственнаго и умственнаго облика лица, такихъ данныхъ, какъ извѣстно, далеко не достаточно: нужно всегда считаться съ обстоятельствами, въ которыхъ вращалась извѣстная личность, и быть ознакомленнымъ съ тѣми, иногда въ публику и не выступавшими, настроеніями, какія переживались ею. Въ данномъ случаѣ, первое еще не особенно выяснено, а второе, можетъ быть, хранится въ личныхъ воспоминаніяхъ людей, знавшихъ Максимовича въ частной жизни, или въ тѣхъ мелкихъ фактахъ, которые еще не обнародованы.

Вотъ тѣ причины, которыя заставляютъ насъ, отводя въ данномъ номерѣ нашего журнала значительное мѣсто матеріаламъ, соединеннымъ съ памятью о М. А. Максимовичѣ, воздержаться пока отъ помѣщенія статей о немъ, касающихся общей оцѣнки его общественной дѣятельности, и ограничиться напечатаніемъ двухъ статей, принадлежащихъ его перу и неизвѣстныхъ въ печати, а также ряда его писемъ и прошеній, сохранившихся въ черновикахъ его бумагъ, къ лицамъ высокопоставленнымъ. Письма эти на первый взглядъ могутъ произвести, во многихъ случаяхъ, не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, какъ-бы свидѣтельствуя о его назойливой заботливости о своемъ матеріальномъ благополучіи, но на дѣлѣ они только показываютъ, какъ тяжело сложились личныя обстоятельства жизни того человѣка, которому, судя по его таланту и настроенію, должны-бы достаться въ удѣлъ наилучшія условія для удобствъ спокойной кабинетной работы ученаго, а между тѣмъ онъ въ теченіе 30 съ лишнимъ лѣтъ принужденъ изо дня въ день думать о томъ, какъ-бы найти себѣ способъ заработка. Вотъ эту страничку изъ его жизни, могущую подать поводъ къ отрица-

тельной характеристикѣ его личности, пишущій эти строки позволитъ себѣ освѣтить въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ къ печатаемымъ письмамъ, т. к. ему удалось быть близкимъ свидѣтелемъ послѣднихъ годовъ жизни Максимовича (съ 1869 по 1873 г.) и воочію убѣдиться въ томъ, былъ-ли въ дѣйствительности этотъ человѣкъ искателемъ матеріальныхъ благъ жизни. Сверхъ этихъ матеріаловъ, мы помѣщаемъ въ отдѣлѣ „Извѣстій и замѣтокъ“ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній Максимовича, у насъ имѣющихся въ автографахъ.

Пусть то немногое, что дается нами въ этой книжкѣ журнала, какъ посвященное памяти М. А. Максимовича, съ одной стороны, дополнитъ многочисленный рядъ извѣстныхъ въ печати статей того человѣка, каждая строчка писаній котораго не должна непогибнуть для науки, а съ другой—вызоветъ на свѣтъ тѣ несомнѣнно имѣющіеся у разныхъ лицъ матеріалы, которые, то въ видѣ писемъ, то въ формѣ воспоминаній, послужатъ для цѣлей составленія возможно болѣе полной біографической характеристики одного изъ славныхъ сыновъ нашей родины.

II.

Споръ о вѣщемъ Боянѣ[1].

(*Посвящается С. Т. Аксакову*).

Статья первая.

„О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты арфой ополченный
Леталъ предъ строями Славянъ,
И гимнъ гремѣлъ священный...“

Такъ вспомянулъ *вѣщаго Бояна*, въ 1812 году, нашъ достопамятный ратникъ-поэтъ *Жуковскій*, въ своемъ „пѣвцѣ во станѣ Русскихъ воиновъ“—вознеся

„Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!“

---

[1]) Извѣстно, какъ много сдѣлано М. А. Максимовичемъ по вопросу о разработкѣ «Слова о Полку Игоревѣ», которымъ онъ началъ заниматься еще будучи въ Москвѣ, напечатавъ въ 1833 году свой отзывъ о переводѣ этого памятника на русскій языкъ А. Вельтманомъ. Сдѣлавшись затѣмъ присяжнымъ словесникомъ, въ качествѣ профессора въ Кіевѣ, Максимовичъ, кромѣ университетскихъ лекцій, не разъ выступалъ въ печати то съ изслѣдованіями этого памятника, то съ изданіями его для слушателей, то съ переводомъ на русскій и малорусскій языки. Одна изъ такихъ его статей, подъ заглавіемъ «Споръ о вѣщемъ Боянѣ» предназначалась къ напечатанію въ Рус-

А незабвенный *Дашковъ* сказалъ, въ примѣчаніяхъ, что „авторъ соглашается здѣсь съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, пріемлющихъ Бояна за великаго стихотворца, который процвѣталъ во мрачныя времена исторіи нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждалъ пѣснями своими мужество славянскихъ воиновъ". Такъ представляли въ тѣ поры *Бояна*, узнаннаго изъ Игоревой пѣсни, изданной впервые 1800 года; его относили къ вѣку до-христіанскому, ко времени Олега вѣщаго или Святослава *Хоробраго* (какъ названъ сей князь въ лѣтописи Волынской)... И еще въ 1824 году молодой *Языковъ*, въ сложенной имъ „Пѣсни Бояна" пѣлъ отъ его имени:

„Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды,
Рукой и сердцемъ Славянинъ,
Я наши стану пѣть побѣды,
И смѣлость князя и дружинъ!

скомъ Вѣстникѣ 1856 г., какъ видно изъ приписки въ рукописи, сохранившейся у насъ въ автографѣ и неизвѣстно почему очутившейся не въ портфелѣ редакціи Русскаго Вѣстника, а въ бумагахъ самого автора. Посылалась-ли она въ редакцію и почему-нибудь не была напечатана, вслѣдствіе чего и возвращена автору, или просто осталась у него,—намъ неизвѣстно. Считаемъ, что очень обстоятельныя мнѣнія Максимовича о пѣвцѣ Боянѣ, хотя теперь уже, конечно и устарѣвшія, не будутъ лишними къ опубликованію, если не въ смыслѣ значенія ихъ для современной науки, то во всякомъ случаѣ для исторіи вопроса.

Приписка Максимовича къ этой рукописи слѣдующая:

«Прошу извинить меня, что опоздалъ окончаніемъ статьи моей (первая половина отдѣльно): *пидскочила* нежданно другая спѣшная работа, а къ тому припала болѣзненная лежка въ продолженіе двухъ недѣль... Если мой «Споръ о Боянѣ» угодно будетъ Вамъ помѣстить въ Вашемъ Вѣстникѣ (котораго двѣ первыя книжки имѣю уже наслажденіе читать съ приговоркою «что въ ротъ, то спасибо»), то прошу Васъ покорно оттиснуть сотнягу экземпляровъ особо съ посвященіемъ достočтимому моему Сергѣю Тимофѣевичу. Извините еще за посылку въ черновомъ спискѣ: перебѣлить самъ не въ силахъ, а писца не имамъ». *Ред.*

И твой Боянъ, пируя славу,
Подъ мѣдью латъ дыша тобой,
Самъ повторю я *Святославу*,
Что пѣлъ Сіанѣ молодой".

Первые издатели Игоревой пѣсни—графъ *Мусинъ-Пушкинъ*, *Бантышъ-Каменскій* и *Малиновскій*—въ своемъ примѣчаніи о *Боянѣ*, сказали: „когда и при какомъ государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать нельзя". (стр. 2) Причиною тому была сколько новость извѣстія о Боянѣ, открытомъ ими въ Игоревой Пѣсни, столько и ихъ собственное недоразумѣніе—о пусканьи 10 ти соколовъ, упоминаемомъ въ началѣ Пѣсни. Тутъ, въ роскошно поэтическомъ изображеніи *Пѣснотворенія* Боянова, *десятью соколами* означены аллегорически *десять перстовъ* его а стадомъ *лебедей*—рядъ живыхъ *струнъ*, которыя—когда налетали на нихъ персты, соколы, *сами рокотали славу князьямъ*!..Но объ этомъ значеніи десяти соколовъ и стада лебедей у пѣвца Игорева—догадался уже *Граматинъ*, котораго изданіе Игоревой Пѣсни въ 1823 году, по счету четвертое, составляетъ эпоху въ исторіи литературы этого драгоцѣннаго памятника древнерусской словесности. А первые издатели, въ аллегорическомъ изображеніи игры Бояновой на гусляхъ десятью перстами, предположили какой-то древній обычай русскихъ стихотворцевъ пѣть по жеребью, пуская сперва десять соколовъ на стадо лебедей... Но такому обычаю и доселѣ не нашлось оправданія ни въ другихъ древне-письменныхъ свидѣтельствахъ, ни въ преданіяхъ народныхъ; а для вывода его изъ Игоревой Пѣсни надо было такъ переиначить смыслъ ея словъ („помняшеть бо рѣчь..."), какъ они переиначены въ первоначальномъ и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ переводахъ Пѣсни!...

Въ началѣ Пѣсни сказано о *замышленіи* Бояновомъ: „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы". Такъ, по представленію Игорева пѣвца, настроялся и вдохновлялся вѣщій Боянъ на пѣснотвореніе свободнымъ пареніемъ думы своей по простору земному и поднебесному.

Это прекрасное и глубоко-вѣрное изображеніе *замышленія* пѣснотворческаго повторяется въ Игоревой Пѣсни еще разъ, когда пѣвецъ обращается къ своему вдохновителю, словами: „О Бояне, соловію старого времени!..“

Сличивъ эту вторую картину замышленія Боянова съ первою, мы находимъ въ ней тѣ же три полета,—по древу, по землѣ и подъ облаками, но здѣсь, во второй картинѣ, какъ мнѣ кажется, „летая *умомъ* подъ облакы“, поставлено опискою—вмѣсто „летая *орломъ* подъ облакы“; а въ словахъ „рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы“ — подразумѣвается или пропущено — „рища *влъкомъ*...“.

Въ началѣ Пѣсни, вслѣдъ за очеркомъ *замышленія* Боянова, изображено самое *пѣснопѣніе* его о князьяхъ, сопровождавшееся игрою десяти перстовъ-соколовъ на живыхъ струнахъ, лебедяхъ его гуслей.—„Помняшеть бо рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедій: который дотечяше, та преди пѣснь пояше—старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъкы Касожьскыми, красному Роману Святъславличю».—Тутъ глаголы *помняшеть, пущашеть*, какъ и предыдущіе *хотяше, растекашеться*, всѣ равно въ 3 лицѣ единственнаго числа, и всѣ относятся, очевидно, *къ Бояну*. Вспоминалъ онъ сказанье первоначальныхъ временъ объ усобицѣ и пускалъ тогда десять соколовъ на стадо лебедей... Слѣдующія затѣмъ слова „*который* дотечяше, *та* преди пѣснь пояше“ и у Граматина были истолкованы невѣрно: относя глаголъ *пояше* къ Бояну, онъ принялъ здѣсь мѣстоименье *та* относящимся къ *пѣснь* и поставленнымъ въ именительномъ падежѣ, (та пѣснь) вмѣсто винительнаго (ту пѣснь),—и перевелъ онъ такъ: „*который* соколъ долеталъ, *ту* напередъ пѣсню *онъ* (Боянъ) пѣлъ“. Граматинъ пояснялъ (въ прим. 14), что пѣвецъ продолжаетъ здѣсь свою аллегорію, но соколъ означаетъ здѣсь не *перстъ*, а *сказанье*: которое сказанье вспоминалъ Боянъ, ту напередъ пѣсню онъ пѣлъ—*Ярославу*, или *Мстиславу*, или *Роману*... Что Боянъ пѣлъ объ этихъ *трехъ князьяхъ*, это открытіе Граматина весьма важное; но выше приведенное его объясненіе словъ „та преди пѣснь пояше“—невѣрно; въ картинѣ пѣвца бы-

ла-бы тогда художественная невѣрность и невыдержанность, чего на самомъ дѣлѣ въ ней нѣтъ. Какъ мѣстоименье мужескаго рода *который*—съ глаголомъ *дотечяше* относится къ *соколу*, такъ мѣстоименье женскаго рода *та* съ глаголомъ *пояше* относится къ *лебеди*: *который* изъ десяти соколовъ прежде другихъ налеталъ на лебедь, *та* лебедь первая и пѣснь начинала про Ярослава, или Мстислава, или Романа... Такъ я понимаю эти слова; и въ переводѣ, мною изданномъ 1837 года, поставлено было: „который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ...“ А что имя *лебедь* было употребительно и по южно-русски въ женскомъ родѣ, въ свидѣтельство тому приведу отрывокъ изъ украинской думы XVII вѣка:

„Не ясенъ соколъ на долинѣ по табору гуляе,
Не *бѣлая лебедь спѣвае*;
Полковникъ Хвилоненко похожае,
Словами промовляе“.

Здѣсь, въ оборотѣ *уподобленія отрицательнаго*, походка Корсунскаго козацкаго полковника означена ходомъ яснаго сокола; а его рѣчь къ товариству—пѣніемъ бѣлой лебеди. Подобно тому, у пѣвца Игорева быстрое паденіе Бояновыхъ перстовъ на струны означено налёгомъ десяти соколовъ на стадо лебедей; а звонъ живыхъ струнъ его—пѣніемъ лебединымъ. Пѣвецъ самъ объясняетъ свою аллегорію—второю половиною картины, своей: „Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедій пущаше; въ своя вѣщія пръсты на живая струны въскладаше: они же сами княземъ славу рокотаху“. Здѣсь уже сказано вообще—*княземъ*; въ первой же половинѣ картины поименованы братья *Ярославъ* и *Мстиславъ*, бывшіе въ усобицѣ до 1026 года (съ котораго они „начаста жити мирно и въ братолюбьствѣ, и уста усобиця и мятежь, и бысть тишина велика въ земли“) названъ еще и князь *Романъ*, внукъ Ярославовъ, бывшій въ усобицѣ съ дядею своимъ Всеволодомъ Ярославичемъ и убитый 1079 года союзниками его половцами и козарами поточившими и брата его *Олега* за море къ Царюграду...). Вотъ *три* князя, про которыхъ мы узнаемъ изъ Игоревой Пѣсни, что

объ нихъ пѣлъ Боянъ по сказанью или преданью прежнихъ временъ объ усобицѣ. И такъ, все бывшее до смерти Романа въ 1079 году было для Бояна уже прошедшимъ; слѣдственно, онъ жилъ и пѣлъ позднѣе *1080* года.—Вотъ первый выводъ для опредѣленія *когда* жилъ Боянъ!—

Далѣе, въ Игоревой Пѣсни вслѣдъ за обращеніемъ пѣвца къ Бояну приводятся слова его: „Не буря соколы занесе", передъ которыми сказано: „пѣти было пѣснь Игореви, того (Олга) внуку". Изъ этого ясно, что то слова, которыя пѣлъ Боянъ дѣду Игореву—*Олегу Святославичу*, Романову брату, воротившемуся изъ Греціи въ Тмуторокань 1083 года и скончавшемуся *1115* года.—Кромѣ того, у пѣвца Игорева его пѣснь о Всеславѣ Полоцкомъ повершается *припѣвкою* Бояновою, очевидно на смерть Всеслава, скончавшагося 1101-го года (а по изслѣдованіямъ Погодина, *1098*-го). Отсюда становится вѣроятнымъ, что Боянъ, пѣвшій по *преданію* о томъ, что было до *1080* года, могъ пѣть объ *Олегѣ* и *Всеславѣ*, какъ *современникъ* сихъ двухъ князей—т. е. между 1080 и 1115 годами. Болѣе этого нельзя приближать Бояна къ пѣвцу Игореву, который въ *1185* году величалъ его „соловьемъ стараго времени"; а старое время у пѣвца Игорева было еще время Олегово и Всеславово, какъ видно изъ того, что, помянувъ Всеслава припѣвкою Бояновою, онъ воскликнулъ тогдашнимъ стономъ Руси: „о, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей", и эту *пръвую годину* начинаетъ онъ отъ великаго представителя первоначальной Руской земли—*стараго Владимира*,—котораго „нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ кыевьскымъ".

Вотъ всѣ выраженія Игоревой Пѣсни, соображеніемъ которыхъ мы опредѣляемъ, что Боянъ былъ *современникъ* преподобнаго Лѣтописца Печерскаго *Нестора*. А время, о которомъ пѣвецъ *нынѣшняго* Игоря говоритъ *сіе время*, вспоминая и побѣду Святослава Всеволодовича надъ Кобякомъ за Орелью *1184* года, и побѣду Всеволода Юрьевича на Волгѣ надъ Болгарами того-же года, *сіе время*, конечно, не переходитъ далѣе *1186* года, въ которомъ Игорь, вернувшійся на Русь изъ плѣна половец-

каго, посѣтилъ Кіевъ; и все, о чемъ говорится въ пѣсни, по моему мнѣнію, должно быть не позднѣе этого *1186* года, хотя лѣтописанье и умолчало о нѣкоторыхъ событіяхъ, вспоминаемыхъ въ Пѣсни, напримѣръ о подвигахъ Романа Мстиславича на его Волынскомъ княженіи, до *1186* года.—Въ *сіе время* пѣвецъ Игоря могъ уже современнаго *Бояна* называть „соловьемъ стараго времени“, какъ у Пушкина и его современниковъ могъ называться тѣмъ же именемъ пѣвецъ Елисаветина вѣка—вѣщій *Ломоносовъ*.—

Первые издатели Пѣсни, предположивъ древній обрядъ пусканья десяти соколовъ, примѣняя его къ словамъ пѣвца о Боянѣ: „помняшеть бо рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечяше, та преди пѣснь пояше...“, перевели ихъ такъ: „*памятно намъ* по древнимъ преданьямъ, что, повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущенныхъ: *чей* соколъ скорѣе долеталъ, *тому* прежде и пѣснь начиналась...“ Тутъ совершенно переиначилась рѣчь пѣвца Игорева; однако древній обрядъ соколопусканья, придуманный первыми издателями, очень понравился послѣдующимъ коментаторамъ, и пошли толки о томъ, *чей* соколъ скорѣе долеталъ. *Шишковъ* полагалъ, что этотъ обрядъ велся между самими князьями, что „*можетъ быть* отличившіеся въ сраженіяхъ князья и полководцы, состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле каждый съ своимъ соколомъ, и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ, что *чей* соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, *тому* прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества надъ прочими. Весьма вѣроятно также, что для вящей важности таковыхъ почестей и отличій, число состязавшихся опредѣлено было не болѣе *десяти* самыхъ знаменитѣйшихъ мужей“.

Шишкову казалось *весьма вѣроятнымъ* ограниченье *десятью* числа состязавшихся знаменитѣйшихъ мужей; между тѣмъ какъ говорилъ онъ, что въ *уподобленіяхъ* не нужно опредѣлять такого числа соколовъ... а оно именно и опредѣлено числомъ *десяти перстовъ* Бояновыхъ, уподобленныхъ соколамъ!... *По-*

жарскій, въ своемъ изданіи Пѣсни (1819 г.) возразилъ Шишкову тѣмъ, что несогласно съ истиною, чтобы князья „первенство свое, кровью пріобрѣтенное, могли еще доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ Русскому князю, для пріобрѣтенія славы и первенства надъ прочими, не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ, а стараться-бы только имѣть удалого сокола". Самъ же Пожарскій перевелъ спорныя слова Пѣсни такъ: „*памятна* рѣчь первыхъ временъ о брани; тогда *пускали* 10 соколовъ на стадо лебедей; *чей* соколъ долеталъ, *тотъ* прежде пѣснь воспѣвалъ..." По его мнѣнію не князья, но стихотворцы пускали десять соколовъ, а „причиною такого древняго обряда была *можетъ быть* скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами."

Послѣ Граматина этотъ обрядъ соколопусканія былъ уже почти оставленъ коментаторами и переводчиками Пѣсни! Но Шевыревъ, въ своей 10-й замѣчательной лекціи объ Игоревой Пѣсни, опять возобновилъ этотъ обрядъ, хотя уже съ справедливымъ причтеніемъ глагола *помняшеть* къ *Бояну*: „*онъ помнилъ* рѣчь первыхъ временъ усобицы, что тогда былъ обычай пускать 10 соколовъ на стадо лебедей; *чей* долеталъ прежде, *тому* и прежде пѣсню пѣли". А объясненіе профессора состояло въ томъ, что этотъ обычай относился къ первымъ временамъ усобицы; что Боянъ его помнилъ, но ему уже не слѣдовалъ, а самъ по волѣ своей воспѣвалъ князей, кого хотѣлъ. (см. стр. 282).

Вслѣдъ за тѣмъ, въ многотрудномъ изданіи Игоревой Пѣсни г. Дубенскимъ (1844 года), тотъ обрядъ соколопусканія *обратился въ законъ*, дѣйствующій и на пѣвца Игорева: говоря „не лѣпо ли ны бяшеть, братіе... и т. д., пѣвецъ объявляетъ *дружинѣ* о своемъ намѣреніи пѣть про Игоря по былинамъ того времени и продолжаетъ: *памятна* (*вамъ*, братіе) *старая поговорка на удальство князей*, что тогда на стаю лебедей *пускали* 10 соколовъ; *чей* первый налеталъ, *тотъ* прежде пѣснь воспѣвалъ... „Пѣвецъ оправдываетъ тѣмъ себя, почему онъ, оставя прочихъ князей, воспѣваетъ Игоря". Почему же?

Потому что „Игорь—соколъ *первый* въ его время напалъ на Половцевъ—лебедей и по праву усобицы, обратившемуся *въ законъ*, первый заслужилъ хвалу поэта...“ (см. стр. 8). Но въ такомъ оправданіи пѣвецъ, вмѣсто того, чтобы начать свою пѣснь по *былинамъ*, началъ бы *небылицами*...

Еслибъ онъ въ оправданіе сталъ говорить дружинѣ о соколопусканіи: „*помняшеться* вамъ, братіе, рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ“..., дружина кіевская моглабы сказать ему: „сицеи рѣчи, брате, не слышано“; а еслибъ онъ сказалъ въ оправданіе свое, что Игорь *первый* въ его время напалъ на Половцевъ, дружина кіевская могла бы сказать ему: нелѣпо еси молвилъ, брате!... и самолюбиво опровергла-бы *первенство* Игоря напоминаніемъ о двухъ недавнихъ *славою звенящихъ* побѣдахъ Святославовыхъ за Орелью и Сулою (надъ Кобякомъ и Кончакомъ), гдѣ были сподвижниками Святославу и другіе князья, а Игоря тамъ не было; а еслибы пѣвецъ вздумалъ, для своего оправданія, напомнить дружинѣ, какъ за 12 лѣтъ Игорь являлся въ Кіевъ на праздникъ Бориса и Глѣба побѣдителемъ Половцевъ на Ворсклѣ подъ Полтавою..., кіевская дружина напомнила бы ему болѣе знаменитую побѣду Мстислава Изяславича въ 1168 году, и другую побѣду того же Мстислава въ 1152 году, когда Игорь былъ въ пеленахъ.. *Первенство* Игоря въ нападеніи на половцевъ есть такая коментарная выдумка, которая не могла и на мысль прійти пѣвцу, такъ хорошо знавшему былины своего времени, —и ему не было нужды ни передъ кѣмъ оправдываться, что онъ воспѣваетъ злополучный походъ своего князя, который „наполняся ратнаго духа навелъ свои храбрые полки на землю половецкую *за землю Рускую*“. Пѣвцу нечего было оправдываться даже и въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ сталъ безъ вины виноватъ у своего коментатора; ибо онъ воспѣлъ Игоря, не *оставивъ* и прочихъ князей: Святославъ, грозный побѣдитель Кобяка, изображенъ въ его Пѣсни, можно сказать, гомерически; Всеволоду Суздальскому, Ярославу Галицкому, Роману Волынскому—воздано въ его Пѣсни почти Орфеевское воскуреніе. А какая у него трогательная пѣснь Изяславу Васильковичу, павшему одиноко въ битвѣ съ литовцами!...

Г. Дубенскій представилъ себѣ пѣвца Игорева подручнымъ *Пѣвцомъ Святославовымъ*; а его пѣснь—почти говорною трубою Кіевскаго князя; и съ этой точки зрѣнія, въ числѣ многихъ признаковъ, показалось ему и то, что *Святославовъ* пѣвецъ долженъ былъ оправдываться передъ дружиною, зачѣмъ онъ сталъ пѣть про походъ *Игоревъ*... Но г. Дубенскій, кажется, признаетъ уже мнѣніе Граматина, почти всѣми принимаемое, что пѣвецъ Игоря самъ могъ быть въ походѣ на Каялу; и такъ пѣвецъ принадлежалъ къ Игоревой дружинѣ, которая почти вся тамъ на Каялѣ „полегоша за землю Рускую"! А Игорь съ своими тремя сподвижниками пересѣлъ тамъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло плѣнника; и вездѣ на Руси была печаль объ Игорѣ и его пораженіи половцами; а въ Кіевѣ—нѣмцы, венедцы, греки и моравы—поютъ славу Святославу, *каютъ* (корятъ) князя Игоря... и какъ жъ было пѣвцу, избѣжавшему плѣна половецкаго, не воспѣть походъ столь близкій для него, не высказать глубокаго горя души въ своей *трудной* (т. е. прискорбной) *повѣсти* о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича!... И никому онъ не обязанъ былъ отвѣчать никакимъ оправданіемъ за свою Пѣснь, въ которой онъ славитъ однихъ князей, коритъ другихъ, не разбирая кто кому сватъ или братъ, но имѣя въ виду одно ихъ отношеніе—ко благу Руской земли и ея славѣ!... Г. Дубенскій въ своихъ *отмѣткахъ* (напечатанныхъ въ *Отеч. Зап.* 1855 г. кн. 7) о прекрасной картинѣ умирающаго Изяслава Васильковича говоритъ: „*пѣвецъ Святославовъ* могъ такъ трогательно описывать смерть Изяслава *шурина великокняжескаго*" (ст. р. 10). Но другіе *Васильковичи* были такіе же шурья и союзники Святославу Всеволодовичу; а пѣвецъ говоритъ къ нимъ и ко всѣмъ прочимъ живымъ потомкамъ Всеслава: „уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени! уже бо выскочисте изъ дѣдней славы! Вы бо своими *крамолами* начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю!" А смерть Изяслава пѣвецъ изобразилъ съ такою любовью къ нему потому, что онъ *одинъ* изъ полочанъ бился съ Литовцами и со славою палъ въ битвѣ съ ними!—Пѣвецъ славитъ своего *Игоря* и

храбрую его дружину—по ихъ подвигу *за землю Рускую...* Онъ такъ возвеличилъ *Святослава* за его блестящія и столь отрадныя для тогдашней Руси побѣды надъ Половцами, за его тогдашнее предпріятіе идти всеобщимъ ополченіемъ на Половцевъ къ Дону, къ сожалѣнію, остановленное неудачею пылкаго Игоря... Пѣвецъ славитъ все *хороброе Ольгово Гнѣздо*, но при этомъ онъ такъ сильно коритъ въ своей Пѣсни самого *Олега*, родного дѣда Игорю и Святославу—за то, что онъ *мечемъ крамолу ковалъ* и *сѣялъ стрѣлы* по Руской землѣ, за то, что при немъ въ княжихъ крамолахъ вѣкъ людей коротался... А г. Дубенскій и этотъ поэтическій укоръ пѣвца Олегу за Рускую землю объяснялъ съ той же точки зрѣнія на пѣвца, *писавшаго по мысли Святославовой*. Въ примѣчаніяхъ, на стр. 70 говоритъ онъ: „по видимому странно, что *пѣснотворецъ Черниговскихъ князей* называетъ явно родоначальника ихъ *крамольникомъ*; но теперь, въ вѣкъ Игоревъ, они достигли цѣли своей, старшинства между князьями Рускими—Кіевскаго престола, могли *изъ политики* осуждать Олега и увѣрять Россію, что рѣшились дѣйствовать ко благу ея *первые*!" Тутъ опять нѣтъ правды исторической. Когда Святославъ соединилъ Заднѣпровскихъ князей въ походъ на Кобяка (1184)—„а своя братья не идоша, рекуще: далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своя земли пусты оставити... Святославъ же нелюбуя на свою братью, поиде поспѣшая путь свой"... И на слѣдующую весну, когда со множествомъ Половцевъ пришелъ Кончакъ на Русь—и Святославъ съ Рюрикомъ побѣдилъ его (1 марта) за Сулою, братъ Святославовъ Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ нимъ на Половцевъ, говоря: „азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужъ поѣхати! тѣмъ же отречеся брату своему Святославу". А между тѣмъ Ярославъ далъ Игорю въ помочь на Половцевъ того-же своего мужа Ольстина Олексича съ черниговскими князьями—въ походъ, предпринятый невѣдомо для Святослава Кіевскаго. Очевидно, что тогда былъ нелюбовный разладъ у черниговскихъ Ольговичей съ Кіевскимъ, и они не дѣйствовали совмѣстно и единодушно. Да и что это была

бы за *политика*, достигши кіевскаго престола—велѣть пѣвцу своему *осуждать дѣда* своего, давно заслоненнаго отъ Руси множествомъ событій, послѣ него совершившихся... И можно ли было хоть-бы Святославу, черезъ Пѣснь Игореву, *увѣрять Россію*, что они, бывшіе тогда въ разъединеніи, рѣшились дѣйствовать во благо Руси *первые*!... Такъ Игорева Пѣснь, полная живой, исторической истины, по коментарію г. Дубенскаго становится безпрестанно орудіемъ Святослава, чуждымъ исторической истины (о чемъ подробнѣе говорится въ моихъ *поясненіяхъ* на Игореву Пѣснь, посланныхъ издателю *Москвитянина*).

Что же касается до филологической критики, то г. Дубенскій своимъ *анализомъ* не прояснилъ ни одного мѣста въ Пѣсни, относящагося къ Бояну; напротивъ, онъ еще болѣе затемнилъ многія мѣста, напраснымъ извитіемъ словесъ и толкованіемъ ихъ, по своему обыкновенію, надвое и натрое.

Для того, чтобы изъ словъ пѣвца о пѣснопѣніи Бояновомъ вымозжить мнимый обрядъ соколопусканія, будто-бы *обратившійся въ законъ*, почти каждое слово пѣвца протолковано не такъ, какъ оно есть въ текстѣ. Вмѣсто *помняшеть*—(т. е. онъ Боянъ)—коментаторъ говоритъ „надобно читать *помняшеться*" и переводитъ (въ отмѣткахъ)—„памятна *вамъ*..." Зачѣмъ же *вамъ*, когда пѣвецъ говоритъ въ 1 лицѣ. „Не лѣпо ли *ны* бяшеть, братіе!" и далѣе „*почнемъ* же, братіе, повѣсть сію!" Это всеобщій оборотъ рѣчи у писателей, по которому и Лѣтописецъ Несторъ, въ уединеніи печерской кельи своей, началъ свои *повѣсти временныхъ лѣтъ* словами: „се *почнемъ* повѣсть сію!" *Рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ*—у г. Дубенскаго: *старая поговорка на удальство князей*,—какъ будто *усобица* значитъ *удальство*!... *Пущашеть* (единств. чис. Боянъ) у него переведено множественнымъ числомъ—*пускали*; а *который*—*чей*. Но вотъ самое затруднительное для толкователей выраженіе: „*та* преди пѣснь пояше". Частица *та* протолкована у него натрое, и все не въ попадъ! Въ переводѣ „*тотъ* прежде пѣснь воспѣвалъ". Поэтому мѣстоименье женскаго рода *та* стало въ мужскомъ родѣ *тотъ*. Но въ указателѣ иначе: *та* признано *опис-*

кою вмѣсто *союза то* или *тако*! Что же это за чтеніе было-бы по указателю: „который дотечяше, *тако* преди пѣснь пояше?“ Но въ примѣчаніи опять иное толкованіе: „*та*—то же, что *тъ* въ словѣ *бятетъ,* т. е. усиленное окончаніе 3-го лица... согласовано съ словомъ *пѣснь*—вмѣсто *та преди пѣснь пояшетася* воспѣвалась.“ Тутъ цѣлая связка филологическихъ недоразумѣній. *Усиленное окончаніе*—говоритъ коментаторъ: какъ же оно стало *впереди* своего глагола чрезъ два слова? Такой отстановки съ окончаніемъ *тъ* въ языкѣ не было; и это все равно, еслибъ вмѣсто: прежде хорошо подумайте, сказать: те прежде хорошо подумай! Правда, что г. Дубенскій и въ словахъ пѣвца: „*лжу* убуди, которую то бяше успилъ Святъславъ“ частицу *то* (принадлежащую къ предыдущему мѣстоименью—которую-*то*, какъ напримѣръ въ Кіевской лѣтописи: „Всеволодъ... смолвяся съ новгородци, *которыхъ то* былъ пріялъ“) онъ относитъ къ глагому *бяше*, какъ усиленное окончаніе; *то-бяше* то же, что *бяше-тъ* или *та-пояте* (см. стр. 105). Но и тутъ опять то же: еслибъ вмѣсто *подите* сказать *те-поди*! Да и какая же тутъ согласовка: *то* средняго рода, а *Святославъ* мужескаго! Что касается до предполагаемой г. Дубенскимъ формы глаголы *пояшетася пѣснь*, то еслибъ нерусскимъ ладомъ уже и стало окончаніе *та* за два слова впереди, тогда не было бы слово *пѣснь* въ единственномъ числѣ. Вѣдь окончаніемъ *та* глаголы изъ единственнаго числа переводились въ *двойственное*: *бяше* или *бяшетъ, ловяше* или *ловяшетъ*—въ двойственномъ числѣ *бяшета*, *ловяшета; пояше, пояшеся*—въ двойственномъ числѣ *пояшета*, *пояшетася* (двѣ *пѣсни*, а не *пѣснь*). Что же касается до глагольнаго окончанія 3 лица *ть* или *тъ*, то оно, оставаясь всегда *въ концѣ* глагола (если не отбрасывалось вовсе, какъ въ рѣчи западно-славянской, и нерѣдко въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ)—одинаково служило для всѣхъ родовъ—*ходитъ* онъ, она, оно, и во множ. ч. *ходятъ*. Такъ точно, *безъ различія въ родѣ*, прибавлялось русскими писателями, особенно XII вѣка, это окончаніе *ть* или *тъ* къ церковно-славянскому прошедшему времени 3-го лица, утратившему это окончаніе, и такимъ обра-

зомъ у насъ нерѣдко ставили, вмѣсто *ше*, *ху*—*шеть*, *хуть: бяшеть*, *бяхуть*—какъ въ мужскомъ, такъ и въ *женскомъ* родѣ; напримѣръ, у Нестора: „яко же бо Ольга часто *глаголашеть*: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся".

А какъ невѣрно протолковалъ г. Дубенскій слова пѣсни: „они же сами князем̀ъ славу рокотаху!" Тутъ всѣ переводчики пѣсни, отъ Мусина-Пушкина до Гербеля, признавали единогласно и справедливо, что *они сами*—значитъ сами *струны* Бояновы рокотали славу князьямъ; но у г. Дубенскаго—рокочутъ *персты*... Отъ чего же это? отъ того, что написано *они же самы*; а—„согласуя со словомъ *струны*, надобно было сказать *оны же самы*, см. грамматику Добровскаго"! (см. стр. 12). Коментатору вообразилось, что въ Игоревой Пѣсни *тѣ самыя* этимологическія перемѣны словъ, какія опредѣлены въ грамматикѣ Добровскаго... и на этомъ основаніи у него и здѣсь буквою *и* заслонился ясный смыслъ пѣсни: здѣсь у пѣвца та народно поэтическая мысль о самозвонныхъ струнахъ, которою созданы и сказочныя гусли-самогуды; а у коментатора рокочутъ *персты*. По *окончаніямъ* прилагательныхъ именъ и мѣстоименій, часто зависѣвшимъ и отъ руки писцовъ, не всегда можно заключать о родѣ существительныхъ именъ—даже въ книгахъ печатныхъ нынѣшняго столѣтія. Такъ, въ переводѣ перваго изданія Пѣсни читаемъ: булатны*е* мечи, молоды*е* мѣсяцы, и—темны*я* берега, чуж*ія* ручьи, дорог*ія* бархаты... уже-ли же по окончаніямъ прилагательныхъ *е* и *я* заключать, что у первыхъ издателей берега, ручьи, бархаты, различались въ родѣ отъ мечей, мѣсяцевъ? Въ переводѣ самого г. Дубенскаго (на стр. 207) читаемъ: „*знамена* его достались одни Рюрику, а *другіе*—Давыду"; уже-ли же по окончанію на *е* заключить, что г. Дубенскій принималъ вмѣсто *знамя*—*знаменъ* мужескаго рода? Подобно тому, какъ онъ своимъ анализомъ языку пѣвца Игорева надавалъ *бременъ* вм. *бремя*, *забралъ*, *заборолъ*, вм. *забрало*, *заборолo* и проч., на томъ основаніи, что въ текстѣ написано *бремены*, *забралы* (а не бремен*а*, забрал*а*)! Но на этакомъ основаніи можно сказать, пожалуй, что и Жуковскій принималъ

вмѣсто *свѣтило, паникадило—свѣтилъ, паникадилъ*, ибо у него въ „Пери и Ангелъ“ читаемъ:

„И были вечера свѣтилы
Какъ яркія паникадилы
Въ небесномъ храмѣ зажжены“...

Для заключенія о томъ, къ какому слову относится *они сами*—къ *струнамъ* или *перстамъ*,—кромѣ *смысла*, очевиднаго для всѣхъ другихъ переводчиковъ, можно было принять во вниманіе во 1-хъ то, что въ текстѣ пѣсни, по дошедшему къ намъ списку, не выдержаны окончанія прилагательныхъ именъ такъ, какъ назначены въ грамматикѣ Добровскаго, да и вообще писаны, какъ попало; и не различается мужскій родъ буквою *и*, а женскій буквою *ы*; напримѣръ *куряни*—подъ трубами повит*и*, подъ шеломы възлелѣян*ы*, конецъ копія въскръмлен*и*—луци у нихъ напряжен*и*, тули отворен*и* „сабли изъострен*и*—„или „страны рад*и*, гради весел*и*“. Во вторыхъ, что и въ живомъ русскомъ языкѣ *сами* во всѣхъ родахъ *сами*, даже и по грамматикѣ; а *они* и *онѣ* очень неясно различались въ устной рѣчи, такъ что Ломоносовъ говорилъ: „лучше въ среднемъ и въ женскомъ *онѣ*, а въ мужескомъ *они*“; но позднѣйшими грамматиками признано, что лучше въ мужескомъ и въ среднемъ *они*, а только въ женскомъ *онѣ*... Въ южно-русскомъ-же языкѣ окончанія мѣстоименій и прилагательныхъ именъ совсѣмъ не различаются по родамъ,—во множественномъ числѣ.—

Статья вторая.

За нѣсколько лѣтъ возникали вопросы, въ какихъ именно годахъ родились Карамзинъ и Гоголь; ибо показанія о томъ рознились однимъ и двумя годами. Справедливымъ дѣломъ было уничтожить и эту малую розницу, для вѣрности факта, которая въ исторіи требуетъ такого-же попеченія, какъ и вѣрность мнѣнія о событіяхъ и лицахъ. Въ двухъ мнѣніяхъ о вѣщемъ Боянѣ представляется разница гораздо большая—почти полтора

столѣтія, ибо по—старому мнѣнію, Боянъ предполагается пѣвцомъ до-христіанскаго времени; а по новому, онъ признается современникомъ лѣтописца Нестора. Хотя послѣднее мнѣніе господствуетъ въ исторіи Русской Словесности, однако еще нѣтъ въ немъ желаннаго единогласія; появляются еще голоса въ пользу стараго мнѣнія, въ подрывъ новому; были и противъ стараго мнѣнія такіе голоса, отъ которыхъ не много проку для новаго...

Мнѣніе, что Боянъ жилъ и пѣлъ во время до-христіанское, принадлежитъ первымъ издателямъ Игоревой Пѣсни (1800 г.), которое они высказали ясно, въ примѣчаніи, на страницѣ 7-й: по названію Бояна *внукомъ Велесовымъ*, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи христіанской вѣры". Осторожно сказали они свое предположеніе, но были вѣрны своей точкѣ зрѣнія и въ прочихъ подробностяхъ, относящихся къ Бояну. Къ удивленію, г. Сахаровъ, въ своемъ критико-историческомъ предисловіи къ Игоревой Пѣсни (1839 г.), захотѣлъ найти противорѣчіе въ этомъ мнѣніи первыхъ издателей; и для того онъ переиначивалъ ихъ слова съ непозволительнымъ въ наукѣ произволомъ.

У нихъ въ примѣчаніи на страницѣ 2 сказано: „*когда и при какомъ государѣ* гремѣла лира его, ни по чему узнать нельзя; ибо не осталось намъ никакого отрывка *прежде* великаго князя Владиміра Святославича написаннаго. Отъ временъ-же *его* дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня... но, вѣроятно, что и та въ послѣдствіи переправлена:

Въ славномъ городѣ Кіевѣ,
У князя у Владиміра", и т. д.

Ясно было, что здѣсь первые издатели приводятъ пѣсню *отъ времени его*, т. е. Владиміра, къ намъ дошедшую (по ихъ мнѣнію), а Бояновы пѣсни они полагаютъ *прежде* Владиміра (до крещенія Руси).—Но г. Сахаровъ приводитъ ихъ слова такъ; „при *Рюрикѣ или Святославѣ* гремѣла лира его"... Зачѣмъ-же влагаетъ онъ имъ въ уста имена Рюрика и Святослава, когда у нихъ сказано безъименно: „*когда и при какомъ государѣ*".

А если у нихъ въ виду были не Рюрикъ и Святославъ, а Олегъ съ Игоремъ,—какъ у поэта, изобразившаго намъ Бояна на тризнѣ Олеговой! Далѣе говоритъ Сахаровъ: „мы не знаемъ (да кто и знаетъ?) ни одной пѣсни Бояна; а критики увѣряютъ, что пѣсни Бояна существуютъ отъ времени Владиміра Святославича, и въ доказательство приводятъ самую пѣсню“. Нѣтъ, они и не думали даже, не то, чтобъ *увѣряли*... это напраслина. Сахаровъ продолжаетъ: „критики сами писали въ примѣчаніи, на стр. 37: „*Здѣсь ясно открывается, что Боянъ пѣлъ о князѣ Всеславѣ*“— и въ то же самое время увѣряютъ, что Боянъ воспѣвалъ Владиміра, умершаго въ 1015 году. Таковы были критическія изслѣдованія первыхъ издателей“!

При такомъ приговорѣ, невольно скажемъ: таковы были критическія изслѣдованія Сахарова о прежнихъ издателяхъ Пѣсни! Библіографъ какъ будто шутитъ надъ читателями, показывая въ первомъ изданіи *на стр. 37* совсѣмъ не то, что тамъ напечатано; тамъ о припѣвѣ Бояновомъ сказано вотъ что: „*Вѣроятно*, что сей припѣвъ *подлинникомъ* внесенъ сюда изъ Бояновыхъ пѣсней“. Первые издатели предполагаютъ Бояна *прежде* Владиміра, но говорили, что онъ *воспѣвалъ Владиміра*; тѣмъ мѣнѣе могли они говорить, что бы *Боянъ пѣлъ о князѣ Всеславѣ*! Вѣрные своей точкѣ зрѣнія они и слова Игоревой Пѣсни: „*тому* вѣщій Боянъ и прьвое смысленый припѣвку рече“ перевели такъ: *для такихъ-то* мудрый Боянъ *издавна* составилъ сей разумный припѣвъ“... Такого же мнѣнія былъ и Пожарскій (1819), что приведенная въ Пѣсни припѣвка Боянова была „*не о Всеславѣ*, á о всякомъ ему подобномъ“ (см. стр. 79). Первый Калайдовичъ, а потомъ рѣшительнѣе Граматинъ (1823) призналъ, что эта припѣвка сказана Бояномъ *тому* Всеславу: и это послужило первымъ основаніемъ новому мнѣнію, что Боянъ былъ современникъ Всеслава Полоцкаго (а слѣдственно и Нестора).—Между тѣмъ г. Сахаровъ, уловляя первыхъ издателей въ небываломъ противорѣчіи о Боянѣ, самъ попалъ въ историческую ошибку—показывая кончину Олега Святославича въ 1096 году, и такимъ образомъ умерщвляя его за 19 лѣтъ до его кончины († 1115 г).

Г. Дубенскій, въ своемъ изданіи Пѣсни (1844), воспротивился принятому нами Граматинскому мнѣнію о Боянѣ, какъ современникѣ Всеслава и Олега,—воспѣвавшаго сихъ князей, а также и князей Ярослава, Мстислава и внука ихъ Романа. Самъ же онъ возвратился къ прежнему понятію о Боянѣ, и покрылъ его еще большимъ туманомъ сомнѣнія. Вотъ что говорилъ онъ, въ примѣчаніи на стр. 6: „Боянъ кто, мы не знаемъ; но этотъ поэтъ такъ знакомъ пѣвцу Игореву, что онъ, кажется, невольно одушевлялся музою Бояна съ начала до конца въ своей Пѣсни, заимствовалъ у него обороты: „не буря соколы занесе", мысли (привѣвы), и *можетъ быть*, многія выраженія: тропа, вѣчи, земля Троянова, и другія, которыхъ смыслъ для насъ сбивчивъ и загадоченъ".

Не много же прибыли въ 1844 году для исторіи Словесности, что Боянъ былъ *такъ знакомъ* пѣвцу Игореву, а *мы не знаемъ* его!—Вопросъ о *Велесѣ*, *внукомъ* котораго величаетъ Пѣвѣцъ вѣщаго Бояна, еще первыми издателями былъ рѣшенъ удовлетворительно, что это „славянскій въ язычествѣ богъ, покровитель стадъ" (стр. 7). Но г. Дубенскій, (въ примѣчаніи на стр. 28) и Велеса поставилъ въ сомнѣніе: „Кто этотъ Велесъ? тотъ ли богъ небывалый, котораго невѣжды составили изъ св. Власія (будто бы?), или что другое, мудрено рѣшить безъ споровъ! Добровскій объясняетъ: „Велесъ—богъ скотовъ у славянъ", но онъ ли это"?.. Ужъ, конечно, онъ! Напрасно было и спрашивать...

Тутъ вспоминается мнѣ старина, какъ нѣкогда приснопамятный Полевой, еще до изданія Московскаго Телеграфа, чертилъ карандашемъ отмѣтки по изданію Граматина, сбираясь отдѣлать его пуще географіи Каменецкаго, особенно за слѣдующія строки въ примѣчаніи на стр. 124; „Нѣкто *Н. П-й* думаетъ, что Боянъ названъ внукомъ Велесовымъ по *дѣдушкѣ* своемъ, замѣчая при томъ, что авторъ Слова о Полку Игоревѣ, будучи *хорошимъ* христіаниномъ, за грѣхъ бы поставилъ назвать Бояна сыномъ (внукомъ) языческаго бога".

Относительно *Трояна* первые издатели были въ недоумѣніи: „кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему невозможно". (стр. 6) Карамзинъ рѣшилъ задачу тѣмъ, что это знаменитый Римскій Императоръ, и на этомъ слѣдовало бы остановиться исторической критикѣ пѣсни; но мнѣніе г. Дубенскаго въ примѣчаніяхъ ходило, какъ маятникъ, между объясненіемъ Карамзина и предположеніемъ Полеваго, что „*Троянъ* здѣсь не Римскій Императоръ, а что-нибудь такое, чему объясненія надобно искать на Руси: такъ, Владиміръ I названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памятникѣ". О выраженіи Пѣсни „*На седьмомъ вѣцѣ Трояни* връже Всеславъ жребій" г. Дубенскій тоже полагалъ, что пѣвецъ приводитъ здѣсь—„*можетъ быть* слова Бояновы", а въ своемъ, двоякомъ ихъ толкованіи онъ сказалъ: лучше, допустя мнѣніе, что Троянъ есть Владиміръ I, пояснять здѣсь седьмой вѣкъ Даніиловою седминою; ибо, дѣйствительно, по смерти Владиміра прошло *семь седминъ*, т. е. *49 лѣтъ*, когда по Нестору въ *1064* году Всеславъ рать началъ". (см. стр. 187) Но при такомъ изъясненіи, если выраженіе „*на седьмомъ вѣцѣ Трояни* връже Всеславъ жребій" предполагается заимствованнымъ у Бояна, то и самого Бояна слѣдовало бы, кажется, предположить около *1064* года, во время Всеславово. Такъ и далѣе (стр. 201) слова Пѣсни „*тому* вѣщій Боянъ и пръвое припѣву смысленый рече" г. Дубенскій поясняетъ: „*тому*, т. е. Всеславу". Но далѣе (стр. 205) о самой припѣвкѣ „ни хитру, ни горазду.." онъ сказалъ, что это слова—„безъ сомнѣнія Бояновы; и ежели вѣрно переданы намъ Пѣвцомъ Игоря, то могутъ служить *древнѣйшимъ* памятникомъ славянской письменности!"—тутъ опять загадка, въ словѣ *древнѣйшимъ*: не уже ли древнѣйшимъ и Олегова договора съ Греками? Въ такомъ разѣ Боянъ уходитъ далеко и отъ Всеслава Полоцкаго, и отъ *седми седминъ*, протекшихъ со смерти Владиміровой.—

Припѣвку „не буря соколы занесе" г. Дубенскій признавалъ также заимствованною у Бояна. По словамъ передъ этою припѣвкою „пѣти было пѣснь Игореви, *того* (Олга) *внуку*"— ясно, что Боянъ сложилъ ее про Игорева дѣда, т. е. про *Олега*

Святославича, имя котораго, для большей ясности, включено въ текстѣ (въ скобкахъ) первыми издателями Пѣсни по очевидному историческому смыслу. Отсюда выходитъ, что Боянъ пѣлъ про того Игорева дѣда (*Олега*)—современнаго Всеславу: обѣ припѣвки взаимно подтверждаютъ, что Боянъ жилъ *не прежде*, сихъ двухъ князей!—Но г. Дубенскій, чтобы отстранить припѣвку Боянову, а слѣдственно и Бояна отъ *Игорева дѣда* (въ которомъ и безъ прибавки, сдѣланной первыми издателями, всякъ бы разумѣлъ *Олега*), далъ такой толкъ:

„Дѣйствительно, лучше подразумѣвать вмѣсто *Олга—Владиміра внуку* (потомку), или даже *Бояновски*: *того Трояна внуку*, т. е. послѣдователю, соревнователю, сопернику". (см. стр. 26)—Не ужъли-же придать слову *внукъ* значеніе соперника, соревнователя—вопреки общерусскому и общеславянскому смыслу этого слова, значитъ сказать *по-Бояновски*! И не ужъли имя *Троянъ* такая вѣрная примѣта Бояновскаго пѣснопѣнія, что если сказать *Троянъ*, такъ это ужъ и будетъ *по-Бояновски*! Самъ же Дубенскій говорилъ не утвердительно, что выраженія Пѣсни съ именемъ Трояна—*можетъ быть* заимствованы у Бояна. Но пѣвецъ Игоря въ XII вѣкѣ могъ и безъ Бояна, по общему народному преданію, знать *тропу Троянову, и землю и вѣка*, если и въ пѣснѣ Екатеринина вѣка пѣли:

„На разсвѣтѣ было въ середу,
На дорогѣ на Траяновой,
Подошли мы близко къ лагерю".

Загадоченъ въ Пѣсни оставался смыслъ одного выраженія: „*на седьмомъ вѣцѣ* Трояни връже Всеславъ жребій". Но г. Головинъ, въ своихъ „Примѣчаніяхъ" (1846 г.), среди многихъ парадоксовъ (какъ напримѣръ родословіе Полоцкихъ князей)—предложилъ достойную замѣчанія разгадку семи вѣковъ Трояновыхъ,—счетомъ вѣка не въ сто-лѣтъ, но любимымъ въ славянщинѣ сороковымъ и четвернымъ счетомъ—въ *четыре сорока* лѣтъ, т. е. въ *160*. По такому счету *седьмой вѣкъ Трояновъ* начинается именно въ то время, необычайное для современниковъ, когда Всеславъ *рать началъ*. Но г. Дубенскій нынѣ (какъ видно

изъ его *отмѣтокъ*, написанныхъ въ возраженіе на мои *замѣчанія* о переводѣ Пѣсни г. Гербелемъ)—совсѣмъ отошелъ отъ Римскаго Императора Траяна, на томъ основаніи, что въ Пѣсни читаемъ *Троянъ* съ буквою о, а Тацитъ и другіе Римскіе историки писали имя своего Императора съ буквою *а* — *Траянъ*. На этомъ основаніи и *земля Троянова* у г. Дубенскаго теперь уже не та provincia Trajani, на которую и онъ прежде указывалъ, но—„*Руская земля*, названная *Трояновою*, повидимому, въ томъ отношеніи, что досталась по смерти Святослава 1-го—*троимъ братьямъ*!“ (*Отмѣтки*, стр. 7).

Но на такомъ основаніи *тройства*, пожалуй и всю землю можно назвать землею Трояновою, воспоминаючи начало Несторовой лѣтописи: „по потопѣ *тріе* сынове Ноевы раздѣлиша землю“; а *Русская земля* по смерти Святослава 1-го—кажется, не доставалась троимъ братьямъ, ибо Ярополкъ повладѣлъ ею по смерти брата Олега; а Владиміръ сталъ владѣть ею по смерти брата Ярополка... Но—что же теперь у г. Дубенскаго *тропа Троянова*, которую и онъ прежде изъяснялъ по Карамзински—via Trajani?... На основаніи *тройства*, уже не будетъ ли теперь это—та любимая въ народной русской поэзіи путь-дороженька, что разбѣгается въ три стороны она?... Но вышепомянутая великорусская пѣснь Екатеринина вѣка (въ карманномъ пѣсенникѣ напечатанная) даетъ намъ настоящую *дорогу Траянову*, даже съ буквою *а*, по господствующему нынѣ Московскому выговору (а также по выговору нарѣчій Бѣлорусскаго и Среднерусскаго). Но по Южно-русскому выговору на *о*, (также, какъ и въ нарѣчіяхъ Суздальскомъ и Новгородскомъ) имена *Траянъ*, *Траяновъ* выговорены *Троянъ*, *Трояновъ*,—также, какъ имя *Андрей* у Нестора по Лаврентьевскому Суздальскому списку читаемъ *Ондрѣй*, какъ и славянорусское личное имя *Баянъ* (Bajanus) по Южно-русскому и Новгородско - Суздальскому выговору—*Боянъ*. Діалектическая разность, и больше ничего!—

Въ примѣчаніяхъ г. Дубенскаго встрѣчается еще одно мимоходное замѣчаніе о Боянѣ: „у Дунайскихъ Славянъ крикъ *дива* (удода!) примѣта не добрая, какъ у насъ карканье ворона.

Это проливаетъ новый свѣтъ на Пѣснь Игореву и указываетъ на ея *южное* происхожденіе; *Боянъ, слѣдовательно,* Велесовъ внукъ—*Южный Славянинъ*"! (см. стр. 38). Неожиданное и удивительное *слѣдствіе*!... Но разсмотримъ лучше *отмѣтку* г. Дубенскаго о Боянѣ, въ возраженіе мнѣ написанную, и тѣмъ кончимъ нашъ споръ о вѣщемъ пѣснотворцѣ стараго времени, столь занимательномъ для исторіи Русской поэзіи.

I.—Г. Дубенскій говоритъ: „Максимовичъ начало Игоревой Пѣсни называетъ *запѣвомъ*; этимъ словомъ онъ ничего не объясняетъ, но такую придаетъ ему важность, какъ будто оно служило *ключемъ* ко всему Слову. *Можетъ быть* это потому, что тутъ упоминается о Боянѣ, котораго ему хочется выдать *запѣвалой*. Но пѣвецъ называетъ Бояна смысленнымъ припѣвку (?), то пожалуй, онъ будетъ и *припѣвалой*!" (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Начало Игоревой Пѣсни такъ важно, что его можно назвать, пожалуй, и *ключемъ* къ ней. Но мнѣ и на мысль не вспадало выдавать Бояна *запѣвалой* и придавать какую-нибудь особенную важность слову *запѣвъ*, которымъ я 1835 года, раздѣляя Игореву Пѣснь на главы, назвалъ первую главу потому, что начало Пѣсенъ вообще называется по-русски запѣвомъ. Впрочемъ, неожиданная острота г. Дубенскаго о *запѣвалѣ* и *припѣвалѣ*, меня позабавила, и напомнила собою, какъ нѣкогда въ Москвѣ А. С. Ширяевъ отпускалъ такую-же тонкую остроту объ альманахѣ „Сѣверной Лирѣ" называя его—*сѣвернымъ рыломъ*!—Только, зачѣмъ же г. Дубенскій въ этомъ примѣчаніи, ко мнѣ обращенномъ, поставилъ „можетъ быть"? Вѣдь онъ въ Отмѣткахъ сказалъ мнѣ: „не знаю, пріиметъ ли здравая критика доводъ, взятый отъ *можетъ быть*!" (стр. 8). А себѣ онъ предоставляетъ полное право, безъ зазрѣнія критической совѣсти, пользоваться этимъ льготнымъ и даже неизбѣжнымъ въ наукѣ двоесловьицемъ. Такъ и въ Отмѣткахъ, напримѣръ, толкованіе о *клюкахъ*, которыми подпирался Всеславъ: эти клюки прежде (см. стр. 188) представлялись г. Дубенскому то *оглоблями*, то *стременами*; а теперь онѣ показались ему уже *веслами*; и онъ говоритъ, что Всеславъ переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ „*можетъ быть* самъ дѣйствуя весломъ... (стр. 11)."

II.—Г. Дубенскій, въ изображеніи игры Бояновой не находитъ *двухъ сравниваемыхъ предметовъ*,—находитъ *логическое противорѣчіе* въ томъ, что Боянъ—*пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, и не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ*... и спрашиваетъ: „Что это за мистификація?" (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Это *мистификація* поэзіи, называемая *уподобленіемъ*, которое у пѣвца Игорева составляетъ главный художественный пріемъ въ живописаніи предметовъ. Въ его картинѣ игры Бояновой—*два сравнительные предмета* у всякаго передъ глазами: 10 перстовъ Бояновыхъ—10 соколовъ; струны Бояновы—стадо лебедей. Ихъ сравненіе у Пѣвца расположено по формѣ уподобленія *положительно-отрицательнаго* (какъ объяснено было въ третьей лекціи моей объ Игоревой Пѣсни, напечатанной въ Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. 1837 г.). Поясню это вновь—разборомъ святочной Великорусской пѣсенки:

„Скачетъ груздочекъ по ельничку;
Ищетъ груздочекъ бѣляночки".

Это первая, *аллегорическая* часть пѣсенки, изъ которой еще не видно кто тутъ сравнивается съ груздочкомъ и бѣляночкой. Но за нею слѣдуетъ вторая *пояснительная* часть:

„Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ;
Не бѣляночки ищетъ—дворяночки".

Эта вторая часть могла-бы быть и сама по себѣ въ качествѣ уподобленія *отрицательнаго*, столь любимаго въ народномъ пѣснопѣньи Великорусскомъ; но для большей игривости, предпослана ей первая, загадочная половина, несомнѣнно къ ней принадлежащая, и съ нею вмѣстѣ составляющая одно цѣлое уподобленіе *положительно-отрицательное*. Это-же сравненіе могло быть выражено и въ видѣ уподобленія *положительнаго*, напримѣръ хоть такъ:

Что груздочекъ за бѣляночкой,
Сынъ дворянскій за дворяночкой;—

но это было-бы не такъ затѣйливо, какъ хотѣлось сказать, и какъ сказалось въ святочной пѣснѣ.—

Сравненіе Бояновыхъ перстовъ съ десятью соколами, а струнъ съ лебедьми, тоже могло быть сказано проще, въ видѣ уподобленія *положительнаго*, напримѣръ такъ:

Боянъ своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше,
Акы десять соколовъ на стадо лебедій пущаше.

Это же сравненіе, въ оборотѣ *отрицательномъ*, было бы такъ:

Боянъ—не десять соколовъ на стадо лебедій пущаше,
Но своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше...

Нô Пѣвецъ, для бóльшей художественной роскоши, къ отрицательному уподобленію предпослалъ аллегорическую часть: представилъ сперва тотъ предметъ, которому уподобляется предметъ изображаемый:

Боянъ—*десять соколовъ на стадо лебедій пущаше.*

Затѣмъ слѣдуетъ то же, но въ оборотѣ *отрицательномъ*:

Боянъ-же—*не десять соколовъ на стадо лебедій пущаше.*

Затѣмъ, въ поясненіе, самый предметъ уподобленія:

Нъ своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше.—

Итакъ въ изображеніи игры Бояновой на гусляхъ находимъ народно-поэтическій игривый оборотъ уподобленія, а не *логическое противорѣчіе*!..

О второй *пояснительной* половинѣ картины у пѣвца добавлено: „они же сами (т. е. струны) *княземъ* славу рокотаху“. А въ соотвѣтствіе сему, въ первой *аллегорической* половинѣ картины добавлено: „который (соколъ) дотечяше, та (лебедь) преди пѣснь пояше—*Ярославу*, *Мстиславу*, *Роману*. Такъ составилась цѣлая картина игры Бояновой десятью перстами на струнахъ, рокотавшихъ славу князьямъ *Ярославу*, *Мстиславу*, *Роману*.

Ш. Г. Дубенскій объ этомъ говоритъ: „Но помилуйте, г. Максимовичъ, это *факты*, а не *выдумки* Бояновы, которымъ пѣвецъ не хотѣлъ слѣдовать: какимъ образомъ относить этотъ пунктъ къ Бояну? Это рѣчь пѣвца обращенная къ другимъ: *памятна вамъ* и пр.“ (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Да! Это *историческіе факты*, переданные намъ Пѣвцомъ Игоря, что Бояновы струны, своимъ лебединымъ

пѣніемъ, славили *князей—Ярослава, Мстислава и Романа;* это *факты* важные для исторіи поэзіи, ибо и они ведутъ къ опредѣленію, что Боянъ жилъ и пѣлъ послѣ сихъ *трехъ* князей, послѣ 1080 года. Какимъ образомъ относить этотъ *пунктъ* къ Бояну? Самымъ простымъ и естественнымъ—надо только принимать слова Пѣсни, какъ они есть, а не переиначивать ихъ насильственно, чтобы выпудить изъ нихъ коментарную выдумку о небываломъ обрядѣ соколопусканія,—о чемъ я уже изъяснилъ выше подробнымъ разборомъ каждаго слова Пѣсни.—

Что-же касается до названья *выдумками* Боянова *замышленія*, то оно крайне несвойственно. *Замышленіе* вѣщаго Бояна состояло въ томъ, что онъ—„аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы": это не *выдумки*, а *фактъ психологическій*, поясняющій собою свободное пареніе думы пѣвца по простору вселенной, которымъ вдохновляется онъ на пѣснотвореніе. Пѣвецъ Игоря и въ другой разъ изображаетъ намъ это же самое *замышленіе*—„Соловья стараго времени". А въ Великорусской пѣснѣ о *Соловьѣ Будимировичѣ*—самъ пѣвецъ, въ запѣвѣ своемъ, высказалъ словами собственное замышленіе пѣснотворческое, подобное Бояновскому:

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окіянъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе...

У пѣвца Игорева тѣ-же движенія пѣснотворческой думы Бояновой представлены въ живыхъ образахъ, олицетворенно: въ поднебесную высоту—летитъ *орломъ*, по раздолью земли—рыщетъ *волкомъ*. Но такими-же красками онъ нарисовалъ намъ и бѣгство Игоря изъ плѣна, которое *не выдумка*, а *фактъ историческій*. Кіевская лѣтопись говоритъ объ этомъ: „пришедъ ко рѣцѣ (Тору) и перебредъ, и всѣдѣ на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа... и иде пѣшъ 11 день до города Донця". Въ Игоревой Пѣснѣ передано это изобразительно: „а Игорь князь поскочи *горностаемъ* къ тростію, и *бѣлымъ гоголемъ* на воду;

връжеся на бръзъ комонь, а скочи съ него, и *босымъ влъкомъ* потече къ лугу Донця; и полетѣ *соколомъ* подъ мьглами". Въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ" *историческіе подвиги* героя Платова означены въ слѣдующихъ поэтическихъ образахъ, отчасти заимствованныхъ у Пѣвца Игорева:

„Хвала нашъ вихорь—Атаманъ,
Вождь невредимыхъ,—Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ:
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь!"...

А въ Отмѣткѣ г. Дубенскаго сказано, что пѣвецъ Игоря не хотѣлъ *слѣдовать* Бояновымъ *выдумкамъ*, не хотѣлъ пѣть по его *фантазіи*—„потому, что Боянъ *вѣщій пѣвецъ, летаетъ орломъ подъ облаками* и проч.". Но это летанье *орломъ*, рысканье *волкомъ* Бояна,—какъ показано,—есть фантазія самаго пѣвца Игорева,—въ этихъ поэтическихъ образахъ представившаго *замышленіе* Бояново! Въ началѣ Пѣсни своей онъ говоритъ, что начаться ей „по *былинамъ* сего времени, а не по *замышленію* Бояна": онъ говоритъ это совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, чтобы не хотѣлъ онъ *слѣдовать* Боянову замышленію, какъ *выдумкамъ*, для его пѣсни *неприличнымъ*! Отреченье въ такомъ смыслѣ отъ Бояна было-бы *неприличіемъ* со стороны пѣвца, которымъ онъ не только не возбудилъ бы сочувствія къ своей повѣсти про Игоря у дружины или иной слушающей *братіи*, но съ первыхъ словъ возбудилъ бы недовѣріе къ себѣ и подалъ бы мысль о своемъ самохвальствѣ. У пѣвца Игорева, напротивъ, его Пѣснь начинается напоминаніемъ о *старыхъ словесахъ*, о *Боянѣ вѣщемъ—соловьѣ стараго времени*,—и этимъ напоминаніемъ славной *старины* онъ возбуждаетъ уже сочувствіе къ своей *трудной* (т. е. прискорбной) повѣсти про *нынѣшняго Игоря*. Его отреченіе отъ *замышленія* Боянова означаетъ смиренное признаніе въ себѣ недостатка той силы вдохновенія, съ какою вѣщій Боянъ

приступалъ къ *пѣснотворенію.* И только съ этой точки зрѣнія становится ясно, почему пѣвецъ, вслѣдъ за своимъ отреченіемъ, изображаетъ съ такою художественною роскошью и замышленіе, и самое пѣснопѣніе Бояна о князьяхъ;—почему онъ, начавъ изображеніе своего героя по чудесной *былинѣ* того времени (т. е. при видѣ большого солнечнаго затмѣнія 1-го мая, когда подходилъ Игорь къ Донцу),—снова обращается къ Бояну, и опять изображаетъ его *замышленіе* пѣснотворческое, говоря притомъ, что ему—соловью стараго времени—защебетать бы про полки Игоревы, что ему прославить бы сіе время, и пѣть ту пѣснь Игорю, которую пѣлъ онъ его дѣду (Олегу);—и вслѣдъ затѣмъ, можно сказать, съ поэтическаго благословенія *Велесова внука,* онъ пополняетъ свою повѣсть живымъ очеркомъ былины предшедшей вѣщему затмѣнію („Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кіевѣ"—это относится къ побѣдѣ Святослава надъ Кобякомъ за Сулою *1-го* марта; *а* „трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ"—этимъ означено выступленіе Игоря въ походъ изъ Новгорода-Сѣверскаго, 23 апрѣля!), а потомъ онъ продолжаетъ свою повѣсть, прерванную воззваніемъ къ Бояну (какъ Игорь за Донцемъ *ждетъ брата Всеволода* изъ Курска 1 и 2 мая,—и т. д.); и послѣ того пѣвецъ Бояновыми припѣвками повершаетъ и прекрасную пѣснь о Всеславѣ Полоцкомъ, и всю повѣсть свою объ Игорѣ, бывшемъ въ землѣ Половецкой. Этой поэтической любви Пѣвца Игорева къ соловью стараго времени и обязана наша исторія поэзіи, что для нея сохранилась память о *Боянѣ* и образцы его *старыхъ словесъ* и упоминаніе о князьяхъ, про которыхъ пѣлъ онъ. И для насъ, по этимъ чертамъ, обозначилась личность нашего вѣщаго гусляра-пѣснотворца, котораго струны рокотали славу князьямъ въ вѣкъ Владиміра Мономаха, когда между Новгородцами игрою на звончатыхъ гусляхъ славился особенно удалый молодецъ *Ставръ Годиновичъ,* который по словамъ народной пѣсни о немъ—

„Съигрышъ съигралъ Царяграда,
Танцы навелъ Іерусалима,

Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ"...

IV. Г. Дубенскій говоритъ далѣе: „не говорю уже о *нелѣпости* разсказывать, какъ собирается поэтъ, намѣреваясь писать стихи: припоминаетъ сказанія объ усобицѣ, пускаетъ птицъ, и т. д. (стр. 4).

Мой отвѣтъ.—„У всякаго свой вкусъ",—сказалъ г. Дубенскій подъ конецъ своихъ Отмѣтокъ; и не вина пѣвца Игорева, если его *запѣвъ*, въ которомъ такъ многіе находятъ высокую красоту художественную, для г. Дубенскаго кажется *нелѣпостью*! —На мой взглядъ, тутъ *нелѣпостью* было-бы только *пусканье птицъ* (десяти соколовъ) въ томъ смыслѣ, какой придаютъ коментаторы, вымогая изъ словъ пѣсни мнимый обрядъ соколопусканія. И пора же, наконецъ,—по примѣру Граматина—отстать отъ этой пѣснотворческой авгуріи, выдуманной коментаторами, чтобы не натягивать для нея словъ пѣсни на дыбу произвольнаго анализа; но принимая ихъ такъ, какъ они есть, видѣть въ нихъ то, что изображаетъ ими пѣвецъ Игоря объ игрѣ своего вдохновителя на звончатыхъ гусляхъ.—

V. Г. Дубенскій прибавляетъ: „другая несообразность, будто бы сами струны Бояновыхъ гуслей рокотали славу князей: зачѣмъ же Боянъ *клалъ пальцы на струны?* Предполагать надобно въ настоящемъ смыслѣ, что струны были языкомъ перстовъ: кто-же рокоталъ? На это даетъ отвѣтъ пѣвецъ: *они* (муж. р.), т. е. *персты;* а не *оны* (жен. р.), т. е. *струны.* Это *все равно*, согласенъ; но если поэтъ различалъ?" (стр. 4).

Мой отвѣтъ.—Хорошо сказано у Пушкина въ Годуновѣ: „Гудокъ-ли, гусли, намъ все равно!" Но не кстати о Бояновой игрѣ на гусляхъ сказано: персты или струны — *это все равно!* Пѣвецъ *различалъ* дѣйствительно; но у него—*рокочутъ струны*, какъ понимали всѣ, кромѣ г. Дубенскаго, у котораго *рокочутъ персты.*—Въ Игоревой пѣсни, какъ показано выше, не различались буквами *и* и *ы*, мужскій и женскій родъ прилагательныхъ и мѣстоименій, какъ различаются они въ грамматикахъ языка церковно-славянскаго. У пѣвца то различіе дано, что

персты: какъ члены Бояна, названы какъ и онъ — *вѣщими*, и уподоблены десяти *соколамъ*; а *струны*, принадлежность Бояновыхъ гуслей, уподоблены поющимъ *лебедямъ*, и названы *живыми* (какъ и въ старинномъ словѣ о Лазарѣ сказано, что царь Давидъ накладывалъ свои многочестные персты на *живыя струны*). —Для чего Боянъ вскладалъ свои вѣщіе персты? Для того, чтобы передать свое замышленіе живымъ струнамъ: его персты были проводниками къ струнамъ пѣснотворческой думы его; и едва они касались къ струнамъ,—„они же сами князем славу рокотаху“. Тутъ и прибавка къ мѣстоименью *они* другого мѣстоименія *сами* ясно показываетъ, что у Пѣвца была мысль о *самозвонныхъ* струнахъ Бояновыхъ; и въ этомъ представленіи нѣтъ никакой „несообразности“: оно сообразно и съ тѣмъ *физическимъ* свойствомъ, по которому струны сами собою звенятъ, въ отвѣтъ другимъ струнамъ, зазвучавшимъ на тотъ-же тонъ, на который онѣ настроены, и съ *поэтическимъ* представленіемъ о самозвонныхъ струнахъ, о гусляхъ-самогудахъ, объ Эоловой арфѣ, которая нѣкогда такъ плѣнила насъ въ сладкозвучной балладѣ Жуковскаго:

„Двѣ видятся тѣни:
Слiявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ“.

А могутъ-ли звучать, рокотать *они сами* — *пальцы*, какъ утверждаетъ г. Дубенскій? Нѣтъ, сами пальцы могутъ только щелкать глухимъ звукомъ... И если для кого уже *все равно* въ картинѣ игры Бояновой—струны или пальцы, то лучше ему принять, какъ понимали всѣ, кромѣ его, что у Бояна *рокотали сами струны*, и не смотрѣть болѣе сквозь эти *рокочущіе пальцы* на художественное изображеніе Бояновой игры—десятью вѣщихъ перстовъ—соколовъ на живыхъ и самозвонныхъ струнахъ лебедяхъ!

VI.—Г. Дубенскій говоритъ: „толкованіе сіе ведетъ къ страннымъ заключеніямъ и къ анахронизму: будто-бы Боянъ былъ христіанинъ, жилъ даже не въ первыя времена усобицы, гораздо спустя послѣ Святослава I-го“ (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Ничего *страннаго* нѣтъ—ни въ нынѣшнемъ мнѣніи о Боянѣ, что онъ былъ современникомъ Нестора, жилъ и пѣлъ въ вѣкъ Мономаховъ, ни въ прежнемъ мнѣніи, будто Боянъ жилъ во времена до-христіанскія; *анахронизмомъ* же въ наше время я признаю прежнее мнѣніе, которое ничѣмъ не подтверждается въ наукѣ, и по справедливости уступило свое мѣсто нынѣ господствующему мнѣнію, которое можно отвергать, но опровергнуть нельзя, ибо истина неопровержима. Что касается до заключенія о *христіанствѣ* Бояна, то и въ этомъ я ничего не вижу *страннаго*; хотя и не знаю, чье именно мнѣніе объ этомъ преслѣдуетъ г. Дубенскій, ибо я не высказывалъ объ этомъ своего мнѣнія. Теперь могу сказать только, что Боянъ, по всей вѣроятности, былъ *христіанинъ*, и нахожу *страннымъ* и напраснымъ утвержденіе г. Дубенскаго о *язычествѣ* Бояновомъ. Боянъ могъ быть *христіаниномъ*, еслибы даже и можно было доказать, что онъ жилъ до Владиміра І-го, какъ думали первые издатели Пѣсни; ибо христіанство велось въ Кіевской Руси со времени Аскольда. Съ другой стороны, если-бы и можно доказать, что Боянъ былъ *язычникъ*, то это не было-бы ему помѣхою принадлежать вѣку Мономахову. Исторически извѣстно, что въ началѣ XIII вѣка печерянинъ Кукша принялъ мученическую кончину отъ Вятичей за проповѣдываніе христіанства,—слѣдственно были язычники на Руси и черезъ сто лѣтъ послѣ Бояна.

VII.—Г. Дубенскій говоритъ еще, что пѣвецъ Игоря—„въ пяти мѣстахъ упоминаетъ о Боянѣ, называетъ его *соловьемъ*, *Велесовымъ внукомъ*, т. е. *нехристью*, и *вездѣ рѣзко отличаетъ языческій духъ его* пѣснопѣнія отъ христіанскаго, въ которомъ самъ воспѣваетъ своего героя“ (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Вотъ это уже просто коментарныя *выдумки* г. Дубенскаго!—Пѣвецъ Игоря *нигдѣ* въ своей Пѣснѣ не отличаетъ языческаго духа Боянова. Только въ трехъ мѣстахъ Пѣсни приводитъ онъ слова, о которыхъ говорятъ, что они Бояновы, и для насъ драгоцѣнны эти *старыя словеса* Велесова внука. Вотъ они:

1. *Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая;*
Галицы стады бѣжатъ къ Дону великому...

Эти Бояновы слова, пѣтыя Олегу Святославичу (по моему примѣчанію около 1111-го), представляютъ намъ древнѣйшій образецъ русскаго двустишія; но въ нихъ *нѣтъ ничего языческаго.*

2. *Ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду,*
Суда Божія не минути.

Эта *припѣвка* Боянова, сложенная на смерть Всеслава Полоцкаго, по своей мысли *о судѣ Божіемъ*, скорѣе показываетъ въ Боянѣ русскаго *христіанина*, чѣмъ язычника.

3. *Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю;*
Зло ти тѣлу, кромѣ головы.

Это изреченіе Бояново (неизвѣстно о комъ сказанное, кажется о Святославѣ) — по своей мысли о *единствѣ главы съ тѣломъ*, тоже можетъ назваться выраженіемъ — скорѣе *христіанскаго* чѣмъ языческаго духа.

Весьма вѣроятно, что и другія выраженія Бояновыхъ пѣсенъ повторились въ пѣснѣ Игоревой; а иныя выраженія вошли въ нее изъ общей рѣчи первоначальныхъ временъ (какъ, напримѣръ, завѣтныя поэтическія слова—*отень-златъ-столъ*, *стрѣлы-каленыя*, *поле-чистое*, *море-синее*, *красна дѣвица*, *борзый-комонь*, *лютый звѣрь*, т. е. волкъ, какъ это видно и изъ поученія Мономахова). Но когда идетъ дѣло о томъ, какъ отличаетъ пѣвецъ Игоря духъ Бояна, мы не имѣемъ права приписывать ему нашихъ догадокъ, и должны признать заимствованными у Бояна только тѣ выраженія, о которыхъ самъ пѣвецъ говоритъ, что они Бояновы. А изъ трехъ вышеприведенныхъ отрывковъ ни одинъ не обличаетъ языческаго духа; напротивъ, всѣ три могли быть сказаны пѣвцомъ-христіаниномъ,

Величаніе Бояна *соловьемъ* и *внукомъ Велесовымъ* вовсе не означаетъ *нехристи*, какъ протолковалъ г. Дубенскій. — Въ *соловьѣ стараго времени*—ужъ не показался-ли коментатору тотъ древній *соловей*, что, сидючи на девяти дубахъ, залегъ прямоѣзжую дорогу къ Кіеву ровно на тридцать лѣтъ, и поражалъ всѣхъ свистомъ соловьинымъ, шипомъ змѣинымъ, крикомъ звѣ-

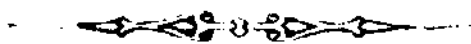
ринымъ—туринымъ!... Но величанье поэта именемъ *соловья*, первѣйшаго изъ пернатыхъ пѣвцовъ, принадлежитъ обще-человѣческому смыслу. Такъ и Державинъ, въ привѣтъ юному Карамзину, указалъ, что и въ прозѣ его слышенъ голосъ *соловьинъ*.

Пѣвецъ Игоря величаетъ своего вдохновителя — *внукомъ* бога *Велеса* въ томъ-же поэтическомъ смыслѣ, въ какомъ онъ и свою обожаемую Русь величалъ — *внукомъ Дажьбожимъ* (т. е. внукомъ солнцевымъ). Но, если по величанію *внукомъ Велесовымъ* г. Дубенскій считаетъ Бояна язычникомъ, послѣ этого у него и *вѣтры* будутъ язычники: вѣдь у пѣвца сказано „се вѣтри *Стрибожи внуци* вѣютъ съ моря стрѣлами!". Если по величанію Велесовымъ внукомъ считать Бояна язычникомъ, то на такомъ же основаніи можно зачислить въ язычество и всю свѣтлую семью нашихъ поэтовъ XIX вѣка, которые величали другъ друга и питомцами, и поклонниками латино-эллинскихъ Музъ, Грацій, Харитъ, Феба, Зевса и прочихъ. Поэтъ Языковъ самъ себя называлъ *сыномъ Камены*, и въ то же время пѣлъ онъ:

„Кому, о Господи доступны
Твои Сіонски высоты!"...

М. Максимовичъ.

1856 г. 14 февраля. Михайлова-Гора.

III.

Воспоминаніе о Тимковскихъ.

„*Воспоминаніе*“ это въ собственноручной рукописи М. А. Максимовича было найдено нами между разными бумагами, которыя остались послѣ смерти его двоюроднаго брата Василія Ильича Тимковскаго и о которыхъ мы говорили въ своей статьѣ „Илья Өедоровичъ Тимковскій [1]). Написано оно было, какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ, сохранившихся между тѣми-же бумагами, по слѣдующему поводу. Когда Московскій университетъ приготовлялся праздновать столѣтній юбилей своего существованія, предполагалось къ этому юбилею, кромѣ извѣстнаго „Біографическаго словаря профессоровъ Московскаго университета“, издать біографическій словарь замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ этого университета. Собирая матеріалъ для этого словаря, С. П. Шевыревъ письменно просилъ М. А. Максимовича написать для него біографіи пяти братьевъ Тимковскихъ, воспитывавшихся въ Московскомъ университетѣ. Въ исполненіе этой просьбы, Максимовичъ послалъ Шевыреву изъ Михайловой-Горы настоящее „*Воспоминаніе*“ при слѣдующемъ письмѣ отъ 27 октября 1854 г.

„Письмомъ Вашимъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, отъ 12 іюля, Вы возложили на меня пріятную обязанность—написать біографіи моихъ дядьевъ Тимковскихъ для Вашего „Сло-

[1]) Кіевская Старина 1891 г. №№ 8, 9 и 10.

варя питомцевъ Московскаго университета". Но я и до сихъ поръ не получилъ ни изъ Сѣверіи [1]), ни изъ сѣверной столицы [2]), необходимыхъ для того писемъ и послужныхъ списковъ; а здѣсь на Украинѣ не осталось въ живыхъ уже никого отъ прежней Тимковщины.

Не взыщите же, если вмѣсто ожидаемыхъ Вами біографій, при моихъ недостаточныхъ для того матеріалахъ, напишу Вамъ теперь лишь краткое *Воспоминаніе*... Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! Михаилъ Максимовичъ".

Какъ извѣстно, предполагавшійся къ изданію „Словарь питомцевъ Московскаго университета" не былъ изданъ, послѣ чего предназначавшееся для него „*Воспоминаніе*" М. А. Максимовича было возвращено автору И. Д. Бѣляевымъ въ 1858 году.

Впослѣдствіи, какъ видно изъ писемъ М. А. Максимовича, онъ думалъ, расширивъ эту статью, написать болѣе обстоятельныя и подробныя біографіи пяти братьевъ Тимковскихъ. Въ письмѣ отъ 11 февраля 1872 г., при которомъ настоящее „*Воспоминаніе*" было прислано М. А. Максимовичемъ его двоюродной сестрѣ Е. И. Андреевой, говорится о немъ: оно (т. е. „Воспоминаніе"), какъ было написано наскоро еще въ 1854 г. для С. П. Шевырева, такъ и не было читано мною даже до сего дня съ 1858 года, въ которомъ я выручилъ это мое „Воспоминаніе о Тимковскихъ" уже изъ рукъ И. Д. Бѣляева въ Москвѣ". Далѣе, разрѣшая оставить эту рукопись, какъ автографъ, себѣ на память, М. А. Максимовичъ продолжалъ: „а для меня спишите *вѣрную копію*, и при ней приложите побольше прибавленій, исправленій обо всѣхъ дядьяхъ моихъ, особенно же критически Вы, Ильичи, прочтите *его* (т. е. Ильи Ѳедоровича) біографію. Не можете ли достать изъ архи-

[1]) Очевидно, М. А. Максимовичъ разумѣлъ отстоящую въ 45 верстахъ отъ г. Новгородсѣверска дер. Турановку, гдѣ въ то время жило семейство умершаго въ 1853 году Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.

[2]) Въ Петербургѣ въ то время проживали дядя М. А. Максимовича Егоръ Ѳедоровичъ Тимковскій, воспоминанія котораго мы помѣстили въ Кіевской Старинѣ, и вышеупомянутый Василій Ильичъ Тимковскій.

вовъ послужныхъ списковъ *Ивана* и особенно *Василія* Ѳ.? Выпросите у Егора Ѳ. для меня продолженіе его службы, или послужного списка его, со времени переселенія его въ Петербургъ 1844 г. Все это въ свое время будетъ обнародовано, если Богъ пошлетъ вѣку Михайлогорскому любителю родной старины. Отцовская, Максимовичевская, уже обнародована еще въ сороковыхъ годахъ, въ моей „Бубновской сотнѣ“ [1]; материнская, *Тимковщина*, лежитъ на душѣ,—и грустно мнѣ было-бы не выдать ее въ свѣтъ“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 3 іюня 1872 г. изъ Москвы онъ писалъ Василію Ильичу Тимковскому: „собирай неустанно свѣдѣнія о *пяти братьяхъ*, дядьяхъ моихъ, и сообщи все, что уже успѣлъ собрать, мнѣ на Михайлову Гору. Тамъ на просторѣ надднѣпровскомъ, коли Богъ пошлетъ силу и вдохновеніе, воспроизведется Тимковщина на память добрымъ людямъ будущихъ поколѣній“.

Однако въ позднѣйшемъ письмѣ, отъ 28 января 1873 г., рѣчь клонится уже къ тому, чтобы этотъ трудъ взялъ на себя В. И. Тимковскій; можетъ быть, старость и болѣзни, на которыя М. А. Максимовичъ жаловался въ своихъ письмахъ, лишили его увѣренности въ томъ, что онъ исполнитъ обѣщаніе, данное въ двухъ предъидущихъ письмахъ. Передавая В. И. Тимковскому въ этомъ письмѣ поклонъ отъ своихъ дѣтей, Максимовичъ прибавляетъ: „имъ хорошо уже извѣстно, что лучшая сторона моего бытія отъ рожденія и до старости—*Тимковщина*. Мнѣ весело и перомъ написать тебѣ это, помнится, сказанное въ нашихъ майскихъ личныхъ бесѣдахъ. Въ ту пору были у насъ съ тобою и рѣчи и чтенія—для біографіи пяти братьевъ Тимковскихъ, нѣкогда означенной мною въ скоропоспѣшномъ очеркѣ, для покойнаго Шевырева написанномъ. Отлагать эту біографію въ долгій ящикъ не должно. Всего лучше, если-бъ и окончательную обработку ея, и изданіе въ

---

1) Статья эта была напечатана въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ 1848 г. № 11 и 1849 г. №№ 4 и 6; въ собраніи сочиненій М. А. Максимовича она помѣщена въ 1-мъ томѣ.

свѣтъ ты взялъ на себя, при помощи нашихъ благонадежныхъ Новгородсѣверцовъ Заблоцкихъ [1]). Всего лучше издать ее особою книжкою, а не то—въ „Старинѣ“ Семевскаго, такъ какъ корректуру вы въ Питерѣ сообща держать можете [2])“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 5 февраля 1873 г., посылая В. И. Тимковскому одно изъ писемъ Василія Ѳ. Тимковскаго, Максимовичъ говоритъ: „Еще много подобнаго матеріала могу я сообщить тебѣ, если ты скажешь мнѣ, что ты съ Заблоцкимъ берешь на себя собрать и издать довлѣющую тебѣ въ особенности *Тимковщину*“.

То-же самое обѣщаніе повторяетъ онъ и въ письмѣ отъ 9 марта 1873 г., въ которомъ, вспоминая о майскомъ свиданіи своемъ съ Тимковскимъ, приводитъ свои стихи:

„Не годами жизнь считай,
А часами счастья;
Часъ одинъ въ цвѣтущій май
Лучше дней ненастья“.

Въ этомъ же письмѣ, жалуясь на свое нездоровье, Максимовичъ говоритъ: „Плохо мнѣ можется послѣ іюньскаго пребыванія въ Москвѣ и сентябрьскаго въ Кіевѣ, такъ что нынѣшній я не гожусь и въ подметки тому *я*, какимъ видѣли вы, меня въ незабвенные для меня 15 дней прошлогодняго мая; такъ мало у меня въ нынѣшнюю зиму здоровья, и каждый присѣстъ за письменный столъ не остается безъ большого утомленія глазамъ, головѣ и позвоночному хребту моему“.

Затѣмъ съ письмомъ отъ 9 мая 1873 г. Максимовичъ послалъ В. И. Тимковскому три письма Романа, Василія и

---

[1]) Рѣчь идетъ объ Андреѣ и Павлѣ Парфеновичахъ Заблоцкихъ—Десятовскихъ, которые воспитывались въ новгородсѣверской гимназіи.

[2]) Изъ другого письма Максимовича, отъ 3 мая 1872 г., видно, что составляющую предметъ переписки М. А. Максимовича съ В. И. Тимковскимъ біографію пяти братьевъ Тимковскихъ уже просилъ у Максимовича для „Русскаго Архива“ Бартеневъ, собиравшійся перепечатать изъ „Москвитянина“ 1852 г. записки И. Ѳ. Тимковскаго (которыя и были перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г.).

Ивана Өедоровичей Тимковскихъ, какъ матеріалы для ихъ біографій, изъ чего надо заключать, что Василій Ильичъ взялъ на себя тотъ трудъ, который хотѣлъ передать ему М. А. Максимовичъ.

Но въ то время, когда эта переписка происходила, Василій Ильичъ уже потерялъ зрѣніе на одинъ глазъ, и то же самое угрожало другому глазу. Совѣтуя ему беречь этотъ глазъ, М. А. Максимовичъ еще 19 марта 1872 г., писалъ ему: „Страждущій издавна, съ 1829 г., незрячестью праваго глаза и полузрячестью лѣваго, способнаго съ той поры на чтеніе и письмо только при дневномъ свѣтѣ, нынѣ и при немъ уже устающаго отъ 2—3 часоваго чтенія, иногда до головной боли на цѣлыя сутки,—я сердечно скорбѣлъ о твоей очной недужности; и если бы я—по старшинству и лѣтъ моихъ, и даже моей полузрячести, позволилъ себѣ братское право присовѣтовать тебѣ нѣчто во здравіе твоихъ очей, то я просилъ бы тебя на нынѣшнее лѣто, покинувъ Петербургъ, переселиться въ родимые бальзамическо-тѣнистые сосновые лѣса Сѣверскіе, имѣя при себѣ чтеца и писца, чтобъ не трудить своего *ока* ни на что, даже и на такое милое письмо, какимъ теперь я обрадованъ, но благодарный тебѣ за него, не удержусь сказать, что оно могло бы быть написано подъ твою диктовку, и только подписано твоею рукою власною, которую жму теперь мысленно".

Этотъ же совѣтъ М. А. Максимовичъ повторялъ и въ другихъ письмахъ; но, привыкши къ Петербургу, В. И. Тимковскій не могъ переселиться въ Турановку, когда-то очень оживленную, а затѣмъ покинутую и опустѣвшую, гдѣ, между бумагами умершаго въ 1853 году Ильи Ө. Тимковскаго, сложенными въ трехъ большихъ сундукахъ, было и много матеріаловъ для біографій всѣхъ пяти братьевъ Тимковскихъ, которыя М. А. Максимовичъ и В. И. Тимковскій все собирались написать. Оба они обмѣнивались нѣкоторыми біографическими матеріалами; по желанію В. И. Тимковскаго, М. А. Максимовичъ доставлялъ ему автографы его дядей, а между тѣмъ у самого

В. И. Тимковскаго, въ его Турановкѣ, лежали сложенныя въ сундукахъ цѣлыя сотни писемъ этихъ дядей, повидимому никѣмъ послѣ смерти Ильи Ѳ. Тимковскаго не тронутыя...

Чрезъ непродолжительное время послѣ того умерли и М. А. Максимовичъ, и остававшійся въ живыхъ одинъ изъ пяти братьевъ Тимковскихъ, Егоръ Ѳедоровичъ, и братья Заблоцкіе-Десятовскіе, на возможное содѣйствіе которыхъ задуманному составленію біографій М. А. Максимовичъ указывалъ въ своихъ письмахъ; а В. И. Тимковскій совершенно потерялъ зрѣніе на оба глаза. Понятно, что, не собравшись до тѣхъ поръ составить упомянутыя біографіи, онъ съ потерею зрѣнія, пересталъ думать о нихъ. И такимъ образомъ, не смотря на то, что въ теченіе очень долгаго времени, какъ М. А. Максимовича, такъ и В. И. Тимковскаго занимала мысль расширить болѣе подробными біографическими свѣдѣніями ту статью о пяти братьяхъ Тимковскихъ, которую М. А. Максимовичъ, по просьбѣ Шевырева, составилъ для несостоявшагося изданія словаря замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго университета, статья эта осталась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была написана М. А. Максимовичемъ въ 1854 году.

Хотя главнѣйшіе факты, сообщаемые въ этой статьѣ, читателямъ „Кіевской Старины“ уже извѣстны—отчасти изъ Воспоминаній Егора Ѳед. Тимковскаго [1]) и отчасти изъ нашей статьи, посвященной Ильѣ Ѳед. Тимковскому [2]), но тѣмъ не менѣе статья эта представляетъ интересъ по личнымъ отзывамъ М. А. Максимовича о братьяхъ Тимковскихъ, которыхъ онъ зналъ, какъ своихъ родныхъ дядей, и изъ которыхъ особенно близокъ ему былъ Илья Ѳ. Тимковскій, какъ бывшій его наставникъ. Притомъ уже одна не оставлявшая въ теченіе многихъ лѣтъ М. А. Максимовича (какъ видно изъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ писемъ его) забота его о томъ, чтобы въ печати было сказано слово о „*Тимковщинѣ*“, которой, по его выра-

---

1) Кіевская Старина 1894 г. № 3.

2) Кіевская Старина 1891 г. №№ 8, 9 и 10.

женію, онъ считалъ себя обязаннымъ лучшею стороною своего бытія,—обязываетъ насъ, найдя рукопись М. А. Максимовича, подѣлиться съ читателями тѣмъ, что онъ сказалъ по этому предмету. Дополняя изданныя до сихъ поръ сочиненія М. А. Максимовича, статья эта, полагаемъ мы, не можетъ найти для себя лучшаго мѣста, какъ въ той книгѣ „Кіевской Старины", которая посвящается уважаемой его памяти.

Н. Шугуровъ.

Родоначальникомъ Тимковскихъ былъ козакъ Бубновской сотни *Тимко* (Тимофей Антоновичъ), вышедшій изъ Заднѣпровской Украины послѣ замиренія Прутскаго.

Его сынъ *Василь Тимченко* переселился изъ Бубнова въ Переяславъ и, служа тамъ въ козакахъ Терехтемировской сотни, былъ во всѣхъ походахъ Турецкой войны, веденной Минихомъ. Послѣ того онъ постригся въ монахи Печерской Лавры подъ именемъ Виталія [1]); скончался въ іюнѣ 1749 года и погребенъ у сѣверныхъ вратъ Великой церкви.

Тогда и старшій сынъ его *Назаръ Васильевичъ Тимковскій* (женатый на дочери Переяславскаго городоваго атамана Ивана Просяницкаго, Анастасіи), бывшій вмѣстѣ съ отцемъ въ походѣ Хотинскомъ, оставилъ свою войсковую службу, и въ августѣ 1749 года принялъ отъ епископа Никодима посвященіе въ настоятели Покровской церкви въ селѣ Войтовцахъ подъ Переяславомъ. Тамъ надъ р. Ильтицею (Альтою) поставилъ онъ себѣ въ 1750 году домъ, въ которомъ и скончался спустя сорокъ лѣтъ. Невдалекѣ отъ Войтовецкой церкви, на степной могилѣ, служившей тогда сельскимъ кладбищемъ, лежитъ и теперь маленькій надгробный камень его.

У него было четыре сына: Ѳедоръ, Иванъ, Андрей и Демьянъ. Старшій *Ѳедоръ Назарьевичъ*—отецъ моей матери—родился 1739 года въ Переяславѣ; обучался въ здѣшней же

---

[1]) По другимъ матеріаламъ—Вассіана. Н. Ш.

коллегіи или семинаріи; прослужилъ 10 лѣтъ въ Перво-переяславской сотнѣ, а потомъ 8 лѣтъ былъ Переяславскимъ почтмейстеромъ, получивъ на этой должности чинъ полкового есаула. Въ то время (около 1770 года) женился онъ на Аннѣ Савичнѣ Терлецкой, дочери войскового товарища Саввы Григорьевича Терлецкаго (родившагося ва селѣ Шабельникахъ, что возлѣ Бубнова, 1712 г., и скончавшагося 1764 года). На ея деньги купилъ дѣдъ мой (у свояка своего Кирьяка Петрашевича) хуторъ на рѣчкѣ Згари, верстахъ въ десяти отъ Золотоноши. Этотъ хуторъ—моя родина, съ той поры сталъ называться въ народѣ *Тимковщиною*, а въ семьѣ Тимковскихъ звали его, по имени рѣчки, *Згарью*. Съ 1776 года Ѳедоръ Назарьевичъ служилъ въ Золотоношѣ подсудкомъ; а когда, по преобразованіи Малороссіи въ три намѣстничества, въ 1782 году учрежденъ Золотоношскій уѣздный судъ, тогда въ него выбраны были на первое трехлѣтіе—судьею прадѣдъ мой Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ, а засѣдателемъ—дѣдъ мой Тимковскій, утвержденный въ эти годы и въ дворянствѣ, и въ чинѣ коллежскаго асессора. Послѣ того онъ, живя въ своемъ Згарскомъ хуторѣ, завѣдывалъ дѣлами графа А. А. Безбородко, по которымъ ѣздилъ и въ Петербургъ 1788 года. Обходя каждый день свою степь до Острой могилы, онъ предназначалъ и себѣ могилу на ней; но смерть пришла къ нему въ родномъ Переяславѣ, 29 августа 1790 года.

Иванъ Назарьевичъ Тимковскій, недолго служившій въ полковой канцеляріи Переяславской, а потомъ въ малороссійской коллегіи въ Глуховѣ; ѣздилъ въ Петербургъ; тамъ квартируя на Щукиномъ дворѣ у нѣмца столяра, выучился у него мастерству, и съ этимъ пріобрѣтеніемъ вернулся въ Переяславъ 1774 года. По дружбѣ съ братомъ, онъ занимался устроеніемъ Згарскаго хутора его; а по его смерти посвятилъ себя его семейству, и былъ въ немъ почитаемъ за второго отца. Когда всѣ племянники его были уже переданы Москвѣ, а племянницы выданы замужъ, тогда онъ сталъ ежегодно удаляться въ Печерскую Лавру, либо въ Мошногорскій монастырь для молитвы и

суровыхъ трудовъ послушника; и только въ лѣтнее время приходилъ на Згарь, сотрудничать своей невѣсткѣ. Когда же, въ маѣ 1813 года онъ поставилъ на ея могилѣ, своеручный дубовый крестъ—(который и до нынѣ тамъ, на Згарской левадѣ, подъ развѣсистою грушею)—тогда мірской трудъ своей жизни назвалъ онъ конченнымъ, и простился навсегда съ Тимковщиною.—Въ Печерской Лаврѣ, 1834 года, я засталъ еще живое преданіе о достопамятномъ послушникѣ; мнѣ почтенный о. типографъ Веніаминъ съ уваженіемъ указывалъ на ту келью подъ каштановымъ деревомъ, гдѣ жилъ смиренный Иванъ Назарьевичъ. Но въ Мошногорскомъ монастырѣ, гдѣ провелъ онъ послѣдніе годы свои въ непрестанномъ трудѣ церковномъ,—мнѣ 1851 года никто уже не могъ указать могилы, въ которой онъ положенъ, въ сентябрѣ 1823 года.

У Ѳедора Назарьевича было 6 сыновей и 3 дочери; но второй сынъ *Ефимъ* умеръ на 15 году; питомцами Московскаго университета были 5 братьевъ—*Илья*, *Иванъ*, *Василій*, *Романъ* и *Егоръ*. Старшая сестра ихъ *Татьяна*, родившаяся 1771 г., была за Иваномъ Игнатьевичемъ Прохоровичемъ, на р. Чумгакѣ, (гдѣ и теперь остается у чужихъ людей Войтовецкій домъ прадѣда моего Назарія съ дубовымъ сволокомъ искусной рѣзьбы, мастера Ѳедора Шумскаго, и съ надписью: „изволеніемъ Бога Отца, благоволеніемъ Господа нашего Іисуса Христа, дѣйствіемъ святаго Духа создался домъ сей мѣсяца януарія, 22 дня 1750 года). Другая сестра *Марья* (род. 1786 г., сконч. 1851 г.) была за Саввою Ѳедоровичемъ Самусемъ, въ Самусёвкѣ за Сулою. Третья *Гликерія*, моя мать, родившаяся 13 мая 1788 г., выдана въ замужество въ Прохоровку надъ Днѣпромъ, 1803 г., а скончалась 22 іюля 1829 г. въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ.

Илья Ѳедоровичъ Тимковскій—родился въ Переяславѣ, 1773 года 15 іюля. Учился грамотѣ онъ тамъ же, гдѣ учились всѣ братья и сестры его, въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ; послѣ того перешелъ онъ, черезъ Переяславскія школы, въ академію Кіевскую, 1784 года; а изъ нея

въ 1789 году отправленъ въ Московскій университетъ, гдѣ про былъ до 1797 года, получивъ тамъ золотую и три серебряныхъ медали. Въ февраля 1797 года отправленъ отъ университета въ Петербургъ на службу, по требованію генералъ-прокурора князя А. Б. Куракина. Тамъ онъ былъ сперва преподавателемъ Россійскаго Правовѣдѣнія въ Сенатскомъ юнкерскомъ институтѣ; 1801 года поступилъ въ сенатскіе секретари; а 1802 года былъ четыре мѣсяца при дѣлахъ Министра Юстиціи Г. Р. Державина. Въ то время представилъ онъ Министру Народнаго Просвѣщенія графу П. В. Завадовскому своего сочиненія „книгу систематическаго расположенія законовъ Россійскихъ", за которую удостоился Высочайшаго благоволенія и брильянтоваго перстня, а книга передана была въ коммиссію сочиненія законовъ. Въ началѣ 1803 года Илья Ѳедоровичъ Высочайше назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ Россійскаго Правовѣденія и судопроизводства въ Харьковскій университетъ, въ открытіи и первоначальномъ устройствѣ котораго былъ онъ дѣятельнымъ участникомъ. Служа 8 лѣтъ профессоромъ, онъ былъ постояннымъ визитаторомъ Харьковскаго округа и открывалъ по разнымъ городамъ гимназіи, въ томъ числѣ и Новгородсѣверскую гимназію 1808 г. Директоромъ въ нее опредѣлился заслуженный старецъ, статскій совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Халанскій,—на дочери котораго, Софьѣ Ивановнѣ, и женился тогда Илья Ѳедоровичъ (того же года была у него замѣчательная встрѣча въ Печерской Лаврѣ съ послушникомъ Иваномъ, незабвеннымъ дядей его, котораго называлъ онъ „Иваномъ великимъ").

Спустя три года, Илья Ѳедоровичъ, по болѣзни, оставилъ Харьковскій университетъ и поселился въ Турановкѣ, на р. Шосткѣ (въ 18 верстахъ отъ Глухова), гдѣ доживалъ свой вѣкъ Николай Демьяновичъ Туранскій, дядя и крестный отецъ жены его, подарившій ей свое помѣстье.—По случаю ополченія, бывшаго въ отечественную войну, Илья Ѳ. былъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго то ополченіе. Потомъ, по дворянскимъ выборамъ, прослужилъ онъ съ 1818 года трехлѣ-

тіе Глуховскимъ повѣтовымъ судьею и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а потомъ по губернскимъ выборамъ былъ онъ 1823 года генеральнымъ судьею.—Когда же въ Новгородѣсѣверскомъ скончался столѣтній тесть его, тогда, по предложенію Харьковскаго попечителя А. А. Перовскаго, Илья Ѳ. въ 1825 году принялъ должность директора Новгородсѣверской гимназіи. Эту гимназію,—которой питомцемъ былъ и я (съ 1812 до 1819 г.),—мой дядя любилъ, какъ дитя свое,—былъ въ ней весь—до изнеможенія силъ,—и поставилъ ее на высокую степень совершенства. Помню его живую скорбь, когда пронесся первый слухъ о переводѣ ея въ Нѣжинъ, для поддержанія Лицея (которому учрежденіе университета въ Кіевѣ, съ нѣсколькими гимназіями, грозило упадкомъ);— „глядя на нее неспокойно,“ говорилъ онъ, „думаю: ужели тебя мнѣ не видѣть!“ Послѣ того, когда слухъ о томъ-же снова пробудился, онъ опять писалъ ко мнѣ въ Кіевъ: „покушенія противъ нея такъ пали мнѣ на душу, что, о чемъ ни думаю, приходитъ пожалѣть объ нихъ, и тѣмъ вспадаю на Катонову присловицу каждой рѣчи: ergo Carthago delenda!“ Но съ назначеніемъ особой гимназіи при Нѣжинскомъ лицеѣ, на Ларинскую сумму, успокоился незабвенный директоръ Новгородсѣверскій; а между тѣмъ окончился узаконенный срокъ службы его; и онъ въ октябрѣ 1838 года получилъ увольненіе отъ директорства, на которомъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника (1831), орденомъ св. Станислава 3 степ. (1838) и тысячью десят. земли въ Саратовской губерніи; да сверхъ директорскаго жалованья ему (съ 1835 г.) производился прежній профессорскій пенсіонъ.

Послѣ того Илья Ѳ. доживалъ свой вѣкъ въ Турановкѣ въ непрестанномъ попеченіи о семьѣ своей и хозяйствѣ,—ежедневной бесѣдѣ съ музами, особенно Овидіевой и Виргиліевой, а во всѣ церковныя службы онъ читалъ и пѣлъ въ садовой церкви своей на клиросѣ, наслѣдовавъ это мѣсто послѣ дяди своего Туранскаго. Та церковь поставлена еще первымъ владѣльцемъ Турановки, когда былъ тутъ и скитокъ, какіе въ тѣ поры были разсѣяны по всей Малороссіи. Объ этомъ говоритъ и надпись

на евангеліи, кіевской печати, 1712 года: „книга святое евангеліе, офѣрованное его милостію паномъ Алексѣемъ Михайловичемъ Туранскимъ, судьею войска Е. И. П. В. Запорозкаго генеральнымъ, до церкви Божіей храму Воведенія Пресвятой Богородицы въ скитку хутора Турановцѣ, его же власнымъ коштомъ построенной въ року 1714 февруарія 9 дня".

Не видавши моего дяди съ 1827 года, (когда онъ привозилъ въ Москву старшаго сына своего *Николая* для опредѣленія въ университетъ), я посѣтилъ его въ сентябрѣ 1849 г. по пути въ Москву. Десятилѣтнее пребываніе послѣ службы, среди сосновыхъ боровъ Турановскихъ возстановило и укрѣпило его силы тѣлесныя; а душа его съ годами яснѣла все болѣе. Заслушиваясь занимательныхъ разсказовъ его о нашей родной старинѣ и о событіяхъ великаго русскаго міра въ переходѣ прошлаго вѣка въ нынѣшній,—я просилъ его приняться за записки... И еще въ Москвѣ, къ свѣтлому празднику, я имѣлъ удовольствіе получить отъ него драгоцѣнную *писанку*—цѣлое сказаніе, за зиму написанное, которое потомъ и напечаталъ онъ подъ названіемъ „*Мое опредѣленіе въ службу*" (въ Москвитянинѣ 1852 года).—Въ слѣдующую зиму, по просьбѣ Погодина, написалъ Илья Ѳедоровичъ свои воспоминанія о Московскомъ университетѣ, названныя *памятникомъ Шувалову* (напечатаны въ Москвитянинѣ 1851 года). Такъ черезъ 40 лѣтъ возобновилъ онъ свое авторство, оставленное послѣ двухъ рѣчей (о помѣстьяхъ, и на смерть Рижскаго) и книги, напечатанной 1811 года—„Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка". Въ тѣ поры онъ написалъ и на латинскомъ языкѣ—„Сравненіе Юстиніановыхъ законовъ съ россійскими", за которое геттингенское общество признало его своимъ членомъ, 1809 года. Докторомъ философіи Харьковскій университетъ призналъ его въ 1807 году; а докторомъ обоихъ правъ онъ признанъ въ 1805 году отъ университета Московскаго. Тамъ, еще въ студентствѣ, онъ печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ свои литературные опыты въ стихахъ и прозѣ,—въ томъ числѣ и заказные стихи на новый 1797 годъ, въ Московскихъ

вѣдомостяхъ, о которыхъ онъ воспоминаетъ въ своемъ „опредѣленіи въ службу“, гдѣ онъ ужъ подлинно сказать—тряхнулъ стариною. Написалъ онъ въ послѣднее время еще три небольшія статьи (посланныя въ Москвитянинъ): о Дажьбогѣ, сцены изъ своего судейства и о малороссійскомъ пчеловодствѣ. Эту послѣднюю онъ прочелъ мнѣ 1852 года, когда пріѣзжалъ въ Турановку къ Ильину дню; и потомъ онъ повезъ меня на телѣжкѣ верстъ семь, на конецъ своего бора, проложенною имъ дорогою—похвалиться своею новозаложенною пасѣкою. Тамъ на крестѣ (какіе ставятся во всѣхъ малороссійскихъ пасѣкахъ) прочелъ я годъ и день основанія—1852 г. 21 мая, а подъ ними—начальный стихъ Виргиліевой Георгики о пчеловодствѣ.

Aërei mellis coelestia dona.

Такъ у него во всемъ—проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики, да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосторонняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Гораціемъ.

Водворясь въ Сѣверіи, онъ сорокъ лѣтъ не видалъ родной Украины и не собирался ее увидѣть. Но 1852 года онъ говорилъ со мною объ нашей родинѣ уже съ примѣтною грустію и въ день отъѣзда моего послѣ обѣда далъ мнѣ для памяти двѣ записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ я слѣдующія строки: „неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и взросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкассы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобъ я могъ тамъ, хоть на недѣлю времени, подышать свободно?—

И. Т. 1852 авг. 17.

Ite meae quondam felix pecus, ite capellae!“

Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика и въ самомъ стихѣ Виргиліевой буколики, вызванномъ игрою словъ И. Т.,—послышалось мнѣ грустное предвѣстіе.—

Въ слѣдующемъ февралѣ, 15 числа 1853 года, послѣ 12 дневной болѣзни, скончался онъ въ 3 часа ночи, въ полной памяти до послѣдней минуты, благословивъ трехъ дочерей и маленькихъ внучатъ своихъ (Андреевыхъ). Гробъ положенъ въ Турановской церкви, у южнаго входа.

Вспомянувъ полный кругъ его жизни, можно сказать слова псалмопѣвца: „дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ же семьдесятъ лѣтъ; аще же въ силахъ осмьдесятъ лѣтъ; и множае ихъ трудъ и болѣзнь“.

Иванъ Ѳедоровичъ Тимковскій—о немъ знаю только по семейному преданію какъ о прекраснѣйшемъ цвѣтѣ Тимковщины. Родился онъ въ Ивановъ день (24 іюня), 1778 года, въ селѣ Деньгахъ, верстахъ въ 10 отъ Золотоноши (гдѣ жилъ въ тѣ годы дѣдъ мой, въ дому своей тещи Терлецкой, по ея завѣщанію). Учился въ Кіевской Академіи, а въ 1793 году отвезенъ въ Москву дядею Иваномъ Назарьевичемъ. По выходѣ изъ университета, Иванъ Ѳедоровичъ поступилъ на службу, во время коронаціи Императора Александра, въ канцелярію графа Воронцова; потомъ служилъ въ коммиссіи сочиненія законовъ и скончался въ Петербургѣ, на 30 году жизни—въ февралѣ 1808 года.—

Онъ любилъ переводить книги съ нѣмецкаго и англійскаго, но изъ напечатанныхъ переводовъ его извѣстны мнѣ только два: романъ Лафонтена *Природа и любовь*, М. 1799, повторенный и Никольскими изданіями,—и *Полное собраніе сочиненій Геснера* М. 1830.

Василій Ѳедоровичъ Тимковскій—родился 1781 года, 10 марта, въ селѣ Деньгахъ; учился въ Кіевской академіи, потомъ въ Московскомъ университетѣ.—Были на него семейные виды, чтобы задержать его въ академіи; да и тогда, какъ онъ въ первый разъ выбрался въ Москву, случай остановилъ его: въ началѣ дороги (подъ Нѣжиномъ) встрѣтилъ онъ брата Ивана, ѣду-

щаго на родину и вернулся, чтобы потомъ вмѣстѣ доѣхать до Москвы; но когда они, посѣтивъ Кіевъ, переѣхали черезъ Днѣпръ, ихъ разбили лошади, и переломленная нога Василія задержала его опять на Украинѣ. А между тѣмъ душа его рвалась на сѣверъ, къ дѣятельности гражданственной, для которой, казалось, и родился онъ, одаренный способностями блестящими. Съ ними онъ развивалъ въ себѣ чувство непреклонной, немолчной правды, изучая любимаго своего писателя Плутарха, по которому и составлялъ себѣ идеалъ жизни.—Не ранѣе какъ на 30-мъ году онъ отправился (въ февралѣ 1810 г.) изъ Москвы въ Петербургъ, для опредѣленія въ службу; но и тамъ болѣе года еще оставался онъ безъ государственной службы,—домашнимъ секретаремъ И. С. Мордвинова, въ дому котораго и жилъ онъ.—Наконецъ въ 1812 году сталъ онъ на службѣ подъ начальствомъ государственнаго секретаря А. С. Шишкова, которому и былъ онъ неотлучнымъ спутникомъ и сотрудникомъ въ достопамятное странствіе ихъ по европейскому западу въ отечественную войну, вслѣдъ за Императоромъ Александромъ.—

Въ маѣ 1816 года Василій Θедоровичъ назначенъ былъ въ правители канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ Бессарабской области, но оттуда онъ воротился въ Петербургъ 1818 года и перемѣстился изъ Государственной канцеляріи въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ занимался преимущественно дѣлами азіятскими. Въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ 1820 года отряженъ былъ въ Оренбургъ, въ качествѣ предсѣдателя пограничной коммиссіи (въ составѣ которой находились А. Пр. Левшинъ и князь П. Д. Черкаскій); но въ слѣдующемъ году онъ вызванъ въ Петербургъ и оттуда 1822 года отправился на службу въ Грузію, по приглашенію А. П. Ермолова.—

Описывая путь свой до Тифлиса (въ письмѣ къ моей матери, отъ 13 ноября 1822 г.), онъ говоритъ между прочимъ: „Сентября 8-го, прорѣзавшись сквозь толпы ярмаркующихъ въ Золотоношѣ, прибылъ въ Згарь по полудни рано... Почитаю излишнимъ изъяснять тебѣ мои чувствованія разнообразныя при свиданьи съ сестрою, при видѣ и посѣщеніи левады въ пребы-

ваніе подъ кровомъ дому родительскаго, подъ сѣнію величественныхъ дубовъ згарскихъ, или на Острой-могилѣ, и пр. и пр.!!.. Октября 4 выѣхалъ я изъ Самусёвки; по дорогѣ посѣтилъ П. И. Булюбаша въ Гринькахъ; сестра провожала меня до Рублёвки, послѣдней станціи подлѣ Кременчуга. Тутъ разстались мы въ горести; тутъ оставилъ я родину и кругъ родныхъ, въ которомъ безпрестанно почти, начиная отъ самаго Петербурга, находился... Я почувствовалъ себя странствующимъ рыцаремъ службы, въ коемъ никто не принимаетъ живаго участія"...

Въ 1824 году оставилъ онъ вредный для его здоровья Тифлисъ, и, пробывъ въ Петербургѣ до 1826 года, отправился въ Бессарабію, на должность гражданскаго губернатора. Но онъ былъ тогда уже въ упадкѣ духа и тѣла, заплативъ собою —какъ говорилъ онъ—дань Плутарху. Въ концѣ 1829 года воротился въ Петербургъ, гдѣ и докончилъ въ одиночествѣ грустную жизнь свою, 3 декабря 1832 года. В. А. Жуковскій и нѣсколько другихъ его друзей и почитателей хотѣли почтить его могилу памятникомъ и собрали для того сумму; но я слышалъ, что одинъ пріятель покойнаго, на котораго возложено было это дѣло, не исполнилъ его.—

Въ книжномъ мірѣ имя его осталось на его студентскомъ переводѣ книги Галема—*Жизнь графа Миниха*, М. 1806 г.; была еще въ Кіевѣ 1796 г. напечатана in 4⁰ книжка стихотвореній (которыми академія привѣтствовала новаго митрополита Іерофея) подъ названіемъ „Радостныя чувствованія Музъ"; тамъ первую оду, нѣсколько эпиграммъ и сравненіе временъ года съ человѣческою жизнію „сочинилъ Василій Тимковскій, ученикъ Россійскаго стихотворенія"; къ переводамъ его принадлежитъ и „Путешествіе Морица по Англіи", М. 1804 года.—

Но изъ того, что писалъ Василій Ѳедоровичъ въ зрѣлые годы, ничего не издано въ свѣтъ. Его любимая наука была исторія; и бывши въ Бессарабіи въ 1816 году, написалъ онъ *Исторію Бессарабіи*; но объ ней говорилъ онъ мнѣ, что весь ея текстъ исчезъ, подмоченный Невою въ Петербургское наводненіе, и остались по листамъ однѣ поправки, писанныя болѣе

крѣпкими чернилами. Я видѣлъ у него другое замѣчательное сочиненіе—*Князь Курбскій*, въ переписанномъ набѣло экземплярѣ (помнится—1819 г.); но онъ весь уже былъ въ поправкахъ карандашемъ: авторъ никогда бы не остался вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ. Велъ онъ и путевыя записки въ продолженіе отечественной войны и записки о Кавказѣ; и нельзя не пожалѣть, что все это осталось безъ вѣсти, если не пропало: сила пера его нерѣдко уравнивалась съ силою его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго.

Романъ Өедоровичъ Тимковскій—родился 1784 года на Згари.—Его жизнь и ученые труды описаны были ученикомъ его И. М. Снегиревымъ (въ собраніи рѣчей..... *).—Я засталъ его въ Москвѣ только за 4 мѣсяца до кончины его, послѣдовавшей 15 января 1820 года,—и помню, какъ студенты несли на себѣ гробъ славнаго профессора своего до Лазарева кладбища. А въ первый разъ я видѣлъ его въ 1812 году, когда онъ съ меньшимъ братомъ пріѣзжалъ на родину.—Отсюда онъ воротился на пепелище Москвы, въ которомъ пропала и его богатая библіотека, за границею имъ собранная). Къ этой тяжелой для него потерѣ тогда прибавилась еще новая утрата—смерть недавно имъ видѣнной и нѣжно любимой матери (3 мая 1813 г.). И этою двойною печалью омрачилась душа его на остальные годы жизни. Чтобы видѣть тогдашнее состояніе души его, довольно прочесть отрывки изъ его письма къ сестрѣ М. Ө. Самусёвой, отъ 31 мая 1813 года:

„Никакими словами не могу описать тебѣ тоски и печали, въ которую погруженъ я со времени горестнѣйшаго извѣстія. Не милъ мнѣ свѣтъ, не мила пища, не мило обращеніе съ людьми. Опротивѣли мнѣ мои горницы; бѣгу вонъ, и не знаю,

---

*) Вѣроятно, Максимовичъ разумѣетъ рѣчи, читанныя въ торжественномъ актѣ Московскаго университета и, не помня, въ какомъ году была читана упоминаемая рѣчь, поставилъ точки для обозначенія года. Не имѣя подъ руками этого изданія, мы не можемъ провѣрить ссылку и указать неотмѣченный годъ; но считаемъ не лишнимъ добавить, что составленная И. М. Снегиревымъ біографія Романа Ө. Тимковскаго помѣщена во 2-мъ томѣ Біографическаго Словаря профессоровъ Московскаго университета.—Н. Ш.

гдѣ найти спокойствіе, которое кажется навсегда оставило душу мою. Брожу промежду страшныхъ развалинъ сожженной Москвы; скитаюсь по погорѣлымъ и опустошеннымъ монастырямъ, вокругъ города лежащимъ, удаляюсь на горы и поля: ахъ, снѣдающая горесть и горючія слезы вездѣ меня сопутствуютъ. Нѣтъ людей, которые раздѣлили бы со мною печаль сію; и нещастное положеніе мое со дня на день становится для меня тягостнѣе... Пекись всѣми силами о здоровьи и покоѣ дядюшки, втораго нашего отца; моли его остаться на Згари, въ нашемъ родительскомъ домѣ... Платокъ черный пришлю тебѣ; фланели не нужно. На что намъ принимать на себя наружный видъ фарисеевъ, когда душа внутренно растерзана".

Егоръ Өедоровичъ Тимковскій—родился 1790 года на Згари. Учился въ Кіевской академіи, а съ 1804 года въ Москвѣ, въ академической гимназіи и въ университетѣ, въ которомъ 1811 года удостоенъ степени кандидата. Послѣ того преподавалъ географію въ высшемъ классѣ академической гимназіи.—

На службу поступилъ въ концѣ 1813 г. секретаремъ совѣта въ главномъ правленіи путей сообщенія, въ Твери. Оттуда, въ мартѣ 1820 года, опредѣленъ въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ его ожидало дальнее путешествіе въ Китай для провожденія въ Пекинъ новой духовной миссіи. И онъ, въ мартѣ того-же года, отправился изъ Петербурга въ Кяхту; а оттуда 31 августа въ Китай, со ввѣренной ему миссіей (которой начальникомъ былъ о. архимандритъ Петръ Каменскій). Пробывъ около полугода въ Пекинѣ, воротился онъ въ августѣ 1821 года съ прежнею миссіею (которой начальникомъ былъ о. Іакинфъ Бичуринъ). За отличное исполненіе сей порученности онъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степ., годовымъ окладомъ и пенсіей 1000 р., сверхъ жалованья по службѣ, которую продолжалъ въ азіатскомъ департаментѣ, начальникомъ двухъ отдѣленій. А между тѣмъ издалъ онъ въ свѣтъ 1824 года, въ трехъ частяхъ, свое *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію*,—которое на Европейскомъ западѣ переведено было на языки французскій, англійскій,

нѣмецкій. Въ 1830 г. Егоръ Ѳедоровичъ отправился въ Молдавію на должность Россійско-Императорскаго консула, въ которой прослужилъ до исхода 1835 года и былъ тамъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника (1832 г.), орденомъ св. Владиміра 3 ст. и двумя годовыми окладами; а вскорѣ послѣ того получилъ увольненіе отъ службы съ пенсіей и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.—

Женатый съ октября 1826 г. на дочери духовника Ихъ Величествъ Павла Васильевича Криницкаго, Юліи Павловнѣ, онъ около девяти лѣтъ провелъ съ нею на своей родинѣ; но въ августѣ 1844 года разстался съ Тимковщиною и переѣхалъ опять въ Петербургъ. Тамъ возобновилъ онъ прежнюю службу въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, на которой и нынѣ труждается благополучно. М. М.

P. S. Если мое воспоминаніе не опоздало еще въ вашъ словарь, въ такомъ разѣ прошу Васъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, сдѣлать для меня съ полсотни оттисковъ; во всякомъ случаѣ пріймите его благосклонно).

NB. Я такой авторъ, что только недавно узналъ о седьмомъ изданіи Наума, вышедшемъ еще прошлаго года (1853) въ числѣ 2000 экз.

СКОРБНАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ М. А. МАКСИМОВИЧА.

(По его черновымъ письмамъ къ разнымъ лицамъ).

Въ бумагахъ М. А. Максимовича мы нашли цѣлый рядъ черновыхъ писемъ и прошеній его къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, писанныхъ въ промежутокъ времени отъ 1833 по 1850 годъ. Первый рядъ этихъ писемъ, до половины 40-хъ годовъ, даетъ намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній для біографіи Максимовича въ томъ періодѣ его жизни, когда онъ былъ профессоромъ и одинъ годъ ректоромъ Кіевскаго университета, сначала на штатной службѣ, а затѣмъ—по найму. Здѣсь мы въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, заинтересованнымъ своей ролью ректора университета и профессора на новой для него кафедрѣ, а также вопросами науки, ставшей для него теперь предметомъ занятій совершенно въ иной области сравнительно съ прежними. Тутъ-же, начиная съ 1840 года, постепенно открывается предъ нами та скорбная страничка въ его жизни, которая сначала, по случаю сильнаго ревматизма, отдаляетъ его отъ блистательно занятаго положенія на университетской кафедрѣ, а затѣмъ постепенно погружаетъ въ интересы житейскаго бытія, что̀ въ дальнѣйшихъ письмахъ, съ половины 40-хъ годовъ, переходитъ въ тонъ, могущій дать поводъ думать о немъ, какъ о человѣкѣ исканій всякихъ земныхъ благъ, для котораго, будто-бы, главный интересъ въ жизни—

матеріальная ея сторона. Вотъ на этомъ-то послѣднемъ мы и намѣрены немного остановиться, чтобы, по мѣрѣ возможности, снять съ Максимовича всякое подозрѣніе въ этой чертѣ.

Прежде всего считаемъ нужнымъ напомнить, что въ первые годы послѣ отставки Максимовичъ былъ въ положеніи человѣка физически разслабленнаго: совсѣмъ безъ ногъ, почти безъ рукъ, съ больными глазами, что́, конечно, было громаднымъ препятствіемъ для кабинетной работы. Жить ему пришлось въ совсѣмъ почти еще неустроенномъ маленькомъ, бездоходномъ хуторкѣ своемъ, только и отличавшемся всѣми прелестями здороваго мѣстоположенія и красивыхъ видовъ. Хотя онъ былъ и одинокъ, но при немъ жила единственная, его сестра. его любимица и питомица, а также почти на его иждивеніи находился и старикъ отецъ, жившій въ своемъ домикѣ, тутъ-же подлѣ его хуторка, въ с. Прохоровкѣ. Всѣ средства къ жизни, которыми онъ могъ располагать, ограничивались 762 рублями ежегодной пенсіи да тѣми грошами, которые могли перепадать ему, какъ гонораръ за ученые и литературные труды. Въ такой обстановкѣ проходитъ два года его жизни послѣ отставки въ 1841 году, и совершенно естественно, если мы не находимъ въ перечнѣ его сочиненій ни одной статьи, написанной въ тѣ годы. Но чуть только Максимовичъ почувствовалъ себя бодрѣе физически въ 1843 году, онъ откликнулся на призывъ опять занять прежнюю свою профессорскую кафедру въ Кіевскомъ университетѣ. Можетъ быть, въ этомъ шагѣ и была его роковая ошибка, т. к. онъ не согласился принять на себя должности штатнаго профессора, а заключилъ съ Округомъ, такъ сказать, договоръ по найму. Объясняется этотъ его шагъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не чувствовалъ себя еще совсѣмъ окрѣпшимъ, о чемъ онъ и пишетъ въ письмѣ къ попечителю Округа, кн. С. И. Давыдову (см. № IX), а во-вторыхъ, и тѣмъ, что не рискнулъ разстаться съ пенсіей, которой дорожилъ, какъ постояннымъ, хотя и маленькимъ обезпеченіемъ себя за службу въ двухъ университетахъ. Болѣе-же всего объясняется это усталостью его въ роли профессора и мечтою открыть для себя

новую какую-нибудь дорогу для дѣятельности, о чемъ онъ и пишетъ въ Одессу (см. № XII). Вотъ это именно письмо и есть, по нашему мнѣнію, показатель причинъ главнаго его ошибочнаго шага въ жизни, за что, впрочемъ, принимая во вниманіе откровенность мотивовъ, нельзя строго осуждать его.

Какъ только онъ опять водворился въ Кіевѣ, начались и его ученые труды между прочимъ и въ основанной тогда при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ „Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ". Такъ прошло еще два года жизни его, до половины 1845 года, когда онъ принужденъ былъ оставить службу совсѣмъ, но уже не по болѣзни, а потому, что на вакантную каѳедру русской словесности былъ назначенъ А. И. Селинъ. Теперь опять онъ удаляется въ свое Михайлогорское жилище (хуторъ его названъ былъ имъ самимъ Михайлова гора) и, проводя время въ научныхъ занятіяхъ, все болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать и матеріальный недочетъ, и непріуроченность своего положенія къ постоянному опредѣленному труду, между тѣмъ какъ силы физическія позволяли ему считать себя совсѣмъ еще не инвалидомъ. Сознаніе этого своего положенія и заставляетъ его какъ-бы покаяться въ прежней своей ошибкѣ, и уже въ 1846 году онъ проситъ Попечит. Кіевск. Учебнаго Округа (см. № XV) ходатайствовать вновь о принятіи его на службу въ должности профессора словесности. Вотъ тутъ-то и происходитъ необъяснимое для насъ явленіе. М. А. Максимовичъ, съ его ученой репутаціей, съ его совершенно чистымъ съ административной точки зрѣнія прошлымъ, не можетъ добиться не только болѣе высокихъ положеній, на которыхъ были уже всѣ его прежніе друзья и знакомые московскіе, но даже не въ состояніи возстановить себя въ прежней роли профессора университета. И вотъ, въ теченіе 5 лѣтъ, отъ которыхъ сохранились черновыя его письма, онъ является предъ нашими глазами въ роли просителя, производящаго впечатлѣніе назойливаго человѣка.

Въ одномъ изъ писемъ къ преосв. Иннокентію (см. № XX) Максимовичъ выразился такъ: „богатство—не мой удѣлъ, но я

долженъ признаться наконецъ, что и бѣдность мнѣ наскучила". Выраженіе это особенно хорошо знакомо изъ устъ М. А. Максимовича пишущему эти строки, такъ-какъ онъ неоднократно слышалъ ихъ отъ него въ разныхъ варьяціяхъ въ послѣдніе годы его жизни. И это не были только слова: „богатство—не мой удѣлъ". Близко намъ была знакома его частная, домашняя жизнь въ 1869—73 годахъ; онъ былъ тогда семейный человѣкъ, принужденный все на тѣ-же скудныя средства содержать семью, воспитывая сына своего въ Кіевѣ въ гимназіи. Мы видѣли его и въ тѣ мѣсяцы, когда онъ иногда проживалъ самъ въ Кіевѣ, кое-что зарабатывая для себя статьями въ спеціальн. періодическихъ изданіяхъ, а пенсію почти цѣликомъ предоставляя семьѣ; мы видѣли его ежедневно и въ его Михайлогорскомъ жилищѣ, гдѣ онъ всегда проводилъ лѣто, а очень часто и зиму, —и всегда замѣчали одну и ту-же черту въ его характерѣ: скромный въ своемъ образѣ жизни, онъ—по его-же выраженію послѣднюю копѣйку ребромъ ставилъ, когда дѣло касалось семьи его и предоставленія ей какихъ нибудь, конечно самыхъ скромныхъ, признаковъ роскоши и баловства. Если-же бывали счастливыя, хотя и очень рѣдкія, минуты полученія болѣе крупныхъ разовыхъ суммъ (какъ напримѣръ во время его юбилея выдано ему было 3000 руб.), онъ забывалъ о пережитыхъ уже не минутахъ, а годахъ бѣдности, и въ самый короткій срокъ такія получки, къ огорченію жены его, разлетались, какъ дымъ. Изъ полученныхъ 3 т., напримѣръ, чуть-ли не черезъ полъ года осталось только четыре, купленныхъ имъ тогда по низкому курсу, выигрышныхъ билета; остальное все ушло на юбилейный праздникъ, на нѣкоторые предметы роскоши для семьи да на прощальную поѣздку его самого въ Москву и Петербургъ въ 1872 году. При этихъ условіяхъ, дѣйствительно, богатство не могло быть его удѣломъ, даже и при лучшемъ матеріальномъ положеніи. А что бѣдность испыталъ онъ вполнѣ, мы можемъ засвидѣтельствовать фактами, бывшими на нашихъ глазахъ. Напримѣръ, передъ рождественскими святками, кажется въ 1870 году, который проведенъ былъ имъ на хуторѣ,

я пріѣхалъ къ нему за три дня до праздника и привезъ за два мѣсяца его пенсію, получавшуюся изъ Кіевскаго казначейства; взявъ въ руки деньги, онъ со смѣхомъ сказалъ мнѣ: „отъ и добре! чы вирыте, що щербатои копійки въ доми нема". Я тогда юный студентъ, съ благоговѣніемъ смотрѣвшій на ученаго старца, не могъ не почувствовать всей горести этого смѣха, и теперь, перечитывая прилагаемые ниже скорбные листы его, ни на одну минуту не допускаю мысли съ упрекомъ по адресу его въ исканіи матеріальныхъ благъ. Психологію человѣка въ данныхъ условіяхъ труднѣе понять, нежели почувствовать!

I.

Удостоенный ходатайствомъ Вашимъ Высочайше назначеннаго мнѣ отпуска и вспоможенія на оный, я почитаю долгомъ принести мою глубочайшую благодарность Вашему Превосходительству за сію благосклонность и за то вниманіе, которымъ я имѣлъ честь пользоваться въ незабвенное для Университета время пребыванія Вашего въ Москвѣ [1]). Но какъ надлежащая пора для отъѣзда на Кавказъ мною уже пропущена, то я принужденъ, ограничась на сей годъ московскими искусственными водами, просить В. Пр. о дозволеніи мнѣ воспользоваться онымъ отпускомъ въ началѣ весны будущаго года.—При семъ имѣю честь представить просвѣщенному вниманію Вашему два новыя сочиненія мои: «Размышленія» и «книгу Наума о величіи Божьяго міра», которая, книга Наума, есть начало мною предпринятой общенародной энциклопедіи, гдѣ бы вкратцѣ содержались знанія положительныя, основныя и полезныя для всякаго. Весьма лестно для меня было-бъ, еслибы сіе начало удостоилось одобрительнаго вниманія Вашего и если бы я могъ продолженіе онаго сдѣлать соотвѣтственнымъ видамъ Вашимъ о просвѣщеніи Россіи.

Если сію первую книгу Вы признаете полезною, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу В. П. доставить мнѣ впервые счастье представить образецъ трудовъ моихъ Г. И., а съ тѣмъ вмѣстѣ Гос. Императрицѣ и Г. Наслѣднику.

---

[1]) Въ должн. товар. Министра Нар. Просв., С. С. Уваровъ былъ въ Москвѣ осенью 1832 года и присутствовалъ на лекціи Максимовича.

Съ душевнымъ чувствомъ Высокаго уваженія къ Особѣ Вашей имѣю честь быть Вашего Превосходительства.

—

Въ біографическомъ очеркѣ, составл. С. Пономаревымъ, указано только одно путешествіе Максимовича на Кавказъ въ эти годы, именно въ 1832 году, когда онъ, съ пособіемъ отъ казны въ 2 тыс. р. ассигн., ѣздилъ для поправленія здоровья и собиранія растеній. Изъ только-что приведеннаго письма, писаннаго къ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову въ 1833 году, т. к. говорится о новыхъ книгахъ, вышедшихъ въ этомъ году, видно, что и тогда предполагалась его поѣздка на Кавказъ, тоже съ пособіемъ, но она не состоялась и въ слѣдующемъ 1834 году, какъ думалъ Максимовичъ, по весьма понятной причинѣ: онъ назначенъ былъ проф. русской словесности и исправляющимъ должность ректора въ открывавшійся тогда Кіевскій университетъ. Поѣздка эта, но не на Кавказъ, а въ Крымъ, состоялась только въ 1836 году лѣтомъ, о чемъ онъ и ходатайствовалъ уже въ Кіевѣ (смот. прошеніе къ Попечит. Кіев. Учебн. Окр.—№ IV).

II.

Любовь къ родному краю все болѣе и болѣе заставляла Максимовича мечтать о переселеніи на югъ, побудительнымъ мотивомъ для чего служило предполагавшееся въ Кіевѣ открытіе университета Св. Владиміра въ 1834 году. По этому поводу Максимовичъ писалъ, вѣроятно, къ Министру Народнаго Просвѣщенія слѣдующее:

—

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь!

Въ два послѣдніе года я сталъ чувствовать совершенную необходимость для моего здоровья въ болѣе южномъ климатѣ. Сія необходимость обратилась въ потребность душевную съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ Университетъ въ Кіевѣ, близъ коего находится моя родина, вокругъ коего и природа еще не изслѣдована. Назначеніе

Университета Свят. Владиміра радуетъ меня сколько важностію своею для обновляющагося нынѣ просвѣщенія и воспитанія общественнаго, столько и возможностью улучшить и удовольствовать мою личную жизнь, безъ перемѣны того служебнаго поприща, къ которому я себя приготовилъ и пріучилъ. Изъявляя сіе глубокое, душевное желаніе мое, въ надеждѣ на то вниманіе и участіе, которыми Вы меня удостоили, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство назначить меня Профессоромъ въ Университетъ Святаго Владиміра. Важнѣйшимъ предметомъ моихъ занятій была предпочтительно природа органическая; и я, кромѣ ботаники, занимался еще 7 лѣтъ преподаваніемъ зоологіи въ Дворянскомъ Институтѣ; ею началъ въ 1824 году мое литературное поприще, и въ 1831 году составилъ, наконецъ, вмѣстѣ съ ботаническою системою, систему животнаго царства, коей слѣдуетъ Г. Адъюнктъ-Профессоръ Щуровскій въ своихъ лекціяхъ. До сихъ поръ будучи преподавателемъ ботаники, я трудился надъ нею гораздо больше и знаю её подробнѣе; но при этомъ я имѣю нѣсколько новыхъ идей и видовъ въ зоологіи, которыхъ не въ состояніи былъ еще раскрыть и исполнить, будучи преподавателемъ ботаники. Между тѣмъ я десятилѣтнимъ опытомъ вполнѣ убѣдился, что преподаваніемъ зоологіи могу быть полезнѣе для слушателей, нежели преподаваніемъ ботаники; ибо предметъ первой, по большему одушевленію своей жизни, имѣетъ гораздо больше привлекательности и важности для преподаванія и слушанія, нежели предметъ ботаники, который по самой натурѣ своей, имѣетъ меньше общаго интереса и предполагаетъ либо особую склонность слушателя, либо особую прикладную важность свою, напримѣръ въ медицинѣ. Почему я желалъ бы каѳедру зоологіи, еще болѣе, чѣмъ каѳедру ботаники, предоставляя сію науку для кабинетныхъ занятій приличными сочиненіями по оной, могъ бы полезнымъ быть не менѣе изустнаго ея преподаванія. Но если обѣ желанныя каѳедры заняты уже въ Кіевѣ, то я покорнѣйше прошу опредѣлить меня хоть профессоромъ физики, занятія которой я не оставлялъ совершенно, и если въ свидѣтельство не могу представить ничего, кромѣ журнальныхъ статей и преподаванія въ частныхъ мѣстахъ и въ коммерческой академіи, по крайней мѣрѣ, по привычкѣ къ труду и изустному преподаванію, чувствую себя въ силахъ въ теченіе двухъ или трехъ семестровъ достичь необходимаго совершенства.

Изъ этого письма видно, какъ Максимовичъ горячо былъ преданъ своей спеціальности—естествознанію, и не помышлялъ даже о томъ, чтобы изъ естественника стать словесникомъ; но попечитель Кiев. Учебн. Окр., Е. Ф. Брадке, почему-то пожелалъ имѣть во вновь-открывавшемся университетѣ въ Кіевѣ на кафедрѣ словесника именно Максимовича, и, не смотря на желаніе Министра Уварова не отпускать Максимовича изъ Москвы, онъ былъ назначенъ на эту должность, принявъ ее только изъ побужденія жить на родинѣ. (См. С. Пономаревъ „Мих. Ал. Максимовичъ. СПБ. 1872 г., стр. 23). Назначеніе это, состоявшееся 4 мая 1834 г., сопровождалось и другимъ еще назначеніемъ—на должность декана 1-го отдѣленія философскаго отдѣленія; по поводу этого послѣдняго назначенія Максимовичъ и написалъ Министру слѣдующее благодарственное письмо.

—

21-го мая 1834.

Благосклонное снисхожденіе къ моей просьбѣ и столь лестное и поощрительное для меня довѣріе В. В. даютъ мнѣ смѣлость вновь изъявить предъ Вами возрастающее въ душѣ моей чувство благодарности. Оправдать назначеніе, коего нынѣ я Вами удостоенъ, поставлю себѣ священною обязанностью.

Я не успѣлъ еще пріобрѣсти здѣсь сѣдины деканской, но я со всѣмъ вниманіемъ вникалъ въ то направленіе, къ коему Вы обращаете Просвѣщеніе народное,—былъ свидѣтелемъ вліянія новыхъ распоряженій въ пользу общественнаго воспитанія и того живительнаго участія, которое, наконецъ, видѣли здѣсь на себѣ профессоръ и студентъ: и все, что успѣлъ я понять и занять въ обновляемомъ Вами Университетѣ, я переношу въ новый Университетъ, Вами основанный, и потщусь быть ревностнымъ исполнителемъ моей службы и тѣхъ правилъ, кои Ваше Высок., по мѣстной особенности Кіева, постановите.

Нынѣ оканчиваю послѣднее мое служеніе Московскому Университету, коему такъ много обязанъ. Окончивъ экзамены и сдавъ мою должность кому назначитъ Университетъ, я постараюсь всѣми силами къ исходу будущаго мѣсяца собраться средствами, необходимыми къ приличному перемѣщенію моему въ Кіевъ, и ускорить назначенный срокъ, дабы поспѣть какъ можно ранѣе 15-го іюля.

III.

Еще въ іюнѣ 1834 г. Максимовича предупреждалъ Попечитель, что онъ ему поручитъ исправленіе обязанности ректора университета, и это назначеніе состоялось въ день пріѣзда его въ Кіевъ, т. е. 13 іюля. Многосложныя занятія въ качествѣ профессора на новой для него каѳедрѣ, а равно и ректорство, заставили Максимовича черезъ 15 мѣсяцевъ отказаться отъ должности ректора, о чемъ онъ и пишетъ, почти одновременно, два прошенія, Попечителю и Министру, и почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, а потому мы помѣстили здѣсь только одно изъ нихъ—къ Министру.

—

1835 г. 26 окт.

Удостоенный быть первымъ Ректоромъ Университета Св. Владиміра, я старался исполнять сіе дѣло съ возможнымъ для меня усердіемъ и оправдать оказанное мнѣ довѣріе моего Начальства. Но пятнадцать мѣсяцевъ усиленнаго, многосложнаго и непрерывнаго труда по сей должности и вмѣстѣ занятія по катедрѣ Русской Словесности сильно изнурили мое уже и прежде разстроенное здоровье, особенно зрѣніе,—поставили меня въ невозможность продолжать съ успѣхомъ обѣ должности и привели къ грустной необходимости желать увольненія отъ званія Ректора.

23-го октября я подалъ о томъ прошеніе къ Г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, и осмѣливаюсь просить благосклоннаго къ оному вниманія Вашего Высокопревосходительства.—Оставшись при одной должности Профессорской, я буду имѣть больше возможности къ распространенію здѣсь Русской Словесности и остатокъ силъ моихъ посвящу на собственно-ученые труды, коими надѣюсь еще быть полезнымъ новому Университету, въ устроеніи коего я имѣлъ счастье подъ Начальствомъ Вашимъ принимать близкое участіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Ректоръ Университета Св. Владиміра

Михаилъ Максимовичъ.

IV.

Освободившись къ концѣ 1835 года отъ ректорскихъ обязанностей, Максимовичъ весною 1836 года обратился къ Попечителю Округа, Е. Ф. Брадке, съ прошеніемъ разрѣшить ему для поправки здоровья отпускъ на 4 мѣсяца въ Крымъ и на Кавказъ съ сохраненіемъ жалованья и съ выдачею единовременнаго пособія.

—

1836 г.

По совершенной необходимости поправить мое здоровье, болѣе и болѣе упадающее отъ непрерывныхъ занятій, я просилъ Совѣтъ Университета исходатайствовать мнѣ увольненіе съ мая мѣсяца въ 4-хмѣсячный отпускъ для пользованія и Кавказскими минеральными водами, и въ Крыму морскими водами. На увольненіе меня въ таковой отпускъ съ выдачею въ пособіе 300 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ Университета, я имѣлъ уже высочайшее разрѣшеніе 1833 года 16 мая въ бытность мою еще адъюнктомъ Московскаго Университета; но по обстоятельствамъ времени я не воспользовался тогда ни отпускомъ, ни пособіемъ.

Вашему Превосходительству извѣстно, что я, при всей скудости моего состоянія, изъ Москвы переѣхалъ въ Кіевъ, не получивъ и не просивъ подъемнаго вспоможенія, что, при всей дороговизнѣ Кіевскаго содержанія и ограниченности моей въ житейскихъ средствахъ только однимъ жалованіемъ, я имѣю на полномъ попеченіи моемъ сестру и брата; потому мое состояніе пришло бы еще въ большій упадокъ, еслибы я не получилъ жалованія за 4 мѣсяца просимаго отпуска, изъ коихъ полтора мѣсяца и безъ того вакаціонные; потому безъ особеннаго вспоможенія, съ которымъ бы могъ я безбѣдно совершить поѣздку и курсъ моего лѣченія, я не буду въ возможности найти ожидаемую пользу отъ моего отпуска. Посему осмѣливаюсь утруждать В. Пр. еще симъ особеннымъ моимъ прошеніемъ, которымъ я покорнѣйше прошу ходатайства Вашего объ увольненіи меня въ 4-хмѣсячный отпускъ съ удержаніемъ жалованья и съ выдачею соразмѣрно оному единовременнаго пособія.

—

V.

Получивъ этотъ отпускъ, Максимовичъ сейчасъ-же обратился въ совѣтъ Университета съ просьбою не выбирать его болѣе ни въ какія должности, сверхъ профессорской, мотивируя эту просьбу такъ:

—

Разстроенное состояніе моего здоровья и желаніе усилить мои ученыя занятія, признанные Высшимъ Начальствомъ уважительными къ увольненію меня и отъ должности Ректора, и въ четырехмѣсячный отпускъ, побуждаютъ меня нынѣ просить покорнѣйше Членовъ Совѣта принять въ благосклонное вниманіе сіи обстоятельства и не избирать меня въ должности, сопряженныя съ засѣданіями, коихъ рѣшительно я не въ силахъ переносить и которыя могутъ преждевременно довести до совершеннаго изнуренія мое здоровье, едва достаточное для ученыхъ занятій по преподаваемому мною предмету.

VI.

Естествовѣдъ по своей первой спеціальности, Максимовичъ, очутившись въ Кіевѣ на каѳедрѣ русской словесности, все болѣе и болѣе углублялся въ изученіе гуманитарныхъ наукъ. Пока еще только въ этой области заявившій себя, какъ этнографъ, издавшій два прекрасныхъ сборника малорусскихъ пѣсенъ (1827 и 1834 г.г.), какъ профессоръ словесности—своими живыми лекціями и нѣкоторыми статьями по вопросамъ литературы, какъ поэтъ—нѣсколькими рѣчами, и какъ издатель—тремя выпусками „Денницы“,—Максимовичъ, благодаря сближенію съ Надеждинымъ, преосв. Иннокентіемъ и особенно съ митр. Евгеніемъ, начинаетъ теперь погружаться въ область историческихъ изысканій, богатымъ подспорьемъ для чего служила для него родная земля, невольно наталкивавшая всѣмъ своимъ историческимъ славнымъ прошлымъ на путь всесторонняго изученія и освѣщенія этого прошлаго. Началъ онъ съ того, что высказался, въ своемъ сочиненіи „Откуда идетъ Руская земля“ (1837 г.), по живому тогда вопросу о скандинавскомъ происхожденіи Руси, при чемъ мнѣнія его были діаметрально

противоположными Погодинской теоріи: Максимовичъ стоялъ за славянское ея начало. По поводу этой своей книги, онъ и написалъ слѣдующее письмо къ Министру Нар. Просв. Интересно, что въ этомъ письмѣ онъ намекаетъ на будущую свою работу, „Исторію древней русской словесности“ (1839 г.), ставя ее въ связи съ своимъ историческимъ изслѣдованіемъ.

—

8 мая 1837 г.

Честь имѣю представить В. В—ву экземпляръ новаго сочиненія моего: «Откуда идетъ Русская Земля», какъ первое сочиненіе при Университетѣ Св. Владиміра, въ типографіи онаго напечатанное, и какъ предварительный мой трудъ для исторіи Русской Словесности, занимаясь коею для преподаванія лекцій, я запасаю и обдумываю по мѣрѣ силъ моихъ матеріалы, и для руководства къ оной. Въ настоящемъ сочиненіи я представилъ исторію мнѣнія о происхожденіи Руси, какъ предметѣ существенно прикосновенномъ къ исторіи нашей словесности и языка,—а какъ изъ числа сихъ мнѣній найболѣе удовлетворительнымъ нашелъ я по разумѣнію моему старинное Русское и Ломоносовское мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ, то я предпочелъ его и постарался съ своей стороны возобновить оное на основаніи нашихъ писателей особенно старинныхъ,—какъ мнѣніе, даже и по старшинству заслуживающее вниманія.

По сей главной мысли моего сочиненія я осмѣливаюсь просить вниманія В. В—ва къ нему,—и если вкратцѣ изложенный въ немъ взглядъ мой на Русь заслуживаетъ одобренія Вашего Высокопревосходительства, тогда я могъ бы со смѣлостью приступить къ составленію подробнаго по оному руководства къ исторіи нашей словесности, какъ предмета, въ раскрытіи коего представляются еще стороны мало изслѣдованныя, и точки зрѣнія, почти обойденныя трудившимися на семъ поприщѣ,—и по которому новый трудъ могъ-бы еще быть полезнымъ, особенно съ цѣлію педагогическою употребленный. Такому труду, если онъ не совершенъ еще другими по порученію начальства, я осмѣливался бы просить дозволенія быть допущеннымъ чувствуя склонность и готовность посвятить на оный мои послѣднія силы, ободряемый тѣмъ вниманіемъ, какое В. В—во, обращая на пользы Русскаго Просвѣщенія, оказываете и трудящимся на поприщѣ онаго.

———

VII.

Въ теченіе 6 лѣтъ работая въ качествѣ профессора, Максимовичъ почувствовалъ себя въ 1840 году такъ плохо, что рѣшилъ совсѣмъ покинуть службу и поселиться на своей только-что устраивавшейся Михайловой-Горѣ. Объ этой отставкѣ онъ подалъ слѣдующее прошеніе въ совѣтъ университета, но отставку получилъ только въ апрѣлѣ 1841 года.

—

Вступивъ на службу 1823 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, я продолжалъ оную съ 1834 года понынѣ въ Университетѣ Св. Владиміра. Сверхъ служебныхъ занятій, означенныхъ подробно въ моемъ формулярномъ спискѣ, посвящалъ я много труда на разныя сочиненія и изданія. За мои служебные и книжные труды имѣлъ я счастье неоднократно пользоваться вниманіемъ и наградами отъ Высшаго Начальства и отъ разныхъ ученыхъ обществъ, избиравшихъ меня своимъ членомъ. Между тѣмъ еще во время моей службы въ Московскомъ Университетѣ здоровье мое начало приходить въ большое разстройство, такъ что въ 1829 году я совершенно потерялъ зрѣніе праваго глаза и съ тѣхъ поръ могъ читать только при дневномъ свѣтѣ. Перемѣщеніе въ Кіевъ помогло возстановленію моего здоровья. Совѣту извѣстно, что и должность ректора принужденъ я былъ оставить по болѣзненному моему состоянію. Четырехъ-мѣсячный отпускъ для излѣченія, попрошенный мною въ 1836 году, доставилъ мнѣ только временное облегченіе отъ болѣзни, которая, съ возобновленіемъ служебныхъ занятій, опять возобновилась и, усиливаясь примѣрно съ каждымъ годомъ, дошла наконецъ до такой степени, что я полтора года уже принужденъ большую часть времени оставаться безвыходно отъ нервической слабости и сильныхъ артритическихъ болей въ ногахъ и въ другихъ частяхъ тѣла, и полгода уже не въ состояніи читать по чрезвычайному разслабленію моего лѣваго глаза и по причинѣ весьма сильныхъ нервическихъ болей отъ напряженія зрѣнія, происходящихъ въ головѣ и въ другихъ частяхъ тѣла.

Такое совершенное разстройство моего здоровья лишаетъ меня всякой возможности продолжать службу мою и принуждаетъ меня преждевременно разстаться съ нею. Почему и честь имѣю покорнѣйше просить совѣтъ Университета исходатайствовать мнѣ уволь-

неніе вовсе отъ службы съ пенсіей, какая мнѣ дарована быть можетъ по уваженію моихъ семнадцати-лѣтнихъ служебно-ученыхъ трудовъ, и тяжелой болѣзни, меня преждевременно на службѣ постигшей. Свидѣтельство университетскаго врача и Кіевской Врачебной Управы о моей болѣзни при семъ прилагаю.

1840 года сентября 30.

Кіевъ.

Подано 1-мъ числомъ.

VIII.

Въ этомъ-же 1840 году вышла первая книжка альманаха „Кіевлянинъ", издававшагося Максимовичемъ, очевидно, въ замѣнъ несостоявшейся газеты „Кіевскія новости" (см. о ней въ Кіев. Стар. 1889, стр. 529—534). Для этой первой книжки „Кіевлянина", посвященнаго изслѣдованію и приведенію въ надлежащую извѣстность всего, что относится, къ бытію Кіева и всей южной Руси Кіевской и Галицкой", какъ сказано въ предисловіи, Максимовичъ написалъ историческое изслѣдованіе „Сказаніе о Коліевщинѣ 1768 года. На эту статью онъ разсчитывалъ болѣе всего, какъ на интересную для читателей; но она не только не была пропущена цензурою, а еще отослана мѣстнымъ цензоромъ въ Петербургъ, при его особомъ мнѣніи. По поводу этого „Сказанія о Коліевщинѣ",[1] Максимовичъ, уже подавшій въ отставку, но еще не получивши ея, написалъ Министру Народнаго Просв. слѣдующее очень любопытное письмо.

—

Честь имѣю поздравить Васъ съ новымъ годомъ и, желая Вамъ новыхъ благъ и новыхъ силъ для блага нашего, приношу мою душевную благодарность за удостоеніе моей книги желанной мною чести.

При отъѣздѣ въ Санктъ-Петербургъ господина Попечителя князя Сергѣя Ивановича[2]), я просилъ его засвидѣтельствовать передъ

---

[1]) Напечатано впослѣдствіи въ Русск. Архив. въ 1875 г., № 5.

[2]) Давыдова.

Вами о совершенномъ упадкѣ моего здоровья и ходатайствовать у В. В-ва о моей отставкѣ. По сему съ своей стороны не смѣю уже безпокоить Васъ просьбами о семъ предметѣ, и только въ душѣ моей уповаю на Ваше милостивое и благодѣтельное вниманіе къ моему немощному теперь состоянію.

Но мнѣ, при концѣ моего служебнаго поприща, въ первый разъ случилось быть авторомъ статьи неодобренной цензурою, признанной и отъ В. В-ва неумѣстною. Опасаюсь, чтобы сіе обстоятельство не бросило тѣнь на доброе обо мнѣ мнѣніе, а потому осмѣливаюсь изложить передъ Вами особенныя побужденія, по которымъ я написалъ сказанія о Коліевщинѣ для издаваемаго мною альманаха.

1. Между поляками, а отъ нихъ даже и между нѣкоторыми русскими сего края, существуетъ закоренѣлый, полный предразсудками взглядъ, будто Коліевщина была дѣломъ политики Русской, будто Императрица посредствомъ Золотой грамоты обратила Запорожцевъ на истребленіе Поляковъ, а потомъ дала помощь Полякамъ на истребленіе бунтовавшихъ Украинцевъ, чтобы, ослабивъ обѣ стороны въ краѣ, удобнѣе завладѣть имъ. Такой нелѣпый и недостойный толкъ ведется здѣсь вопреки истинѣ и даже современнымъ запискамъ и составляетъ одинъ изъ сильныхъ аргументовъ странной политической логики Поляковъ, которую въ продолженіе моего здѣсь пребыванія наблюдалъ я внимательно и узналъ довольно.

Подробностей о Коліевщинѣ такъ много здѣсь ходитъ въ народѣ, что онѣ для нихъ не новость и забудутся не скоро; но къ воспоминаніямъ объ нихъ могутъ привязываться разные взгляды и толки объ ихъ происхожденіи и началѣ. И вотъ почему я хотѣлъ моею статьею разрушить нелѣпый польскій толкъ о началѣ сего событія. Моимъ сказаніемъ хотѣлъ я опровергнуть нелѣпую клевету Поляковъ на Екатерину Великую, и потому я съ особеннымъ тщаніемъ раскрылъ историческую правду о началѣ и происхожденіи Коліевщины и ея значеніи.

2. Кромѣ того, въ понятіи Поляковъ имѣетъ особенную репутацію современная Коліевщинѣ конфедерація Барская; но выставляя ее, какъ ближайшій поводъ къ Коліевщинѣ, я имѣлъ случай представить конфедерацію съ невыгодной стороны для самыхъ Поляковъ, которые большею частью толкуютъ съ голоса, по предразсудку, не зная подробностей дѣла.

3. Между тѣмъ какъ у Русскихъ нѣтъ ничего написаннаго о Коліевщинѣ съ Русской точки зрѣнія, Поляки имѣютъ у себя нѣсколько записокъ современныхъ объ ней, писанныхъ болѣе или менѣе въ духѣ польскомъ. Одна изъ нихъ, писанная Базиліаномъ Тучапскимъ въ сильномъ католическомъ духѣ, напечатана 1838 года въ Тыгодникѣ Литерацкомъ, по списку выданному изъ Базиліанскаго Уманскаго монастыря за подписями и печатьми, какъ документъ. Издатель Тыгодника предлагаетъ ее какъ новый матеріалъ для будущихъ историковъ и романистовъ. И одинъ парижскій полякъ (имени коего на сей часъ не припомню) написалъ уже, какъ говорятъ, цѣлую драму изъ Коліевщины. Повѣсть, изданная 1838 года Грабовскимъ (подъ именемъ Эдварда Тарша), представляетъ разительно дѣйствія и польскихъ судей, но выставляя польщизну слѣдствіемъ одной почти гайдамаччины, не устраняетъ вышеупомянутаго толка о происхожденіи оной. Такимъ образомъ память о семъ событіи, такъ сказать, въ новомъ ходу у Поляковъ, слѣдственно имъ открылся новый поводъ толковать по своему объ этомъ дѣлѣ. И вотъ почему я написалъ сказаніе о Коліевщинѣ, желая въ здѣшнемъ краѣ распространить объ ней надлежащій взглядъ на нее посредствомъ Кіевскаго Альманаха, который предпринялъ я съ мыслью противодѣйствовать разнымъ предразсудкамъ, заблужденіямъ, превратнымъ толкамъ и странностямъ ополячившихся Русскихъ. Многіе изъ нихъ происходятъ единственно отъ невѣжества или отъ полузнанія истины, обезображенной измышленіями, перетолкованіями; и такимъ изъ нихъ я думалъ всего лучше противодѣйствовать книжнымъ раскрытіемъ истины исторической, которая, къ счастію нашему, говоритъ въ нашу пользу и въ отношеніяхъ Западной Руси къ Польшѣ всегда обращается на главу ея, особенно въ дѣлѣ вѣры.

Изъ сего, Ваше Высокопревосходительство, усмотрѣть изволите, что я написалъ мое сказаніе не изъ какого нибудь суетнаго литературнаго эффекта, но изъ побужденій, сообразныхъ съ назначеніемъ моимъ, и руководствовался тѣмъ отечественнымъ чувствомъ, которое всегда меня одушевляло на поприщѣ моей службы; къ окончательному же представленію моей статьи въ цензуру меня рѣшило прочтеніе прекрасной статьи, служащей введеніемъ къ актамъ возсоединенія Уніятовъ съ Православною Церковью.—

IX.

Послѣ полученія отставки, Максимовичъ, совсѣмъ изнуренный и больной отправился къ себѣ на Михайлову Гору и тамъ прожилъ безъ выѣзда около $1^1/_2$ года, почти не владѣя ногами и совсѣмъ не предаваясь научнымъ занятіямъ. Въ сентябрѣ 1842 года, однако, здоровье его уже настолько окрѣпло, что онъ совершилъ поѣздку въ Кіевъ и тутъ получилъ лично приглашеніе Попечителя, кн. Давыдова, занять опять каѳедру русской словесности, т. к. она все время оставалась вакантной. Въ этотъ разъ Максимовичъ не рискнулъ еще дать своего согласія, но когда въ 1843 году Попечитель опять повторилъ просьбу, онъ далъ его, что видно изъ слѣдующаго письма.

—

Милостивый Государь

Князь Сергѣй Ивановичъ!

Предложеніе Вашего Сіятельства отъ 29 мая я имѣлъ честь получить сего іюня 9 дня и первымъ долгомъ себѣ поставляю принести мою глубокую признательность за все Ваше благосклонное ко мнѣ вниманіе. Движимый симъ чувствомъ и моею любовію къ Университету Св. Владиміра, я съ искреннимъ усердіемъ готовъ потрудиться еще на служеніе сему святилищу наукъ, отъ котораго оторванъ я только тяжкою болѣзнію. Двухлѣтнее пребываніе въ деревенскомъ уединеніи, безъ помощи врачебной, возстановило нѣсколько мои силы; но онѣ еще недостаточны для точнаго и постояннаго выполненія профессорской должности. Продолжительное ненастіе и сильная стужа пробуждаютъ еще въ моемъ тѣлѣ ревматическія страданія, при которыхъ мнѣ чрезвычайно трудно было бы выполнять должность мою въ высокихъ аудиторіяхъ университетскаго зданія. Но если затрудненіе сіе можетъ быть устранено снисходительнымъ распоряженіемъ, по которому я могъ бы и въ сказанныхъ случаяхъ продолжать мои занятія непрерывно безъ ущерба для слушателей, то я готовъ принять на себя преподаваніе Русской Словесности съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе наступающаго учебнаго года изложить всю Исторію Русской Словесности и сверхъ того занимать университетскихъ слушателей критикою лучшихъ Русскихъ писателей и разборомъ ихъ соб-

ственныхъ сочиненій, полагая ежедневно для исторіи Русской Словесности двѣ часовыя лекціи, а для занятія критикою одну двухчасовую. Постоянное присутствіе въ засѣданіяхъ Университетскихъ всего болѣе меня изнуряло; а потому я въ состояніи участвовать въ нихъ только по временамъ, для испытанія студентовъ въ Русской Словесности и въ другихъ необходимыхъ случаяхъ, относящихся прямо къ моему предмету.

Если таковыя занятія мои могутъ быть соотвѣтственны съ видами Вашего Сіятельства и потребностію Университетскою, то я въ пріятнѣйшій долгъ и честь себѣ вмѣнилъ бы возобновить мое служеніе Университету Св. Владиміра, состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ и распоряженіемъ Вашего Сіятельства. Что касается до денежнаго вспоможенія мнѣ на предстоящій трудъ, то я могу совершить оный, если для годичнаго содержанія себя въ Кіевѣ буду обезпеченъ выдачею мнѣ отъ Университета полнаго годоваго оклада, положеннаго штатомъ для ординарнаго профессора, за каждую лекцію по 15 рублей серебромъ.

Представляя все сіе благоусмотрѣнію и волѣ Вашего Сіятельства, съ истиннымъ почтеніемъ, признательностью и преданностью къ Вамъ честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Максимовичъ.

11 іюня, 1843 года Михайлова Гора, Золоношскаго уѣзда.

X.

Это предложеніе Максимовича, какъ извѣстно, было принято Округомъ, и въ августѣ того-же 1843 года онъ, получивъ подъемныя деньги, писалъ Попечителю:

Предложеніе Вашего Сіятельства отъ 7 августа и 150 руб. серебромъ, назначенные мнѣ на переѣздъ, я имѣлъ честь получить сего мѣсяца 18 дня, и вслѣдъ за симъ поспѣшу явиться въ Университетъ Св. Владиміра для начатія въ немъ моихъ занятій. На преподаваніе Русской Словесности я считаю совершенно достаточнымъ назначить три полуторачасовыя лекціи, какъ имѣлъ я въ бытность

мою профессоромъ; ибо при такомъ числѣ уроковъ каждая часть Русской Словесности, распредѣленной на всѣ четыре курса, можетъ быть изложена въ продолженіе года во всей полнотѣ, требуемой студентскимъ званіемъ и не обременительной для слушателей, которые сверхъ лекцій должны имѣть время для сочиненій и другихъ занятій, относящихся къ сему предмету. Большее число уроковъ было бы несоразмѣрно ни съ моими силами, ни съ потребностію самого предмета, подобно тому, какъ и для многихъ другихъ предметовъ въ университетѣ назначается и теперь менѣе восьми часовъ въ недѣлю. Многолѣтнимъ опытомъ я дознаъ вышеозначенное мною о числѣ лекцій, необходимыхъ для Русской Словесности, равно и то, что если профессору, участвующему въ пріемныхъ испытаніяхъ, назначается три лекціи въ недѣлю, то въ годичный курсъ ему приходится только съ небольшимъ девяносто уроковъ дѣйствительнаго преподаванія. Ибо, какъ извѣстно Вашему сіятельству, изъ сорока учебныхъ недѣль въ году—въ первое полугодіе (изъ 5 мѣсяцевъ онаго) до трехъ и болѣе недѣль, а во второе полугодіе (изъ $4^1/_2$ мѣсяцевъ оного) около 4 недѣль проходятъ обыкновенно въ испытаніяхъ, такъ что, за вычетомъ сего времени и табельныхъ дней, для дѣйствительнаго преподаванія остается въ первое полугодіе около 50 уроковъ, а во второе не болѣе 40. На семъ разсчетѣ и основалъ я испрошенную мною сумму 15 р. серебромъ за лекцію, какъ 90-ую часть профессорскаго оклада, принимая на себя сверхъ лекцій участіе въ засѣданіяхъ, назначаемыхъ для испытанія въ Русской Словесности. Представляя все сіе благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства, честь имѣю покорнѣйше просить, дабы мнѣ было назначено три лекціи въ недѣлю съ ежемѣсячнымъ производствомъ сказанной платы за каждую лекцію; я же потщусь быть всемѣрно полезнымъ для воспитанниковъ университета Св. Владиміра, не ограничиваясь одними урочными, условленными занятіями въ Университетѣ.

19 августа 1843 г.

XI.

Въ этомъ-же 1843 году открылась при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“, въ которую и былъ приглашенъ къ участію Максимовичъ. Подъ

его редакціей изданъ былъ 1-й томъ 1-ое отдѣленіе „Памятниковъ“, куда вошли „Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства“, о которыхъ и идетъ рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ Максимовича къ правителю канцеляріи генералъ-губернатора, Н. Э. Писареву, а также къ самому генералъ-губернатору, Д. Г. Бибикову.

—

3-го генваря 1844 г.

Милостивый государь

Николай Эварестовичъ!

На письмо Вашего Превосходительства отъ 30 декабря честь имѣю отвѣтствовать, что актовъ, относящихся къ исторіи Луцкаго и другихъ братствъ южно-русскихъ имѣется у меня такое уже количество, что изъ нихъ можетъ составиться значительный и любопытный отдѣлъ въ изданіи временной коммиссіи. Чтобы исполнить желанія Его Высокопревосходительства Дмитрія Гавриловича, я приложу стараніе о скорѣйшемъ ихъ заготовленіи къ печатанію,—и если бы я въ семъ дѣлѣ имѣлъ помощникомъ себѣ того г. Крыжановскаго, о которомъ Вы говорить изволили, то сей трудъ можетъ быть вполнѣ готовъ къ напечатанію, которое—по моему мнѣнію—необходимо должно производиться въ Кіевѣ.

—

1844 г.

Вниманіе В. В—а къ изданію актовъ Луцкаго братства побуждаетъ меня новымъ усердіемъ къ труду сему и обращаетъ его въ занятіе пріятнѣйшее. Акты сіи поистинѣ драгоцѣнны, ибо представляютъ собою новое свидѣтельство о томъ, съ какимъ усердіемъ и какими средствами Волынская Русь охраняла въ прежнее время православную вѣру, которая составляетъ основную и главную стихію народности нашей, для которой цѣлая Русь столько вѣковъ жила и дѣйствовала.

Изданіемъ сихъ актовъ исторія должна оправдать себя передъ нашею почтенною стариною и въ томъ забвеніи своемъ, съ какимъ она до 1841 года пропустила вовсе Луцкое и другія Волынскія Братства даже въ исторіи *Кіевской іерархіи* Преосвященнаго Евгенія.

Говоря во 2 кн. Кіевлянина на стр. 314 о намѣреніи одного ревнителя благочестивой старины нашей издать сборникъ Луцкаго братства, я разумѣлъ Преосвященнаго Иннокентія, которому я въ

1840 г. представилъ на разсмотрѣніе сей памятникъ, который весьма желалъ издать отдѣльно на своемъ иждивеніи.—Что касается до подлинныхъ актовъ, переданныхъ мнѣ Его Преосвященствомъ, то они возвращены были мною въ Луцкъ по принадлежности, а теперь вновь переданы мнѣ уже изъ коммиссіи.—Я приложу все возможное стараніе объ успѣшномъ и достойномъ изготовленіи сихъ памятниковъ сообразно желанію, изъявленному Вами въ лестномъ для меня письмѣ.

XII.

Однако ни служба въ дожности профессора по найму, ни научныя археологическія занятія, очевидно, не удовлетворяли Максимовича, и онъ въ началѣ уже 1844 года начинаетъ мечтать о новой дѣятельности—административной. Изъ слѣдующаго письма его къ попечителю Одесскаго округа [1]) видно, что онъ, ободренный какимъ-то предложеніемъ послѣдняго быть ему полезнымъ, проситъ предоставить ему должность помощника попечителя въ Одессѣ, или какого-либо иного равносильнаго мѣста.

—

Милостивый Государь

Дмитрій Максимовичъ!

Въ прошлое воскресеніе, т. е. 9 января, Караваевъ порадовалъ меня вѣстью объ Васъ и тремя одесскими книгами, чтеніемъ коихъ и занятъ былъ я въ эти дни. Спасибо великое Вамъ за распространеніе умственно-книжной дѣятельности въ краю Вашемъ; благодарность моя сердечная за Вашу добрую память обо мнѣ и за присылку этихъ книгъ, изъ которыхъ экземпляръ Николина писанія о родѣ Вашемъ сберегу особенно, какъ дорогой истинно праздничный мнѣ подарокъ отъ Васъ.—А равно за годъ, на Михайловой Горѣ моей, я получилъ изъ Кіева Ваше послѣднее письмо отъ 4 октября—отрадное и памятное для меня, при всемъ томъ, остававшееся безотвѣтно съ моей стороны..... Впрочемъ, чтобы отвѣчать на оное, видно, надо было пройти году, въ который я—не смотря на разныя сокрушенія жизни и на полное отчужденіе всякаго врачевства—сталъ опять на ноги, а потомъ здѣсь въ Кіевѣ рѣшилъ себѣ: гожусь-ли еще на что

---

[1]) Д. М. Княжевичу.

нибудь?... Задушевною мечтою я все стремился на Вашъ югъ, къ моему излюбленному Черному морю... И если бы имѣлъ у себя сколько-нибудь запасной деньги, то въ прошломъ бы еще лѣтѣ пріѣхалъ погулять и хоть немножко пожить въ Вашихъ предѣлахъ... Но ограниченный однимъ Переяславскимъ Казначействомъ въ средствахъ моего продовольствія, я оставался на горѣ моей, поглядывая на влекущійся отъ меня къ Черному морю Днѣпръ и на виднѣющіяся за нимъ изъ моихъ оконъ Воронцовскія (*не разобрано*). Между тѣмъ судьбѣ угодно было опять пригвоздить меня къ горамъ Кіевскимъ. На приглашеніе и потомъ формальное предложеніе князя Д., я счелъ себя обязаннымъ принять на себя хоть временно преподаваніе Русской Словесности въ Кіевскомъ университетѣ, для которой доселѣ не нашелся еще профессоръ: и вотъ съ сентября я преподаю Русскую Словесность поурочно, въ качествѣ артиста.... Само собою разумѣется что на такомъ основаніи мнѣ долго быть при Университетѣ не приходится; сдѣлаться же по прежнему профессоромъ—также не приходится по премногимъ причинамъ, изъ коихъ слагается итогъ: не хочу и не могу. Чтобы не показаться своенравно безотчетнымъ, я долженъ исповѣдаться предъ Вами хотя отчасти въ вырвавшейся грѣшной фразѣ. Оставляя всѣ топическія или мѣстныя причины моего нехотѣнія, упомяну о моихъ личныхъ. Около 20 лѣтъ преподавая разныя науки, я утратилъ охоту къ этому дѣлу, да и самая рысь или сила преподавательная довольно уже истаскалась; а въ памяти моей свѣжо изреченіе Василія Михайловича Котельницкаго, сказанное имъ на мое похвальное словцо Шевыреву послѣ вступительной лекціи: «погоди, батинька, поживешъ съ наше, будешь дуракъ!» Другая причина та, что профессорство вовлекло бы опять въ прежній кругъ постоянныхъ теоретически-ученыхъ занятій и сидѣній и по прежнему непремѣнно свалило бы меня съ ногъ. Къ тому жъ у меня охота смертная къ старинѣ Кіевской; а на мою участь горькую здѣсь при Генералъ-Губернаторѣ открылась уже Коммиссія, въ коей я очутился членомъ и уже имѣю отъ нея не мало старыхъ бумагъ и хартій: предавшись имъ, я самъ изветшаю и изсохну опять, какъ онѣ—ни за что, ни про-что,—и черезъ какой нибудь годъ—другой долженъ буду опять воротиться на гору свою для поправленія на подножномъ корму... Предвижу необманчиво такую участь; а изъ какихъ благъ буду готовымъ къ такому празднику, если профессорство къ моей пенсіи прибавляетъ только 2,050 рублей ассигнаціями? такая плата

за трудъ конечно не можетъ быть названа кладомъ; за то она можетъ быть поставлена третьею причиною, по которой мнѣ хочется избѣжать предстоящихъ мнѣ соблазновъ археографическихъ и профессорскихъ... Есть уже три причины, потому можно мнѣ не распространяться болѣе о семъ предметѣ; уже изъ нихъ видно, что мнѣ очень бы пріятно очутиться въ другой сферѣ и пребыванія и дѣйствія—не теоретическаго, ученаго сидячаго, но живаго и практическаго, для котораго не изветшалъ и не истощился еще, и которымъ кажется обманывалось бы мое бытіе, особливо въ вожделѣнномъ краю Черноморскомъ. Вы такъ радушно и благосклонно въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ поласкали мою мысль о переселеніи на югъ, что она выросла во мнѣ и обратилась въ рѣшительное намѣреніе; а чтеніе Вашего календаря привело меня къ мысли: не примете-ли Вы меня на службу къ себѣ и не замѣстите ли мною имѣющейся при Васъ «вакансіи». Ничего лучшаго не могъ бы я себѣ придумать и пожелать въ служебной жизни; а сколько чувствую и знаю себя, я, не смотря на слабое зрѣніе свое и на владѣніе однимъ лишь Русскимъ языкомъ, могъ бы еще быть усерднымъ и полезнымъ чиновникомъ на этомъ поприщѣ, сродномъ мнѣ, и отчасти извѣданномъ уже въ бытность мою ректоромъ за отсутствіемъ попечителя. Если же эту вакансію суждено не мнѣ занять, а для меня не найдется никакого другого мѣста служебнаго подъ начальствомъ Вашимъ чего именно желалъ бы я себѣ, какъ чиновнику, то я покорнѣйше просить буду Васъ найти для меня хотя иное какое либо занятіе, которое, прибавляя къ пенсіи моей (2660 р. асс.) столько же, или нѣсколько болѣе, доставило бы мнѣ возможность безбѣдной жизни въ Одессѣ или Крыму... Какъ бы охотно я тогда, кончивъ въ началѣ мая кіевскіе занятія мои и пробывъ съ мѣсяцъ на горѣ своей іюнь, пустился бы внизъ по Днѣпру—въ желанный предѣлъ: туда бы не шелъ я, туда бы летѣлъ... Вотъ мой столько сердечный, сколько обдуманный отвѣтъ на Ваше доброе, внимательное предложеніе: «чѣмъ нибудь способствовать моему перемѣщенію». Какъ много обязали бы Вы меня этимъ перемѣщеніемъ, о томъ, что могу говорить здѣсь... Мнѣ остается только просить и ждать отвѣта Вашего, въ упованіи на благорасположеніе Ваше преданному Вамъ искренно и съ душевнымъ почтеніемъ къ Вамъ имѣющему честь быть

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

М. Максимовичъ.

14 января, 1844 года. Кіевъ.

XIII.

Этотъ планъ Максимовича переселиться въ Одессу и перемѣнить родъ занятій, о чемъ, какъ помнится, біографы его до сихъ поръ не упоминали, не остановился на первомъ шагѣ, что видно изъ слѣдующаго письма его къ Министру Народн. Просв.

—

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь

Сергѣй Семеновичъ!

Пробывъ три лѣта въ деревенскомъ уединеніи и безъ трудовъ книжныхъ, я Слава Богу столько окрѣпъ въ моихъ силахъ, что могъ принять на себя временное преподаваніе въ Университетѣ Св. Владиміра, предложенное мнѣ г. Попечителемъ Кіевскаго учебнаго Округа. Годичнымъ курсомъ сего занятія я увѣрился, что могу опять поступить на дѣйствительную службу, къ чему и побуждаетъ меня не столько скудная проза моей буколической жизни, сколько привычная потребность иного круга людей и дѣятельности общественной. Исполненный сей потребности, я обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой принять меня опять на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, которой посвящены были лучшіе годы моей жизни и въ которой я имѣлъ счастье заслужить Ваше незабвенное для меня вниманіе. Всего ближе и удобнѣе было бы занять прежнюю катедру, но я чувствую, что для профессорства мнѣ необходимо сперва посѣтить на нѣкоторое время Москву и Петербургъ, дабы обновить и пополнить знанія свои знакомствомъ со многими, теперь уже доступными памятниками нашей словесности, освѣжить и повѣрить свои мысли бесѣдою съ разными учеными. Кромѣ того, я опасаюсь, что, предавшись вновь постояннымъ теоретически-ученымъ трудамъ и сидячей жизни, подвергнусь отъ нихъ прежнему разстройству и упадку силъ. Но при моемъ здоровьи и въ настоящую пору жизни, я долженъ желать себѣ поприща болѣе практическаго, на которомъ—кажется—могъ бы дѣйствовать и продолжительнѣе и полезнѣе для службы, не боясь преждевременнаго изнеможенія, испытаннаго мною отъ постоянныхъ занятій.

По сей собственно причинѣ я рѣшился просить Ваше Высокопревосходительство о принятіи меня преимущественно на таковую службу—въ должности, какой усмотрѣніемъ Вашимъ меня удостоите. Для меня самого всего желательнѣе была бы должность помощника Попечителя, для которой въ началѣ сего года была и вакансія въ Одесскомъ Округѣ, столь благопріятномъ мнѣ по своему климату. Для занятій, сопряженныхъ съ сею должностью, я имѣлъ уже случай извѣдать себя и пріобрѣсть нѣкоторую опытность въ бытность мою Ректоромъ, когда существовалъ еще училищный комитетъ: потому надѣюсь и въ этомъ или подобномъ званіи быть полезнымъ и вѣрнымъ служителемъ народнаго просвѣщенія.

Съ упованіемъ благосклоннаго вниманія Вашего къ вышеизложеннымъ желаніямъ моимъ и просьбамъ, и съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности къ особѣ Вашей, честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Максимовичъ.

4 апрѣля 1844 года.

Кіевъ.

XIV.

Какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ Министра на это письмо, намъ неизвѣстно, но вѣроятнѣе всего—гр. Уваровъ предложилъ Максимовичу оставаться въ роли профессора, давая кой-какія обѣщанія чего-то иного впереди. Объ этомъ можно судить на основаніи слѣдующаго письма Максимовича къ П. И. Гаевскому, Директ. Департ. Мин. Нар. Просв.

—

18 мая.

М. Г. Павелъ Ивановичъ!

Письмо Ваше отъ.... мая я имѣлъ честь получить и съ благодарностью принялъ милостивое участіе во мнѣ Его Высокопревосходительства Сергѣя Семеновича. Радъ буду, если столь лестное для меня мнѣніе о прежнихъ трудахъ моихъ оправдаю хоть временнымъ преподаваніемъ въ Университетѣ Св. Владиміра, для котораго я и предположилъ возвратиться въ Кіевъ къ началу новаго учебнаго года, отправляясь нынѣ опять на свою родину, въ Золотоношскій уѣздъ. Къ сожалѣнію моему, сіе занятіе при университетѣ не присвояетъ

мнѣ правъ службы и съ назначеніемъ новаго профессора должно прекратиться; для исполненія же точнаго и постояннаго всѣхъ обязанностей профессорскихъ не станетъ на долго моего здоровья; потому я, не смѣя безпокоить начальство опредѣленіемъ меня въ профессоры на малое время, по необходимости остаюсь съ прежнимъ желаніемъ получить административную должность, если хотя впослѣдствіи откроется вакансія на таковую должность по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Все сіе покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія Господина Министра. Удостоивъ меня Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ, не оставьте Вашимъ ходатайствомъ обо мнѣ у Его Высокопревосходительства; я же съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Превосходительства....

XV.

Въ іюлѣ 1845 года Максимовичъ опять покинулъ службу въ Кіевскомъ университетѣ, т. к. на кафедру русской словесности былъ теперь назначенъ новый профессоръ.—

Поселившись снова на Михайловой Горѣ, онъ теперь занялся, главнымъ образомъ, филологіей, не покидая и своихъ работъ по исторіи. Но бѣдственное матеріальное положеніе (762 р. въ годъ пенсіи) побуждаетъ его въ 1846 г. опять обратиться съ просьбою и къ попечителю Кіевск. Окр., и къ Министру о назначеніи его на должность профессора Русской словесности.

—

1846 года, августъ. (Попечителю Кіевскаго Округа).

Поступивъ на службу 1823 года 30 іюня въ Московскій Университетъ и продолжавъ оную съ 1834-го года въ Университетѣ Св. Владиміра, я по разстроенному здоровью уволенъ былъ вовсе отъ службы 1841 года 26 апрѣля, вслѣдствіе моего о томъ прошенія, съ назначеніемъ двухъ третей пенсіи. Съ той поры катедра Русской словесности въ Университетѣ Кіевскомъ оставалась безъ профессора, почему бывшій Г. Попечитель Кіевскаго округа предложеніемъ отъ 23 мая 1843 года приглашалъ меня занять эту катедру по прежнему,

или же принять на себя хотя временно преподаваніе Русской Словесности въ Университетѣ. По тогдашнему состоянію моего здоровья я могъ взять на себя послѣднее, и съ утвержденія Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 7 августа того же 1843 года, былъ Университетскимъ преподавателемъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Опытомъ сего преподаванія и другими занятіями учеными я убѣдился, что мое здоровье—благодаря Бога—возстановилось уже достаточно для занятія по-прежнему профессорской должности; не желая оставлять его втунѣ и желая искренно потрудиться еще на общую пользу въ Университетѣ, ввѣренномъ попеченію Вашего Превосходительства, я обращаюсь къ Вашему Превосходительству и имѣю честь покорнѣйше просить Вашего ходатайства о принятіи меня вновь на службу въ должности профессора Русской Словесности.

—

1846. Августъ.

Къ Министру.

Съ прекращеніемъ моихъ послѣднихъ занятій въ университетѣ Св. Владиміра, я болѣе года опять провелъ въ деревенскомъ уединеніи, трудясь всего болѣе надъ филологіей и приводя къ окончанію мои изслѣдованія о Русскомъ языкѣ, начало которыхъ намѣчено было 1828 года въ Ж. М. Нар. Просвѣщенія.

Этими занятіями и опытомъ двухлѣтняго преподаванія я удостовѣрился, что въ настоящее время—благодаря Бога—могу уже посвятить себя вновь ученымъ трудамъ на пользу общественную; и потому я рѣшился возобновить службу мою на педагогическомъ поприщѣ.

Съ этимъ намѣреніемъ прибылъ я теперь въ Кіевъ и просилъ Г. Попечителя ходатайствовать у В. С—ва о принятіи меня въ здѣшній Университетъ въ прежней должности. Съ тѣмъ вмѣстѣ я приступилъ къ печатанію моихъ филологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ я старался опредѣлить главныя отличительныя свойства нарѣчій Русскихъ отъ западно-славянскихъ и разрѣшить многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ современную славянскую филологію. Имѣю честь представить при семъ Вашему благоусмотрѣнію обозрѣніе статей, составляющихъ мое сочиненіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ осмѣливаюсь просить покорнѣйше позволенія украсить именемъ Вашего С—ва и посвятить Вамъ сей трудъ, какъ первый плодъ моей возобновленной ученой дѣятельности, которою не разъ имѣлъ счастье

обращать на себя Ваше незабвенное для меня вниманіе и заслуживать отрадное для меня одобреніе и ободреніе моихъ трудовъ.

Съ чувствомъ глубокаго почтенія къ особѣ Вашей, имѣю честь быть, Милост. Гос., Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

XVI.

Въ томъ же 1846 году, очевидно не надѣясь на профессорство въ Кіевѣ, Максимовичъ обращается къ другому источнику заработка, къ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, разсчитывая имѣть заработокъ въ качествѣ редактора изданій коммиссіи. Объ этомъ писалъ онъ правителю канцеляріи Н. Э. Писареву слѣдующее:

1846 г. 19 Декабря.

Писареву.

Если угодны В. П. труды мои для Коммиссіи, то я, свободный отъ всѣхъ занятій при университетѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ посвятилъ бы ихъ изданіямъ Коммиссіи, въ качествѣ редактора, получая положенную плату съ листа. Но какъ для этого необходимо мнѣ вновь водвориться и жить въ Кіевѣ—то я, въ помощь моимъ ограниченнымъ средствамъ жизни, желалъ бы получить теперь отъ Коммиссіи нѣкоторую сумму денегъ, или въ счетъ будущихъ работъ моихъ, или же въ въ видѣ вознагражденія за мои прежніе труды. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить В. П—во, принять милостиво сіе желаніе мое, довести о немъ до свѣдѣнія Е. Высокопревосходительства, и почтить меня отвѣтомъ Вашимъ, чтобы мнѣ сообразно съ симъ распорядиться мѣстопребываніемъ и будущими моими занятіями.

XVII.

Но и этотъ разсчетъ Максимовича на заработокъ въ Коммиссіи почему-то не осуществился, и вотъ въ маѣ 1847 года открывается для него маленькая перспектива—редактированіе „Обозрѣнія Кіева въ отношеніи къ древностямъ“ Фундуклея.

Объ условіяхъ выполненія этого труда Максимовичъ писалъ Фундуклею такъ:

—

1847 г.

Сообразно съ желаніемъ Вашего Превосходительства, я готовъ немедленно приступить къ редакціи Вашего Обозрѣнія Кіева, съ обязанностью: 1) ограничиваться въ измѣненіи текста самонужнѣйшими поправками, сокращеніями и пополненіями, оставляя его по возможности въ нынѣшнемъ его составѣ и видѣ; 2) вести всѣ сношенія съ цензурою и типографіей, и держать самому корректуру; 3) ускорить печатаніе книги такъ, чтобы оно было уже кончено къ началу Августа мѣсяца,—на что и Вальнеръ съ своей стороны обязывается.

За мой трудъ—если мнѣ самому уже должно сдѣлать оцѣнку ему—я полагаю достаточнымъ получить 225 рублей серебромъ [1]); но такъ какъ я нарочно для сего долженъ перемѣститься въ Кіевъ и пробыть въ немъ около двухъ съ половиною мѣсяцевъ лѣтнихъ, то по этому обстоятельству считаю необходимымъ получить дополнительныхъ, или вѣрнѣе сказать предварительныхъ 150 рублей серебромъ. При этой оцѣнкѣ я принималъ въ соображеніе, кромѣ предстоящихъ мнѣ занятій и издержекъ, еще то, что Университетъ, вызывая меня въ Кіевъ для временнаго преподаванія, выслалъ мнѣ на перемѣщеніе 150 р. сер. и потомъ платилъ мнѣ по 14 руб. серебромъ за полуторачасовую лекцію, которыхъ мнѣ назначено по три въ недѣлю.

Что касается до Описанія кургановъ и 2-й книги Обозрѣнія, то я къ Августу мѣсяцу могу прочесть ихъ предварительно, и тогда въ состояніи буду сообразить и сказать, что я могу изъ нихъ сдѣлать.

18 мая.

XVIII.

Покончивъ въ августѣ редактированіе Фундуклеева „Обозрѣнія“, Максимовичъ сейчасъ-же хватается за мысль получить постоянную работу этнографическаго и топографическаго характера при Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, дѣйстви-

---

[1]) Полагая за редакцію съ печатнаго листа 12 рублей.

тельнымъ членомъ котораго онъ былъ избранъ въ томъ-же 1847 году. Объ этомъ его планѣ узнаемъ изъ слѣдующаго письма.

—

Милостивый Государь

Θедоръ Петровичъ! [1])

Почтеннѣйшее увѣдомленіе Вашего Высокопревосходительства отъ 9 января сего года за № 58 и при немъ первую книжку Записокъ Общества я имѣлъ честь получить сего іюня 27 дня. Приношу глубокую благодарность за избраніе меня въ дѣйствительные члены Общества и всемѣрно потщусь оправдать столь лестное для меня вниманіе. Сообразно съ прежними занятіями моими надъ топографіей, и еще болѣе надъ этнографіей здѣшняго края, я желаю принадлежать къ Отдѣленію Этнографіи Россіи, и не премину представлять Обществу мои замѣтки по сей части, а также и замѣтки топографическія. Но какъ человѣкъ, свободный нынѣ отъ всѣхъ занятій служебныхъ, я истинно готовъ посвятить себя не этому отрывочному, но постоянному и болѣе обширному труду для Общества; и всего охотнѣе совершилъ бы путешествіе по разнымъ областямъ Россіи, для топографическихъ и этнографическихъ наблюденій, если-бы для меня открылись къ тому какія либо средства.

Поспѣшая объ этомъ представить благосклонному усмотрѣнію Вашего Высокопревосходительства, честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, Милостивый Государь, Вашимъ покорнымъ слугою

Михаилъ Максимовичъ.

29 Августа, 1847 г. Кіевъ.

XIX.

Но прошелъ и 1847 годъ, и 1848-й, близился къ концу и 1849, а предположенія совершать научныя поѣздки по Россіи для Географическаго Общества все еще оставались предположеніями, какъ это видно изъ прилагаемаго ниже письма, неизвѣстно къ кому адресованнаго. Въ этомъ-же письмѣ есть указаніе, что Максимовичъ въ 1849 году мечталъ уже о долж-

---

[1]) Адмиралъ Θ. П. Литке; былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству Импер. Географич. Общ.

ности ректора университета, какъ выражается онъ—„нынѣшнее ректорство“, противопоставляя его, конечно, прежнему, т. е. тому, которое онъ испыталъ въ первый годъ своей службы въ Кіевѣ.

—

12 Ноября, 1849 г.

Сердечно радуясь столь лестнымъ для меня воспоминаніямъ Вашимъ, имѣю честь препроводить при семъ Книгу Наума послѣдняго изданія и съ нею два отрывка изъ тѣхъ трудовъ моихъ надъ Южно-Русскою Стариною [1]), въ которыхъ я короталъ свою жизнь надъ Днѣпромъ, находясь въ отставкѣ съ 1841 года. Я пріѣхалъ на зиму въ Москву, что бы освѣжиться нѣсколько послѣ хуторскаго отшельничества. Будущее лѣто предполагаю провести въ Этнографическихъ поѣздкахъ по Руси, если только состоится это назначеніе мнѣ отъ Географическаго Общества. Впрочемъ, съ той поры какъ воротилось нежданно ко мнѣ мое полуздоровье, во мнѣ не разъ возникало желаніе служить опять по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Но для профессорства я, кажется, уже усталъ. Должность Попечителя хотя и знакома мнѣ на дѣлѣ, но—«мнѣ до нея, какъ до звѣзды небесной, далеко»! Ближе всего мнѣ, и по силамъ и по мысли, было бы нынѣшнее ректорство, если не въ Москвѣ, то въ одномъ изъ Южно-русскихъ университетовъ. Отъ роду мнѣ 45 лѣтъ; состою въ чинѣ Статскаго Совѣтника съ пенсіей 762 рублей, въ которыхъ и заключается мое богатство, которыми и довольствуюсь въ надднѣпровской усадьбѣ, называемой Михайловой Горою, заведенной мною изъ тысячи рублей годоваго жалованья, полученнаго при отставкѣ. Книжные труды мои доставляютъ мнѣ возможность проживать иногда въ Кіевѣ и наконецъ доѣхать до Москвы; но вообще они всѣ и не прибыльны: одинъ только Наумъ добрый у меня, прибавляющій къ моей пенсіи рублей до ста.—

Примите благосклонно это извѣстіе обо мнѣ и съ нимъ увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ я имѣю честь быть Вашимъ слугою...

---

[1]) Книжная старина Южно-Русская.

XX.

Пребывая въ это время въ Москвѣ, гдѣ онъ не былъ 15 лѣтъ, Максимовичъ, однако-же, не смотря на дружескія связи съ близкими людьми, не разстается съ мыслью, ставшею теперь его основной мечтою—поступить на казенную службу, особенно-же, какъ мы видѣли только-что, получить ректорство; объ этомъ онъ пишетъ Высокопреосв. Иннокентію, а также Министру Народн. Просв.

—

24 Ноября, 1849 г.

Ваше Высокопреосвященство!

Проѣздъ Вашъ чрезъ Москву пробудилъ въ душѣ моей такъ много прошедшаго и усилилъ мои помышленія о будущемъ. Намѣреніе воротиться отсюда на югъ, для дѣятельности служебной, ростетъ во мнѣ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ.

На примѣтѣ у меня ректорство въ Кіевѣ или Харьковѣ, тѣмъ болѣе, что оно рѣшилось бы въ декабрѣ. Благодатный край Вашей паствы [1]) для меня еще желаннѣе, но тамъ не вижу отсюда себѣ мѣста. Во всякомъ случаѣ при назначеніи меня на службу, особенно по университету, я желалъ бы, чтобы оставлена была при мнѣ моя пенсія (762 р.), которая мила мнѣ, какъ привычная, какъ вѣрная подмога на случай новаго крушенія въ здоровьѣ или иного невзгодья. Богатство не мой удѣлъ; да и не суждено мнѣ; но я долженъ признаться наконецъ, что и бѣдность мнѣ наскучила. «Роблю я, роблю—робота ни за що»! Не хотѣлось бы этой пѣсни поставить въ эпиграфъ новой главѣ моего житія.

Обозначивъ мои настоящія желанія и стремленія, покорнѣйше прошу помочь мнѣ Вашимъ ходатайствомъ у тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сила и власть, отъ кого зависѣть можетъ мое назначеніе.

М.

---

[1]) Въ Одессѣ.

Милостивый Государь

Графъ Сергій Семеновичъ!

Вашему Сіятельству извѣстно мое постоянное желаніе возобновить службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, столь много обязанному Вашимъ распоряженіямъ.

Удостоенный вниманіемъ Вашимъ, какъ преподаватель и труженникъ, я имѣлъ счастье удостоиться Вашего одобренія и въ званіи Ректора: и это даетъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить Вашего ходатайства о назначеніи меня Ректоромъ Университета въ Кіевѣ или Харьковѣ.

При семъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и признательности, имѣю честь быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

Махаилъ Максимовичъ.

1849 г. 14 ноября.
Москва.

XXI.

Изъ всего видно, что и приводимыя ниже два письма, писанныя къ гр. Д. Н. Блудову, изъ которыхъ одно относится къ 1849 году, ко времени пребыванія Максимовича въ Москвѣ, а другое къ 1850 г., когда онъ опять уже проводилъ жизнь въ Кіевѣ, также точно затрагиваютъ все тоже больное для него мѣсто—полученіе постояннаго заработка; о какой новой дѣятельности, въ видѣ предположенія, говоритъ онъ въ первомъ письмѣ, не видно, но нужно думать, что и эта мечта его разлетѣлась, какъ дымъ.

—

3 декабря.

Я имѣлъ счастье получить письмо В. С—ва отъ 24 ноября и не могу удержать себя, чтобы не высказать передъ Вами моей глубокой признательности за это драгоцѣнное для меня письмо; въ немъ много для меня душевной награды за прежніе труды жизни моей, и

утѣшительнаго ободренія на новую дѣятельность. Я надѣюсь и потщусь будущими трудами оправдать Ваше доброе мнѣніе обо мнѣ и вниманіе ко мнѣ. Далъ бы только мнѣ Богъ здоровья, для поддержанія котораго и желаю возвратиться опять подъ небо Русскаго Юга, увѣренный при томъ, что тамъ и въ служебномъ отношеніи я могу быть полезнѣе и успѣшнѣе.

При семъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и признательности...

—

1850 г.

Милостивый Государь

Графъ Дмитрій Николаевичъ!

Съ ближайшею почтою посылаю къ Вашему Сіятельству мой Кіенлянинъ на 1850 годъ, долженствующій выйти сегодня на бѣлый свѣтъ изъ работныхъ рукъ типографическихъ,—и прошу покорнѣйше удостоить его благосклоннымъ принятіемъ, какъ мой привѣтъ Вамъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ!..

Изъ этой книги усмотрѣть изволите, что занимало меня здѣсь въ нынѣшнемъ году. Въ маѣ мѣсяцѣ предполагаю напечатать еще мой Букварь и вслѣдъ за тѣмъ поспѣшить возвращеніемъ на родимые берега Днѣпровскіе.

XXII.

Наконецъ, и послѣднее изъ имѣющихся въ моихъ рукахъ писемъ Максимовича этого характера, адресованное неизвѣстно кому (вѣроятно къ Генер.-Губерн. Д. Г. Бибикову), еще разъ говоритъ все о томъ-же, но уже даже безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ: лишь-бы мѣсто, или хоть денежное пособіе.

—

22 сентября, 1850 г.

Вашему Высокопревосходительсву извѣстно мое стремленіе посвящать свою ученую дѣятельность преимущественно Кіеву и Южной Руси, а также и мое желаніе возобновить службу въ Кіевѣ. То и другое во мнѣ до сихъ поръ не прекращается, не смотря на разныя неудачи и препятствія; а потому я рѣшаюсь нынѣ обратиться къ

Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой принять въ милостивое вниманіе Ваше вышепомянутое желаніе и стремленіе мое, и удостоить меня ходатайствомъ Вашимъ объ опредѣленіи меня на службу въ Кіевѣ, или гдѣ къ тому представится нынѣ благопріятный случай, или же объ назначеніи мнѣ денежнаго пособія, необходимаго мнѣ на продолженіе моихъ ученыхъ занятій.

Теперь кончается десятый годъ, какъ я въ отставкѣ; въ нынѣшнемъ сентябрѣ начнется уже 47 годъ жизни моей; и мнѣ жаль, что мои лучшіе рабочіе годы уходятъ не съ тою пользою, какая могла бы отъ нихъ быть для отечества и науки, при обстоятельствахъ и средствахъ болѣе благопріятныхъ.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Неизданныя малорусскія стихотворенія М. А. Максимовича. Намъ доставлена П. Я. Дорошенкомъ маленькая тетрадка стихотвореній Максимовича, писанныхъ его рукою въ 1854 году 15 іюня съ приписокою «*Михайлу Осиповичу Судіенку на память отъ М. Максимовича. Михайлова гора.* Такъ-какъ стихотворенія его, разбросанныя изрѣдка въ разныхъ изданіяхъ, представляютъ большое затрудненіе къ отысканію ихъ, не будучи обозначены съ точностью въ библіографическихъ данныхъ о немъ, то мы печатаемъ этотъ сборникъ, напередъ извиняясь передъ читателями, если какое-нибудь изъ нихъ окажется уже извѣстнымъ въ печати; намъ по крайней мѣрѣ не приходилось ихъ встрѣчать.

Современныя пѣсни украинца.

(1854 г.).

1. *Горе* [1]).

Летивъ орелъ по-пидъ сонцемъ,
Дай сивъ випъ надъ моремъ:
Шумыть море и говорыть:
Яке въ свити горе!

---

1) Правописанія подлинника мы не удерживаемъ.

Охъ и горе велыкее
Явылося мыру:
Хрыстіяны съ Туркомъ сталы
На Хрыстову виру!
Охъ и горе велыкее
Прыйшло въ землю Божу:
Дере Турокъ изъ Хрыстіянъ,
Якъ изъ вола, кожу!
Горе, горе: по Востоку
Течуть рички крови;
Нема въ свити правды й добра,
Нема и любови!—
Шумыть море, гуде море
Всимы голосамы;
Стогнуть степы, гремлять горы
По-пидъ небесамы.
Летыть орелъ по-пидъ сонцемъ,
Весь свитъ оглядае;
Що винъ думае, гадае
Богъ едыный знае!

—

2. *До Задунайцивъ.*

Свитывъ мисяць до пивночи,
Да й ставъ прымеркаты;
Кругомъ його чорни хмары
Сталы обступаты.
Витеръ віе по Дунаю,
Зашумилы лугы;
Застогналы въ Туреччыни
Браты наши й другы.
Летивъ воронъ съ чужыхъ сторонъ,
Да й голосно кряче;
За Дунаемъ пидъ Султаномъ
Хрыстіянство плаче.
Ой не плачте, небожата,
Така ваша доля!

А щожъ наша въ свити доля,
Якъ не Божа воля!..
Ой не плачте, не журитесь,
Браты наши мыли:
Скоро буде на Балканахъ
Орелъ сызокрылый!

—

3. *На осаду Одессы.*

Въ Чорнимъ мори на просторп
Корабли гуляють:
То Французы й Англычаны
На Русь замышляють.
Не за волю, за неволю
Прыйшлы быться зъ намы,
Щобъ хрещеный мыръ пидъ Туркомъ
Бряжчавъ кайданамы.
Не за Хрыста, за нехрыста
Сталы супостаты,—
Щобъ святую виру й сылу
Нашу потоптаты...
Топтать бы вамъ пройдысвитамъ
Тилько хвыли въ мори,
Колы зайшовъ умъ за-розумъ
На грихъ и на горе!
Будете вы, недовиркы,
Будете вы знаты,
Якъ Одессу для прогрессу
На Велыкдень браты!
Побере васъ и побье васъ
Злая хуртовына;
Стане ваша сыла вража,
Якъ на мори пина!
Ваша слава всесвитняя
Обернется въ соромъ
И покрые ваше имя
Довичнымъ позоромъ!..

—

4. *Одесскіи гости.*

Прылетилы до насъ гости:
Ой чымъ же ихъ прывитать?
Чи не дать имъ пшеныченькы
Золотои поклёвать?
Наши гости не пташечкы,
Пшеныченькы не клюють;
Наши гости, якъ чмелыкы,
Свыстять соби та гудуть.
Колы гудуть якъ чмелыкы,
Дать имъ медку-солодку:
Нехай у насъ погуляють
Въ чорноморськимъ холодку!
Наши гости звутся тыгры,
Уже воны й заревлы...
Ревуть воны, бо вже силы
Ой якъ ракы на мели!

—

5. *Варна.*

Була Варна,—здавна гарна,
А ще къ тому й славна,
Що стратыла молодого
Ляшка Владыслава [1])
Тую Варну козаченькы
Гарно сплюндровалы,
Якъ съ гетьманомъ Сагайдачнымъ
Турка воювалы [2])
Була Варна знову гарна,
Да стала погана,
Якъ подалы їй гостынця
Одъ нашого Пана!..
Кажуть: теперь у тій Варни,
А якъ у броварни,
Наши сваты—прыятели
Варють пыво гарне.
Варють пыво, намъ на дыво,
Соби на весилля...

---

[1]) 1444 г.
[2]) 1605 г.

Колы-бъ тилько не боллы
Головкы съ похмилля!—

--

6. *До мого Московського товарыша.*
(Н. И. Н.). [1])

Здоровъ, мылый товарышу,
Головонько люба!
Чи ты, друже мій, одужавъ?
Кажуть: давъ-бувъ д у б а!...
Мы съ тобою, мій соболю,
Обыдва такіи...
Удалысь одынъ въ одного,
Якъ братья родныи.
Ой ты сыдышъ надъ Невою,—
А я сыжу тута,
Да дывлюся, якъ до моря
Йде Днипро — Славута.
Днипро иде — а я сыжу,
Якъ хмиль въ пыви кысну;
Да якъ прыйде къ серцю туга,
Заспиваю писню:
«Да вже й шабли поржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ;
А ще серце козацькее
Не боится туркивъ!» [2])
Летять думы по Дунаю,
А я сыжу тута,
Да все дывлюсь, якъ до моря
Йде Днипро — Славута.
Днипро иде—а я сыжу,
На коня не свысну;
Якъ почую про ворогивъ,
Тилько кулакъ стысну.
Такъ бы й давъ я: лорду въ морду,
Його другу — въ другу;

---

[1]) Конечно, Ник. Ивановичъ Надеждинъ.
[2])См. Собраніе Россійскихъ Пѣсенъ. М. 1780, ч. IV.

Турка — въ зашый я туравъ бы,
Ляшку — л я щ а давъ бы!
Отъ такъ бы я удовольнывъ
Прыятеливъ нашыхъ,
Колы вже имъ забажалось
К о з а ц ь к о и к а ш ы!

—

7. *До мого земляка — Золотоношця.*

(О. М. Г. [1]).

Де ты, пане енерале,
Батьку атамане?
Чоломъ тоби, мій земляче,
Нашъ славный козаче!..
Уже ставъ ты сывесенькый,
Якъ Днипро—Славута,
Лыбонь уже й задомовавъ,
Що тебе не чуты.
А може ты й молодцюешъ
Надъ моремъ—Дунаемъ,
Да Туреччыну частуешъ
Козацькымъ звычаемъ!
Тамъ гуляло—горювало
Гультайство хоробре;
Тамъ—и ты, нашъ козарлюго,
Нагулявся добре—
По горамъ и по долынамъ,
Темнымы лугамы,
По Дунаю шырокому—
Зъ двома бунчукамы!
Тамъ и службу добру справывъ
Батьку—Государю,
Якъ ты його перевозывъ
На той бикъ Дунаю.
Въ ту славную годыноньку,
Твои сиромахы

---

[1]) Генералъ *Гладкій*—былъ простой козакъ изъ села ***Мельникы***, Золотоношскаго уѣзда.

Вернулыся въ святую Русь,
Якъ у вырій птахы...
(Такъ колысь-то съ Татарщыны,
Нашъ Золотоношецъ
Цилу Сичъ вернувъ до Руси
Славный Запорожецъ! [1])

—

Въ той часъ пройшла, якъ та гроза,
Русь черезъ Балканы;
И набралысь велыкого
Страху́ бусурманы...
Да не ймется бузовирамъ
(Якъ ихъ земля носыть!),—
Отъ изнову хрыстіянынъ
Пидъ Туркомъ голосыть;
Турчать Англы и Французы,
Пиднявъ шайтанъ рогы:
Наробылы всьому свиту
Чвары́ и тривоги!..
И знову Русь грозою йде
На помичъ Востоку;
Злетивъ орелъ—самъ Богъ каже
Въ Царьгородъ дорогу...
Леты жъ туды, сызый орле,
Нашъ орле двуглавый,

---

[1]) Иванъ Алексѣевичъ Малашевичъ—см. Царскую грамоту сему кошевому атаману, данную 1733 года 31 августа.—Въ Золотоношѣ, въ Никольской церкви, сохранилось напрестольное Евангеліе (Кіевской печати 1733 г.), съ слѣдующею подписью: „Сія книга Evангеліе року 1735 генваря 9, мною Иваномъ Малашевичемъ атаманомъ кошевымъ Войска Запорозского Низового и нашимъ паномъ братомъКонъстинтіемъ: отмѣнили рады отпущенія грѣховъ своихъ талярей за сто задесять съ копою, и надаемо во вѣчніе часы до храму святителя Христова Николая Золотоношского, где наши родители померші Алексей и Параскевія лежатъ"... Въ краткой „Исторіи о козакахъ Запорожскихъ", сочиненной около 1740 года инженеръ-поручикомъ княземъ Мышецкимъ, сказано: „Иванъ Малашевичъ такожде былъ славной кошевой..... имѣлъ многія со стороны Россійской противъ Турковъ славныя дѣла. И какъ Россійская армія шла для взятія славнаго турецкаго города Очакова, оной идучи на Бугъ-рѣкѣ въ 1737 году умре".

Видкиль ты въ Русь перелетивъ
Для вичнои славы!..

—

А ты, козакъ, здоровъ бувай
На мори й на суши!
Турка рубай, да вызволяй
Хрыстіянськи души!
Бо на те й давъ Богъ козацтво,
Щобъ карать поганство,
Щобъ боронить одъ невирныхъ
Православну виру
Щобъ и жыты и вмыраты
Для Руського мыру!
За те й слава козацькая
Жыве, не вмырае:
«Вична память Богданови»
Якъ золото сяе!..

Кромѣ этихъ, мы нашли въ собраніи автографовъ, въ музеѣ В. В. Тарновскаго, среди стихотвореній Максимовича, извѣстныхъ уже въ печати, еще нѣсколько піесъ, какъ кажется, необнародованныхъ

1) Пѣсня на Тарасову годовщину 10 мая 1862 р.

Начинается это стихотвореніе посвященіемъ *Николаю Дмитровичу Иванишеву.*

Ой изгадай, друже лысый,
Якъ съ Тарасомъ ты спивавъ,
Да горилочку вружавъ
На Перыпятыси [1]).
Ой взгадай, друже мылый,
Якъ зо мною ты гулявъ
На Скавыци, да шукавъ
В и щ о г о могылы.

---

[1]) Извѣстный курганъ „Перепятыха“, раскопки котораго произведены были Иванишовымъ въ 40-хъ годахъ.

Мы чужыхъ могылъ шукаемъ,
А могыла знайде насъ;
Колы жъ прыйде смертный часъ—
Того не вгадаемъ.

Прощай, Тарасе, брате мылый!
Отсе мы въ тебе побулы
И годовщыну край-могилы,
Якъ подобае,—одбулы:
Та помолылысь—и впылысь,
Якъ упывався ты колысь.

—

Горилкою впывався дуже—
Нехай тоби земля перомъ!
А напувавъ ты, славный друже,
Сладкоспивучымъ насъ выномъ.
Твій хмиль задавсь на много литъ,
А слава стала на весь свитъ.

—

Прыймы-жъ, кобзарю нашъ едыный,
Ище поклонъ тоби зъ Днипра!
Прощай, любымче Украины!
Прощай, Черневая гора!
Гей, Днипре батьку, прыспишай—
Несы нашъ човенъ, колыхай...

---

2. *Юго-западному вратору.*

Беры, беры скорійшъ назадъ
Твое ледаче слово,
Колы поважывсь намъ сказать:
Забудьте рідну мову!

—

И на що здумавъ себе звать
Ты нашимъ другомъ, братомъ?

Готовъ есы за гроши стать
Ты нашимъ супостатомъ.

—

Познай, ораторе, себе!
Твоя брехня велыка:
Одъ неи й правда у тебе
Становытся калика.

Въ іюнѣ 1864 г.

Стихотвореніе это есть отвѣтъ на извѣстную статью «Слово русскаго человѣка къ народу, живущему въ юго-западной Россіи», помѣщенную въ 1864 г., въ 8-ой книжкѣ «Вѣстника юго-западной и западной Россіи», издававшагося Говорскимъ. У насъ имѣется отдѣльный оттискъ этой статьи съ карандашными на немъ помѣтками Максимовича, которыя онъ дѣлалъ, читая статью. Очевидно, статья ужъ очень разсердила старика, т. к. онъ на поляхъ испещрилъ ее своими сентенціями очень неодобрительнаго свойства, въ родѣ: «какой вздоръ! пустословіе! пройдоха! глупо! глуповато! свинство! просто свинья!» и пр. Изъ этихъ замѣтокъ прекрасно видно, какихъ воззрѣній держался Максимовичъ по вопросу національному. Очевидно, окончивъ чтеніе, онъ на этой-же брошюркѣ написалъ карандашомъ свое стихотвореніе, озаглавивъ его «Отповидка». Въ этой первой редакціи она была слѣдующая:

Беры, пройдысвите, назадъ
Твое гнылее Слово,
Колы поважывсь намъ сказать
Забуты ридну мову!
И не зовы себе по вїкъ
Ты нашимъ другомъ, братомъ [1]),
Скорійше новымъ будешъ намъ
Ты катомъ-уніатомъ.
Якый ты руськый чоловикъ?
Ты выплавокъ лытовськый!
(Дальше не разобрано).

---

[1]) Статья подписана: Истинный братъ и другъ малорусскаго народа.

Впослѣдствіи, значитъ, это стихотвореніе было имъ передѣлано и занесено въ тетрадку, находящуюся въ музеѣ В. В. Тарновскаго, въ иномъ видѣ.

---

3. *Пословица.*

Не вгадаешъ, не познаешъ,
Якъ угодыть людямъ;
Мы за благомъ поженемся,
А лыха добудемъ.
Все однако, чи йдешъ румомъ,
Чи то моремъ бурнымъ:
«Викъ жывы и викъ учыся,
А умрешъ ты дурнемъ».

3 сент. 1864.

---

4. *На 1864 годъ*

Той щаслывый, хто плугъ воливъ
Круторогыхъ мае
И хто нывы своихъ дидивъ
Оре й засивае.
Дай же, Боже, щобъ намъ сей годъ
Земля уродыла
И щобъ тоже увесь народъ
Вона вдовольныла.
Щобъ намъ зриты своихъ дитей
Розумныхъ, веселыхъ,
И щобъ миты прямыхъ судей
Въ городахъ и селахъ.
Нехай буде правдывый судъ
Вдови й сыротыни,
Нехай люде въ добри жывуть
По всій Украини!

---

5. *Старымъ друзьямъ.*

Якъ изгадую про васъ,
Мои давни другы,
То не видаю въ той часъ
Ни журбы, ни тугы;
Чую въ серци я любовъ,
И душа радіе—
Мовъ вертаются изновъ
Лита молодыи.

1866 г.

---

6. *Экспромптъ* (въ Кіевѣ 1864 г.).

Не покыну,—покы згыну
Мою Украину;
Якъ не буде въ чимъ ходыты—
Я свыту надину.

В. Н.

Письмо М. А. Максимовича къ NN. Намъ доставлено прилагаемое ниже письмо М. А. Максимовича къ неизвѣстному лицу, исполненное той семейственной лирики, которой такъ всегда была полна душа его. Писано оно въ 1839 году и главнымъ образомъ посвящено изліянію скорби о потерѣ матери, умершей 10 лѣтъ назадъ. Для насъ интересна вторая часть его, въ которой онъ высказываетъ свои настроенія, совершенно согласныя съ мыслью, подчеркнутою нами въ предисловіи къ письмамъ его (см. выше «Скорбная страничка...»), а именно: никогда онъ не былъ обуреваемъ честолюбіемъ и корыстолюбіемъ, чтó онъ объясняетъ въ себѣ тѣмъ, что считаетъ жизнь свою давно уже конченною. Такой унылый тонъ письма зависитъ отъ постигшей его болѣзни въ 1839 году, когда онъ почти лишился ногъ и принужденъ былъ безвыходно просидѣть дома нѣсколько мѣсяцевъ, даже лекціи студентамъ читая у себя на дому.

1839 года, іюля 22.

Десять лѣтъ уже я оплакиваю потерю незабвенной матери моей. Ея нѣжнѣйшая любовь была лучшимъ счастіемъ моей жизни; съ нею вмѣстѣ перешли за гробъ лучшія радости и надежды мои. Ничто мнѣ не замѣнило любви ея въ семъ мірѣ; и моя жизнь безъ нея стала бѣднѣе и печальнѣе. Чѣмъ дальше живу, тѣмъ яснѣе вижу и живѣе чувствую ея утрату; тѣмъ живѣйшую скорбь и благодарность ощущаю въ сердцѣ при воспоминаніи объ ней. Священна для меня ея память; священна для меня любовь ея къ намъ, по которой знаю, что значитъ любовь материнская; мою постоянную, неохладѣвшую любовь къ ней я считаю лучшимъ чувствомъ моей души; живѣйшее объ ней воспоминаніе и благодарныя объ ней слезы всегда облегчаютъ душу мою, даютъ лучшее утѣшеніе въ родственныхъ скорбяхъ моей жизни и укрощаютъ ту тревогу, которою возмутилась душа моя на родинѣ и которую преодолѣть самъ собою я не въ силахъ.

Мнѣ кажется, что смерть матери примирила меня съ смертью и пріучила мою душу къ безстрашію смерти, которое не разъ уже я испыталъ въ жизни; не разъ уже я чувствовалъ и болѣзненное присутствіе смерти, и свыкся съ думою объ ней. Жизнь мою давно уже я считаю конченною: потому не шелъ впередъ, чуждый всѣхъ порывовъ честолюбія и корыстолюбія; не стремился обезпечить и устроить себя житейскими благами, обрекши себя на одиночество. Я желаю только успокоительнаго отдыха отъ прежней жизни моей, истерзавшей меня и живѣйшими радостями, и сокрушительными печалями, и не знаю, найду-ли его до могилы.

Два письма Ѳ. Г. Лебединцева къ Т. Г. Шевченку.

22 октября 1859 года.

Тарасъ Грыгоровычъ!

Нехай Вамъ Богъ дае здоровье, нехай вика прыбавыть! Спасыби Вамъ, що я побачывъ Васъ и побалакавъ зъ Вамы хоть трошкы. А про те жалкую и доси, що не довелось мыни ще разъ побачытьсся зъ Вамы. Прыбигавъ я до Васъ разивъ зо тры, тай ще

разъ довидався, якъ уже зовсимъ зибрався въ дорогу;—колы жъ Вамъ николы, здаеться, й просвитку не давалы, — засмыкалы, якъ жыды того пана, що до склепу заклыкають. Нехай буде, якъ сталось, а тымъ часомъ отъ-що: чы отдалы Вамъ мою казань, що чытавъ я передъ Вамы? Не повынна, здаеться, пропасты, а въ тимъ хто ёго зна, бо й самъ я не видаю, кому іи оддавъ. Вже останній разъ прыбигъ я до Васъ, та не заставъ не тилькы Васъ, але й Гудовськыхъ [1]). Отъ и выйшовъ я на улыцю, колы дывлюсь,—сыдыть на стовпчыку якійсь льокай. «Чій ты?» —пытаю ёго.— «Гудовськыхъ»,—каже.—«Де жъ паны твои?»— «Не знаю».— «А Тарасъ Грыгоровычъ?» —«Въ гимназіи» [2]).— «Будь же ласкавъ»,—кажу ёму,—оддай осю бумагу Тарасу Грыгоровычу, якъ вернеться винъ додому!»—та й оддавъ ёму ту казань. Оттакъ було, а въ тимъ хто ёго зна, може й справди кàзна-кому оддавъ. Скажить же, будьте ласкави, чы вона у Васъ—та казань и що Вы думаете зъ нею зробыть? Може чыталы кому, такъ щó люды кажуть? Мабуть, кепкують, глузують. «Це,—скаже иншый, —«не проповидь, а „расказъ, описаніе"». Нехай соби що хотять кажуть, а я хочъ трычи прысягну, що такъ треба пысать. Годивъ зъ пять я думавъ объ сёму дили, та й выдумавъ, бачте, таке, що ажъ ченци здывувалысь. Нехай ихъ—ченцивъ тыхъ—дила судять.

Выбачайте, Бога рады, що змыкытывъ трошкы передъ Вамы, бо й доси не прыславъ передмовы до теи казани. Якъ що можете прыткнуть іи де-небудь, то прышлю,—далеби, прышлю. Напышить, будьте ласкави, хочъ трое словечокъ,—велыке спасыби скажу. Пославъ бы й теперъ ту передмову, такъ не допысана и не перепысана: нйколы було, и теперъ дуже николы.

Бувъ я ще разъ въ Украини. — Ненько ридная! нехай тебе Господь мылуе! Сонце палыло въ-день и мисяць въ-ночи!.. Надывывся доволи на панивъ, попивъ и людей. Паны останню кровъ высысають, попы звычайно службу правлять, часомъ люлькы курять, въ карты грають, та ще й добре выпывають, а наридъ бидный терпыть, терпыть та слёзы нышечкомъ вытырае. Нихто до ёго слова не промовыть, нихто ёму не скаже, якъ то въ свити Божому жыть, щобъ Богови вгодыть и души добро прыдбать. Прожывъ я въ Корсуни недиль зо дви. Тамъ, колы памятаете, рядомъ зъ братомъ моимъ

---

[1]) Фотографъ, у котораго Т. Г. иногда ночевалъ.

[2]) Въ это время Шевченко былъ у г. Чалаго во 2-й гимназіи вмѣстѣ съ Сошенкомъ.

становый жыве, такъ-такы хата коло хаты. Якъ-то людей тамъ мучать! Якъ воны крычать та плачуть! А становый въ шляфроку по стани похожае, люльку тягне, заглядае... не скажу, куды,—та на ввесь ротъ свій репетуе: «дужче, дужче! Эхъ ты бездѣльникъ! Я тэбя самаво»... Прыйшла якось до брата мого убогая жинка—на чоловика жалыться, вклонылась, взяла благословеные, та й каже: «батюшечко, серце, отець духовный! Змылосердиться надо мною, що я така несчасна, дайте пораду. Чоловикъ не злюбывъ мене вже годивъ зъ пять: попереду було все бье, потимъ одъ мыскы одигнавъ, дали зовсимъ зъ хаты выгнавъ, а теперъ вже комору роскыдае, щобъ не було мени де й голову прыхылыть; въ мене жъ диточокъ пятирко одъ его такы, хлиба дасть-би, зодягнуться ничымъ. Заступиться, батюшечко, серце, голубчыку!» Роспытався братъ мій ще-трохы, тай каже. «иды жъ ты, голубко, до становоrо, та попросы й ёго, та що винъ тоби скаже, тогди вже прыйдешъ до мене». — «Нехай мене Богъ сохраныть одъ того стану! Я ще зъ роду тамъ не була»,— сказала и трохы не заплакала».— «Не бійся,—каже ій братъ,—хиба ты худе що зробыла... иды; отъ и становый по двору ходыть». Пишла, та заразъ и прыбигла назадъ: побилила, выду на іи нема и трусыться, неначе одъ пропасныци. «Що тоби таке?» — пытае іи братъ. «Оце!»,—на сылу промовыла и тяжко зитхнула,—«и не стямылась, покы й до васъ прыбигла». Прыхожу до ёго, вклонылась, тай стала казать: ваше благородіе! така й така ричъ... а винъ, пробачайте, поганець, якъ крыкнувъ, якъ затупотивъ ногамы та почавъ нивечыты мене словамы, то я не знала вже, якъ и втикать одъ ёго. Нехай винъ západeться—той станъ. Зъ роду, зъ вику не пиду туды». Пораявъ братъ и самъ, якъ мигъ, а мени й доси жаль теи жинкы. Оттаке-то! А то зновъ, пысарець невирный вылизе на «балконъ» та звидтиль соцькыхъ переклыкае, то лае такъ скверно, що ажъ слухать сумно. Пидошвы не вартъ, а коверзуе. Горе, та й гоци!

Щобъ ище Вамъ сказать?—Недавно наша духовна цензура благословыла напечатать одну проповидь Филарета, що архіереемъ въ Черныгови. (Съ боку приписано: оцей самый Филаретъ недавно забравъ зъ нашои консисторськои архивы де-яки бумагы, а де-яки прыславъ въ нашу архиву. Треба подывыться, може що й ласеньке е. Я хочу напысать до ёго, щобъ винъ прыславъ зъ Глуховського монастыря Мельхиседекови бумагы. Филаретъ -- розумный чоловикъ, тилько бида, що кацапъ, хочъ и трудящый). Проповидь напысана

була по-кацапськи, бо Филаретъ и слова не втне по-нашому; такъ найшовся, бачте, священныкъ, що переиначывъ ту проповидь. Воно такъ неначе й по-нашому, але зовсимъ по-кацапськи. Въ цензури, щобъ Вы зналы, вси кацапы; отъ пытаю я того, що благословывъ печатать: «чы вы розибралы, що тамъ напысано?». «Какже-съ!—сказавъ винъ мини,—тамъ всѣ почти слова русскія!» Кумедія, тай годи!

Допысався до краю; теперъ хоть и прощайте! Бувайте жъ здоровп! Счасты Вамъ Боже, де Вы лыцемъ повернетесь.

Вашъ землякъ Ѳеофанъ Лебедынець.

На поляхъ письма собственноручно еще приписано: чы скоро одчынять Вашу «Хату»? Напышить, будьте ласкави. Якъ що въ насъ тисно буде, то й до Васъ—зъ чымъ Богъ пошле. Думаю ще росказувать де що. До Мыжырыча теперъ не доихавъ. Нехай иншымъ часомъ.—Въ Умань пысавъ два разы, та й доси нема ничого. Зъ нового року, здаеться, будемъ печатать Мельхиседека, и за Кушнира напечатаемо.—Выкохавъ я соби сына,—журналомъ называють. Самъ ёго на свитъ породывъ, безъ попа ймення давъ и хрыстывъ кумивъ не бравшы. Пишовъ винъ до Сыноду за благословеныемъ. Колы бъ же-то благословылы, и щобъ самому замись няньки буть. Не дай Боже, якъ перейде на чужи рукы! Не навчать добру, и пиде послухачемъ!... [1])

—

Тарасъ Грыгоровычъ!

Добры-день Вамъ, або добры-вечиръ! Жывеньки, здоровеньки, Чы пидскакуете ще хоть трохы? А Вы пытайте: чы по-во́ли, мовъ? чы по-неволи: (пышу-бъ то)?—Билшъ мабуть того, що по неволи: трапылась, бачте, оказія—чоловикъ иде въ ваши краи, то думаю соби: нехай грывенныкъ на свичечку може здастся. Оце жъ то той самый чоловикъ [2]). Прывитайте его хочъ едынымъ словомъ. Добряща на викы душа, та и землякъ такы нашъ, та ще й кликгеръ до того, а цикавый такый, що страхъ—надто до старовыны. Йиде оце винъ до Петенбурху, щобъ довидаться до архивы сынодськои; хоче, бачте, вывидать, та и намъ росказать, якъ то жылы колысь землякы наши попы, що робылы и чы багато горилкы пылы. Поможы Боже! Лакома ричъ!

---

1) Рѣчь идетъ о „Руководствѣ для сельскихъ пастырей".

2) Профессоръ университета и академіи Терновскій.

А я, якъ бачте, и доси ничого не зробывъ. И стыдъ, и соромъ, та колыжъ нйколы. Отъ, може, теперъ гулящымъ часомъ чы не пидроблюсь хочъ трошкы. Оце заразъ-такы маю бигты до Юзефовыча, колы памятаете, щобъ пустылы мене до архивы губерськои, а въ Центральному вже бувъ. Добра тамъ скилькы—Господы! Такъ бы здаеться и спавъ тамъ, та все такы нйколы. А якъ повытягаю дещо то звидциль, то звидтиль, то тоди и выдрюкую Мелхиседека. Воно бъ и давно вже пора, та нема, бачте, сьвидытыливъ зъ боку, такъ бы то ляшкивъ, або уніативъ. Все то росказуе *благочестіе*; а ваши пысьменни и не повирять, може, та скажуть: це такъ соби брехенькы росказуе.—Паперы давни, яки е въ мене, вси оддамъ въ «актову коммиссію»—нехай соби дрюкуе,—бо и мене, бачте, зробылы тамъ членомъ якимъ-сь, хочъ невирненькымъ.

А Вы пакъ що пороблаете? Може щé намъ выдрюкуете що-небудь?—Спасыби Вамъ велыке за кныжечку. Нехай Вамъ Господь заплатыть зъ высшого неба! Я зъ неи прочытую що-недили потрошку, якъ дидъ Вашъ зъ Мынеи. А патретивъ Вашыхъ у мене ажъ тры: лежыть одынъ на лежанци, а другый у шафи стоить, а третій такъ поверхъ кныжокъ поставленый. Отъ я прыдывляюсь часомъ то до того, то до того, та згадую Васъ усе. А чы гыкаеця жъ Вамъ хочъ трошкы?—бо я, бачте, кажу часомъ: нехай легенько икнеться Тарасу Грыгоровычу! Ангеломъ вцсть ёму—якъ каже було моя ненька.

Слава Богу, що выпрялы вже «Основу». Може и верстатъ уже поставылы. Теперь треба, мабуть, пйдткання. Чы не напряду и я чого-небудь. Тилькы, кажуть, на пидткання треба прясты тоненько, такъ може я и не зугаренъ буду до-ладý напрясты. Спасыби Билозерському, и мени такы прыславъ звистку. Нехай же тчуть на здоровье! Та колы бъ добре ткалы, щобъ выробыть матери на сорочку доброи двадцятки, бо зовсимъ обидрана, и тило навить свитыця, матерыне тило!

Чытавъ мени Юзефовычъ пысьмо свое до Билозерського, та ще и прымовлявъ до того: «Кá-зна що напысано, та и говбрыть не по людськи: звисно панъ, свитомъ нудыть. Сластёныхъ ему треба, та фыгивъ, та мыгивъ; а не схотивъ бы паслёну?» Оце заразъ чытавъ винъ зновъ те пысьмо, такъ уже зовсимъ лучче напысано: *образованія,* каже, треба, и *исторіи* треба. Ото-то такъ. На що намъ думкы, та спивкы, драмы и кумедіи? Перевелы мы на ихъ доволи паперу.

Языкъ зболивъ, та и рукы де у кого помлилы. А на що воно? Такъ тильки *времени провожденіе*! Хиба що такъ. Сказавъ бы я имъ дещо, та боязно: а ты звидкиль, скажуть, обизвавсь? Ще и винъ, хананокъ, цвирчыты!». И такъ зовсимъ бакы забьють.

Прощайте жъ тымъ часомъ! Бувайте здорови! Прыпошлы Вамъ, Боже, всякои утихы! Прощайте!

Вашъ землякъ Ѳеофанъ Лебедынець.

7-го іюля 1860 г.

—

P. S. Бувъ оце, кажуть, у Кіеви Кулишъ. Хочъ бы було глянуть де-небудь на ёго, якый то винъ на вэракъ.

— Чи лежыть у Васъ нашъ журналъ—хочъ за лавою? Чи може вже на горыще выкынулы? Выбачайте! Що маемо робыть? Хысту нема, та и ще де-чого нема.

„Богданъ Хмельницкій“. Анонимная поэма тридцатыхъ годовъ [1]). Настоящая анонимная поэма появилась тогда, когда русская печатная литература о Малороссіи ограничивалась почти исключительно одной *Исторіей Малой Россіи Бант.-Каменскаго*, причемъ послѣдняя, конечно, и послужила автору основаніемъ для фабулы. — «Богданъ Хмельницкій—освободитель Малороссіи отъ ига ляховъ, виновникъ счастья милліоновъ... конечно достоинъ пѣсенъ; и авторъ, избравъ его героемъ своего стихотворенія, не страшится хулы на счетъ разборчивости своего вкуса. Но чувствуя, что не вполнѣ достигъ предположенной имъ цѣли, въ защиту себѣ можетъ только сказать, что это первый опытъ его въ такомъ родѣ поэзіи». Такое предисловіе предпосылаетъ авторъ своей поэмѣ, фабула которой слѣдующая. Козакъ-путникъ остановился на берегу Днѣпра— отдохнуть и встрѣчаетъ здѣсь—

Въ одеждѣ крымца не простаго,
По виду—ляха молодаго,
И по словамъ ему роднымъ—
Украинца.

[1]) Спб. 1833. Въ 16-ю д. л. 121 стр.

«Украинецъ» (котораго авторъ далѣе называетъ «незнакомцемъ») ѣдетъ изъ Крыма въ Чигиринъ; разговорившись съ козакомъ, онъ узнаетъ отъ послѣдняго подробности тѣхъ притѣсненій, которыя Украина терпитъ отъ ляховъ.

Сарматскихъ ратниковъ толпы
Въ Украйнѣ нравы развращаютъ,
И уніатскіе попы
Благочестивыхъ проклинаютъ;
И ляхъ впрягаетъ козаковъ,
Возить по селамъ сихъ поповъ.
Вездѣ горятъ козачьи хаты,
Святой нашъ велелѣпный храмъ,
Поля и рѣки—все жидамъ
На откупъ отдаютъ сарматы...

«Незнакомецъ» упрекаетъ козаковъ за ихъ инерцію относительно «сарматовъ» и патетически восклицаетъ:

Украинецъ! примирись съ судьбою!
Богъ жребій смертнаго блюдетъ.
Вѣрь: надъ родной твоею страною
Вновь солнце счастія взойдетъ!

Разспрашивая «козака» о Чигиринѣ, «незнакомецъ» узнаетъ, что «дочь подстаросты въ Чигиринѣ», она же и «Марія»,—умерла... Это извѣстіе производитъ страшное впечатлѣніе на Хмельницкаго (читатель, конечно, узналъ въ ѣдущемъ изъ Крыма «незнакомцѣ» Хмельницкаго), и онъ—мчится въ Чигиринъ. Тамъ его сейчасъ узнаютъ—

«Хмельницкій!» весь народъ вопилъ;
А онъ въ отвѣтъ:—здорово братья!»
«Зиновій! ты!... въ какихъ странахъ—
Въ разлукѣ жилъ съ родимымъ краемъ?..
А мы, межъ падшими въ бояхъ,
Тебя въ молитвахъ поминаемъ...
—«Нѣтъ, братья, нѣтъ! Богъ козаковъ
Хранилъ меня и на чужбинѣ...

Затѣмъ Хмельницкій узнаетъ о смерти своего отца Михаила, убитаго Чаплицкимъ, спѣшитъ въ «замокъ убійцы» и уже подымаетъ на него «мечъ», но между Чаплицкимъ и Хмельницкимъ является—«Марія», умоляя пощадить отца... Хмельницкій «свой мечъ

съ негодованіемъ бросаетъ», но тутъ же его схватываютъ и отводятъ въ тюрьму.—Изъ тюрьмы Хмельницкаго освобождаетъ, конечно, Марія, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ и бѣжитъ. Отцовская погоня настигаетъ бѣглецовъ, стрѣляетъ—и Хмѣльницкій падаетъ; погоня его оставляетъ, какъ мертваго, а Марію схватываетъ и везетъ къ отцу... Хмельницкій, разумѣется, отъ ранъ не умеръ... Его пріютилъ какой то «дровосѣкъ», который, кстати, залѣчилъ Хмельницкому и раны... Этотъ же «дровосѣкъ» разсказываетъ Хмельницкому, что возвращенная къ отцу Марія снова убѣжала и, какъ слышно,—

Пошла къ стѣнамъ монастыря...
«Она избѣгла мукъ счастливо!»
Воскликнулъ радостно козакъ (Хмельницкій):
«Теперь... ты палъ надменный врагъ!
О родина! теперь Зиновій
Тебѣ одной принадлежитъ;
Своей послѣдней капли крови,
Онъ для тебя не пощадитъ!
Забуду все! отъ сей минуты
Душа для нѣжности замретъ,
Доколѣ родина отъ смуты
Отъ тяжкихъ бѣдъ не отдохнетъ!

Хмельницкій бѣжитъ въ Запорожье.

И вотъ предъ нимъ—*Никитинъ Рогъ*—
Тамъ—*Сѣчь*.....

Своими разсказами о положеніи дѣлъ въ Украинѣ, Хмельницкій становится на Запорожьи популярнымъ, и запорожцы выбираютъ его гетманомъ Украины. Выборы происходили *на радѣ*:

Уже на площади стояли
Всѣ козаки, по *куренямъ*,
И всѣ начала *рады* ждали.
Вотъ отворился Божій храмъ,
И *есаулъ* выноситъ знамя.
При видѣ спутника въ бояхъ,
У запорожцевъ мести пламя
Сверкнуло въ радостныхъ очахъ.
Въ литавры *довбышъ* ударяетъ,
Народъ, шумѣвшій, умолкаетъ,
И появились: кошевой,

Судья и писарь войсковой.
Шелъ первый съ *палицей*; съ печатью
Шелъ войсковой судья за нимъ,
А писарь важно за вторымъ—
Съ чернильницей...

Изъ этого описанія *рады* видно прилежное изученіе авторомъ мѣстной исторіи. Засимъ слѣдуетъ разсказъ, какъ Хмельницкій съ запорожцами и союзными татарами идетъ въ Украину, какъ поляки встрѣчаютъ его при *Желтыхъ Водахъ* и чѣмъ кончилось происшедшее тутъ сраженіе—

И свѣжій лавръ—обвилъ чело
Малороссійскаго героя!

Близъ Корсуня происходитъ другое сраженіе; здѣсь новая удача:

Сарматы въ страхѣ побѣжали,
И главные вожди враговъ
Въ шатрѣ Хмельницкаго стояли...

Хмельницкій прославляется народомъ...

И вотъ молва: что подъ *Пилявой*
Вѣнчался гетманъ новой славой;
И что увѣнчанный герой,
На время кинувъ поле битвы,
Спѣшитъ съ дружиной въ градъ святой
Для благодарственной молитвы.
И Кіевъ ждетъ его...

Народъ хочетъ устроить ему торжественную встрѣчу и обращается къ митрополиту—помочь ему въ этомъ дѣлѣ; митрополитъ раздѣляетъ энтузіазмъ народный и идетъ въ «обитель сестеръ», на совѣтъ съ «игуменьей», чтобы выбрать одну изъ «сестеръ» для поднесенія народному вождю «хлѣба священнаго».

Игуменья избираетъ для этого «бѣлицу» Минодору, которой постриженіе, между прочимъ, назначено на второй день послѣ этого. Узнавъ, что ей предстоитъ поднести отъ имени народа хлѣбъ Хмельницкому, Минодора не можетъ прійти въ себя и при этомъ разсказываетъ одной изъ «сестеръ» свою исторію, изъ которой узнаемъ въ разсказчицѣ Марію Чаплицкую. Бѣжавъ отъ отца, Марія пришла въ Кіевъ и здѣсь обратилась къ помощи настоятеля одного изъ монастырей, который, «миропомазавъ и наставивъ Марію въ законѣ новомъ», отправилъ ее въ женскій монастырь.

Теперь, на мигъ
Душа для счастья просіяетъ...
Но, другъ—не тотъ: онъ сталъ великъ,
А я... меня онъ не узнаетъ.

Но вотъ настаетъ день въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ.

Чу!... Отдаленный трубный звукъ!...
И вотъ, съ Софійской башни, вдругъ
Раздался голосъ: ѣдутъ!—
Полный
Высокихъ чувствъ, съ крестомъ святымъ,
Идетъ митрополитъ; за нимъ
Все духовенство, и, какъ волны,
Шумящій движется народъ;
И чистая, какъ голубица,
Въ толпѣ восторженной идетъ,
Съ главой поникшею—бѣлица.
Она Хмельницкому несетъ
Въ даръ отъ народа, хлѣбъ священный,
На немъ: *спасителю—спасенный.*
Завидя гетмана вдали,
Митрополитъ остановился.—
Герой—съ коня; и до земли,
Перекрестившись, поклонился.
Пошелъ и рать за нимъ пошла,
Побѣдоносцы въ градъ вступили.—
Вдругъ залились колокола,
И кіевляне возопили:
Хмельницкій! низложенъ тиранъ!
Ты отъ позора насъ избавилъ,
Ты родину свою прославилъ,
Отсель, да будешь ты: Богданъ!
. . . .
. . . .
. . . . «Мужъ знаменитый!
Воззвалъ Сильвестръ: «прими нашъ даръ!
Въ немъ все, что мечъ врага, пожаръ
Оставилъ для родного края».
И изъ толпы, едва живая,

Бѣлица, трепетной стопой,
Подходитъ къ гетману; рыдаетъ...
И то блѣднѣетъ, то пылаетъ;
И вотъ, поникнувъ головой,
Она чуть внятно произноситъ:
«Прими нашъ бѣдный даръ, герой!
«Тебѣ народъ его подноситъ,
Прими!... тебя... Марія проситъ!»
Хмельницкій поблѣднѣлъ... дрожитъ...
Народъ въ смятеніи... Марія—
На друга смотритъ и молчитъ.
. . . .
«Марія! ты-ль?... Какая сила
Мое блаженство довершила?» —
Воскликнулъ гетманъ; палъ на грудь
Къ подругѣ, небомъ возвращенной,
И долго онъ не могъ вздохнуть,
Восторгомъ чистымъ упоенный.
. . . .
Чувствительный! докончи самъ
Небесную картину счастья!—

Разсказавъ содержаніе поэмы, добавимъ, что авторъ послѣдней имѣлъ уже предъ собою примѣръ поэтическаго изложенія одного изъ эпизодовъ малорусской исторіи: за четыре года передъ тѣмъ (1829) была издана *Полтава* Пушкина. Основаніемъ этой поэмы Пушкинъ взялъ романъ стараго гетмана съ юной своей крестницей и казнь отца послѣдней тѣмъ-же гетманомъ. Выбранный Пушкинымъ эпизодъ исполненъ драматическихъ положеній, давшихъ возможность геніальному поэту выказать и въ *Полтавѣ*—весь блескъ своего таланта. Не таковъ эпизодъ, выбранный нашимъ анонимомъ. Онъ остановился на самомъ крупномъ лицѣ малорусской исторіи, у котораго на-лицо всѣ данныя для того, чтобы стать героемъ въ любомъ литературномъ произведеніи: поэмѣ, драмѣ, романѣ... Взявъ для формы, какъ и Пушкинъ, поэму, анонимъ строитъ послѣднюю на фабулѣ о любви Хмельницкаго и о его въѣздѣ въ Кіевъ; здѣсь онъ ввелъ небывалый и едва ли возможный въ исторіи событія фактъ поднесенія въѣзжающему въ Кіевъ Хмельницкому хлѣба какою-то «бѣлицей»... Натяжка автора очевидна, какъ очевидна и скудость его поэтическаго вообра-

женія. Тѣмъ не менѣе нашему анониму принадлежитъ честь перваго изображенія Хмельницкаго въ литературномъ произведеніи новѣйшаго времени [1]). До этого времени о Хмельницкомъ въ русской литературѣ извѣстно было лишь «историческое повѣствованіе» о Хмельницкомъ Федора Глинки, напечатанное въ 1816 г., въ его *Письмахъ къ Другу*; къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности познакомиться съ этимъ произведеніемъ [2]).

Черезъ шесть лѣтъ послѣ изданія этой анонимной поэмы о Хмельницкомъ, стали печататься въ тогдашнихъ журналахъ отрывки изъ другой посвященной тому же герою поэмы («Богданъ»), принадлежащей Гребенкѣ. Вполнѣ эта поэма была напечатана сначала въ *Библ. для Чт.* 1843 г. № 2, а затѣмъ въ собраніи *Сочиненій Е. П. Гребенки*, изд. Литова (Спб. 1862) т. V, стр. 7—81.

А. Л.

Письмо проф. Н. Д. Иванишева Барону С. И. Шодуару.

Сообщаемое ниже письмо проф. Кіевскаго университета Н. Д. Иванишева извѣстному составителю «русской нумизматики», удостоенной Демидовской преміи, и собирателю рѣдкихъ книгъ русскихъ и польскихъ, барону С. И. Шодуару, «ученѣйшему между баронами», какъ выражается о немъ самъ Иванишевъ въ одномъ изъ писемъ В. В. Ганкѣ, извлечено нами изъ бумагъ В. В. Ганки, хранящихся въ библіотекѣ музея Королевства Чешскаго.

В. А. Францевъ.

Милостивый государь!

Прошу простить меня великодушно за то, что я такъ не скоро посылаю Вамъ отвѣтъ на первое письмо Ваше. Причина состояла

---

[1]) Изъ XVIII в. извѣстно произведеніе Феофана Прокоповича.—„*Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго... свободившая*". См. Соч. Максимовича, II, 486.

[2]) Полное заглавіе книжекъ Глинки такое: „Письма къ другу, содержащія въ себѣ: замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: *Зиновей Богданъ Хмельницкой или освобожденная Малороссія*. Федоръ Глинка, сочинитель писемъ русскаго офицера". Спб. 1816 года. Три части. Въ 16-ю д. л. „Повѣствованіе" о Хмельницкомъ напечатано повидимому въ 3-й части, такъ какъ въ первыхъ двухъ частяхъ *Писемъ*, имѣющихся въ нашей библіотекѣ, его нѣтъ.

въ томъ, что мнѣ не хотѣлось писать къ Вамъ пустаго письма, а желательно было порадовать Васъ какимъ нибудь важнымъ пріобрѣтеніемъ для Вашей библіотеки. Но, не смотря на всѣ мои старанія, я не успѣлъ пріобрѣсть для Васъ ничего порядочнаго. Я увѣрился, что семинаристъ, обѣщавшій доставить апокризисъ,—мошенникъ. Книги, о которыхъ объявлялъ Вамъ слуга, были самыя ничтожныя, и поэтому я не могъ купить ни одной изъ нихъ. Студентамъ университета, разъѣхавшимся на вакаціонное время въ разныя стороны, я поручилъ справиться въ монастыряхъ, преимущественно уніатскихъ, не найдутся ли нужныя для Васъ книги. Узнавъ, что въ Лаврѣ есть значительное количество книгъ, сложенныхъ въ безпорядочной кучѣ близъ монастырской трапезы и не записаныхъ въ каталоги, я два раза пытался пробраться, но безъ всякаго успѣха. Теперь я совсѣмъ долженъ оставить свои попытки по одному обстоятельству, которое огорчило весьма меня и весь университетъ. Вчера былъ у насъ публичный актъ, на которомъ я читалъ разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ Богемскомъ и Скандинавскомъ. [1]) Изслѣдывая идею личности въ бракѣ, въ отношеніи дѣтей къ родителямъ и во власти господъ надъ рабами, я долженъ былъ два раза произнести слово concubinat и упомянуть о правѣ vitae ac necis родителей. Это показалось обиднымъ для главы черныхъ; онъ прервалъ меня, сдѣлалъ замѣчаніе ректору, и я доженъ былъ прекратить чтеніе. Объ этомъ происшествіи мы дадимъ знать Министру и пошлемъ читанную мною диссертацію. Послѣ такого случая я не могу болѣе предпринимать ученыхъ путешествій въ Лавру.

Отъ чистаго сердца желая Вамъ наслаждаться всѣми удовольствіями, какія представить можетъ образованная Европа, остаюсь, съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію

Вашъ покорный слуга

Николай Иванишевъ.

1841, іюня 16-го дня.

[1]) Эта рѣчь Н. Д. Иванишева напечатана была и по чешски, въ переводѣ и съ обширными примѣчаніями А. Штробаха, въ журналѣ Casopis Českého Musea XVII, 1843, 597; XVIII, 1844, 128, 349, 489; подъ заглавіемъ: Idea o osobnosti podlè starysh práv českych a skandinavskych. Первоначально она помѣщена была въ Журналѣ Министерства Нар. Просв., 1842 г., октябрь, стр. 1—18...

Библіографія.

И. А. Куриловъ. *Роменская старина. Историческія, статистическія и бытовыя записки о городѣ Ромнѣ и его обывателяхъ, отъ начала города до нашего времени. Ромны. 1898 г. Цѣна 1 рубль серебр. Стр. 345.*

Авторъ книги — роменскій старожилъ. По его словамъ (стр. 116, 132 и др.), онъ учился въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, которое окончилъ въ началѣ 50-хъ годовъ потомъ служилъ въ городской управѣ, сначала писцомъ, затѣмъ бухгалтеромъ. Въ 80-хъ годахъ авторъ былъ церковнымъ старостой роменскаго собора. Службой своей въ городской управѣ г. Куриловъ воспользовался для знакомства съ думскимъ архивомъ, а во время своего старостава при соборѣ онъ изучалъ дѣла роменской духовной протопопіи. Въ 1887 году онъ напечаталъ въ Ромнахъ «Историко-статистическое описаніе роменскаго Свято-Духовскаго собора» (см. мою рецензію этой брошюры въ «Кіев. Стар.» 1888, IV), въ настоящемъ же году выпустилъ въ свѣтъ описываемую теперь книгу. Она—результатъ многолѣтняго изученія авторомъ исторіи родного города. «Интересуясь,—говоритъ авторъ въ предисловіи,— какъ природный житель и любитель старины, всѣми малѣйшими подробностями, относящимися къ исторіи родного города, я много лѣтъ собиралъ: изъ архивныхъ дѣлъ, изъ разсказовъ старожиловъ разные записки о жизни нашихъ предковъ, и не имѣя возможности, по своимъ занятіямъ, составить настоящую исторію, рѣшился издать эти правдивыя записки, чтобы не уничтожились онѣ въ рукописи такъ, какъ уничтожились уже многіе архивныя дѣла, и чтобы когда-

нибудь, болѣе меня образованный историкъ, могъ извлекти изъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія для мѣстной исторіи г. Ромна».

Кромѣ архивныхъ «дѣлъ» и мѣстныхъ преданій, уяснить роменскую старину помогали автору еще слѣдующіе источники и пособія: лѣтопись по Ипатскому и Лаврентьевскому списку, лѣтопись Самовидца, «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ» Гавр. Успенскаго, Исторія М. Россіи Бантышъ-Каменскаго, «Топографическое описаніе черниговъ. намѣстничества» Шафонскаго и «Записки о Полтавской губерніи» Арандаренка. Книги эти перечислены авторомъ въ началѣ его труда, въ выноскахъ же на разныхъ страницахъ текста еще встрѣчаются ссылки на исторію Карамзина, на «Кіевскую Старину» за 1890 годъ, на «Сулимовскій архивъ» (изд. А. М. Лазаревскаго), на статистическое описаніе г. Ромна Терещенка (въ Жур. М. Вн. Д. 1861 г.), на брошюру Ѳ. Н. «Родина Калнишевскаго»; наконецъ, безъ ссылокъ авторъ позаимствовалъ кое-что (напр. о проѣздѣ черезъ Роменъ разныхъ московскихъ посланцовъ къ Хмельницкому) изъ плохой брошюры по исторіи Ромна г. Рындина.

Книга подѣлена авторомъ на части довольно своеобразно: часть первая—«отъ древнихъ временъ до учрежденія намѣстничествъ», вторая— «отъ учрежденія намѣстничествъ до преобразованія городского управленія» (по Положенію 1870 г.), третья—«отъ преоброзаванія городскаго управленія до настоящаго времени», и четвертая—«историческія и статистическія записки о городскихъ церквахъ». Исторію роменскихъ церквей авторъ выдѣлилъ въ особый отдѣлъ, очевидно, потому, что придавалъ ей особенное значеніе. Эта часть книги г. Курилова и есть самая лучшая. По всѣмъ доступнымъ матеріаламъ, преимущественно по дѣламъ архива бывшаго роменскаго духовнаго правленія, авторъ излагаетъ исторію постройки и украшенія шести роменскихъ церквей: соборной свято-духовской, никольской, покровской, вознесенской, александровской и всѣхсвятской кладбищенской. Все изложеніе проникнуто неподдѣльною любовью къ предмету описанія и отличается наибольшею во всей книгѣ серіозностью.

Изъ роменскихъ церквей заслуживаютъ большаго вниманія двѣ: каменная соборная, построенная въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и деревянная покровская, построенная въ шестидесятыхъ годахъ того же столѣтія Калнишевскимъ. Въ Ромнахъ было преданіе, внесенное и въ старыя церковныя описи, что соборъ построенъ какою то Маврою Заборовскою. Г. Куриловъ въ прежнемъ своемъ историко-

статистическомъ описаніи собора совершено игнорировалъ это преданіе; когда же ему было указано мною на существованіе вблизи Ромна, въ с. Волковцахъ, въ прошломъ вѣкѣ фамиліи Заборовскихъ, принадлежавшихъ къ лубенской полковой старшинѣ и имѣвшихъ домъ въ Ромнахъ, г. Куриловъ въ новомъ описаніи собора старается оспаривать преданіе о Маврѣ Заборовской. Но вопросъ о строителяхъ собора все-таки, по моему мнѣнію, остается пока открытымъ. Въ соборной роменской церкви есть одно старое евангеліе, безъ выходного листа, но съ интересной надписью по страницамъ, свидѣтельствующею, что въ городѣ были «козаки его королевской милости» еще въ 30-хъ годахъ семнадцатаго вѣка, т. е. въ самый разгаръ Вишневеччины. Такъ какъ надпись эта можетъ быть интересна и болѣе обширному кругу читателей и въ книгѣ г. Курилова приведена съ довольно грубыми опечатками, то выписываемъ ее здѣсь цѣликомъ въ исправномъ видѣ:

Стр.	*Надпись:*
15.	Сыя Кныга Глаголемая
16.	Евангелые Отмѣни Раба Божия
17.	Марья Омеляновна
18.	З мужемъ Своимъ Демъяномъ щеръбыною
19.	Козакомъ воиска его Кр. милосты запорозъкаго
21.	I нада Нацерков Пренасвентшои Богородицы
22.	В ромънѣ въ року 1635
63.	молю отцѣ і братыя А щебы былъ який непорядок
64.	В церкви волно будет потомъкови моему
65.	Сыну моему луб доццѣ моей люб зятю моему
72.	Взят сцеркви I отдат где ся имъ вподобает
73.	I если бы ся що колъвек зопсовало, повинни дѣты мои
74.	посмерты моей изъ свои худобы направыти
75.	а иншый нѣхто не мает справи до того
76.	а нѣ попъ а нѣхто иншый есль кревнии мои
78.	Зас еслибы хто мѣл еи украсты
79.	албо без вѣдома отдалит от церквы
80.	Нехай будет проклят первимъ. Соборомъ Ныкейскымъ
81.	От Святых отецъ анеѳема арыя несторня
82.	Савелыя з протчих I розсудится зо мною

83. на оном Свѣты пред нелицемѣрным Судыею [1]).

О покровской церкви подробно говорилось въ «Кіевской Старинѣ» 1892 года, въ моей статьѣ: «Родина Калнишевскаго». Г. Куриловъ въ своей книгѣ сказалъ о ней очень мало новаго. Нельзя не присоединиться къ сѣтованію автора по поводу предстоящей сломки этой церкви. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время рядомъ съ старой церковью уже строится новая, которая должна ее замѣнить. Хотя новая церковь будетъ каменная, но принимая во вниманіе размѣры и стоимость ея (около 25 тысячъ руб.), нельзя не пожалѣть, что стройный, типичной архитектуры, съ прекраснымъ, дорогимъ иконостасомъ, храмъ послѣдняго кошевого будетъ замѣненъ маленькой, аляповатой церковкою, съ помѣщеннымъ внутри ея обрѣзаннымъ и изуродованнымъ иконостасомъ старой церкви. Между тѣмъ «стѣны и купола этой (старой) церкви», говоритъ г. Куриловъ, «сдѣланы изъ такого крѣпкаго дерева, что на него ни время, ни сырость не имѣютъ по-видимому никакого вліянія. Онѣ тверды, какъ желѣзо, и стóитъ только кое-гдѣ обшелевать снаружи, покрасить краскою, и церковь останется (осталась-бы) еще на долго». Къ сожалѣнію, беззастѣнчивость, соединненая съ недостаточнымъ образованіемъ, въ этомъ, какъ и во многихъ случаяхъ, не пощадила цѣннаго памятника родной старины.

Перейдемъ къ другимъ частямъ книги г. Курилова. Приведши всѣ скудныя лѣтописныя упоминанія о Ромнѣ въ до-монгольскій періодъ и тѣмъ избѣжавъ повторенія нелѣпыхъ разглагольствованій объ этомъ періодѣ Арандаренка, авторъ переходитъ прямо къ XVII вѣку, а о промежуточномъ времени говоритъ: «Должно полагать, что послѣ изгнанія отсюда половцевъ и печенѣговъ, Роменъ, по своему географическому положенію не имѣлъ никакого особаго значенія, по тогдашнимъ политическимъ и стратегическимъ расчетамъ. Можетъ быть: даже и во время нашествія монголовъ и во всѣ кровопролитныя войны литовскаго и польскаго періодовъ онъ оставался въ сторонѣ отъ всѣхъ переворотовъ и опустошительныхъ разореній, которымъ подвергались другіе города здѣшняго края, и потому имя его ни въ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ словахъ надписи мы только поставили въ строку тѣ буквы, которыя въ подлинникѣ стояли надъ словами; нами выпущены также присованные чернилами къ нѣкоторымъ буквамъ цвѣтки и поставленныя между иными словами звѣздочки. Въ остальномъ вполнѣ сохранено правописаніе подлинника.

какихъ историческихъ хроникахъ и лѣтописяхъ послѣ XI-го вѣка вовсе не упоминается» (стр. 7). Хотя эти «ни въ какихъ» и «вовсе» и не могутъ не вызвать улыбки у читателя, тѣмъ не менѣе авторъ благоразумно поступилъ, пропустивъ то, что его изслѣдовательскому аппарату совершенно недоступно.

Дальше идетъ въ исторіи города періодъ Вишневеччины, затѣмъ гетманскій періодъ и Екатерининскія преобразованія. Авторъ пользуется тутъ Бантышъ-Каменскимъ, Самовидцемъ, Шафонскимъ и съ 1782 года—мѣстнымъ архивнымъ матерьяломъ. Источники и пособія солидные, жаль только, что изученіе мѣстнаго архивнаго матерьяла какъ то спутало и затемнило историческія свѣдѣнія автора, добытыя литературнымъ путемъ. Напр., авторъ думаетъ, что крѣпостной ровъ и «башты», о которыхъ говорится въ думскихъ и другихъ архивныхъ документахъ, ведутъ свое существованіе отъ самой отдаленной древности», (стр. 5); или, описывая топографію города прошлаго вѣка по Шафонскому (стр. 31—34), авторъ своими «поясненіями» часто запутываетъ дѣло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются явныя несообразности, свидѣтельствующія, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ то, о чемъ утверждаетъ категорически: на стр. 25 онъ говоритъ, что Житянская *брама* помѣщалась за городомъ, гдѣ нынѣ Аптекарская улица, а на стр. 29 Житянская *башта* помѣщается имъ на нынѣшней Большой Роменской улицѣ. Конечно, послѣднее правильнѣе, такъ какъ вдоль нынѣшней Б. Роменской улицы шелъ въ старомъ Ромнѣ (гетманскаго времени и позже) валъ и въ немъ были «башты» съ «брамами», отдѣльно же, за городомъ, брамъ не за чѣмъ было строить. Вообще, крупный недостатокъ всего труда г. Курилова состоитъ въ томъ, что въ немъ авторскія предположенія, часто неосновательныя, такъ тѣсно перемѣшаны съ документальными свѣдѣніями, что трудно отдѣлить одно отъ другого, а авторъ обо всемъ говоритъ одинаково утвердительно и большею частью безъ ссылокъ. Заслуживаютъ вниманія въ этомъ отдѣлѣ книги новыя свѣдѣнія о родѣ Марковичей (стр. 36—43), сообщаемыя г. Куриловымъ, какъ сказано имъ въ выноскѣ на стр. 43, «въ отвѣтъ на изслѣдованіе, помѣщенное въ «Кіевской Старинѣ» за октябрь 1890 года».

Подходя къ новѣйшему времени, авторъ совсѣмъ уже не держится хронологическаго порядка, который, впрочемъ, часто нарушался имъ и раньше. А отвлекаютъ автора въ сторону—«преданія старожиловъ» и собственныя его воспоминанія. Въ тѣхъ и другихъ авторъ

довольно неразборчивъ и беззастѣнчивъ. Конечно, для посторонняго читателя эти качества не играютъ важной роли: все неправдоподобное будетъ имъ отвергнуто, а мѣстные мелкіе интересы ему чужды. Но имѣя въ виду читателей, живущихъ въ Ромнѣ, автору слѣдовало бы быть сдержаннѣе и разборчивѣе. Однихъ изъ мѣстныхъ читателей, знакомыхъ болѣе или менѣе съ прошлымъ своего города, непріятно поражаютъ искаженія дѣйствительности, другихъ задѣваетъ пристрастность и игнорированіе исторической давности; но есть много и такихъ, которые примутъ «преданія» за непреложное историческое свидѣтельство и отъ себя еще прибавятъ къ нимъ нѣчто въ такой же мѣрѣ непреложное, а такимъ именно способомъ и создается та дымка нелѣпостей, сквозь которую смотритъ на родное прошлое масса обывателей.

Г. Куриловъ самъ теряетъ всякое критическое сознаніе, какъ только дѣло коснется преданій. Напр., авторъ долженъ быть хорошо знакомъ по думскимъ документамъ съ цѣнами на разные продукты въ Ромнахъ въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, и однако же онъ свято вѣритъ такого рода разсказамъ старухи: «бывало пойдетъ на базаръ, возьметъ полъ копы денегъ (по нынѣшнему счету $7^1/_2$ коп. сер.)[1]), и на эти деньги купитъ чвертку (10 ф.) баранины, хлѣбъ, кувшинъ молока и разной зелени на борщъ и еще иногда останется копѣйки двѣ сдачи!» (стр. 91). Старинная муниципальная служба представляется г. Курилову въ преданіяхъ то бездоходной и даже убыточной, то приносящей чуть ли не золотыя горы, смотря по фабулѣ разсказа. «Каждый гласный тогдашней думы тяготился своею должностію, какъ непосильнымъ бременемъ, налагаемымъ на него въ родѣ повинности, или по тогдашнему выраженію «отбудка», и старался только, какъ-бы благополучно отслужить трехлѣтіе и передать свою обязанность другому, такому же точно общественному дѣятелю. Тѣмъ болѣе, что должности по выборамъ отъ общества не приносили никакой выгоды, а иногда еще, какъ выше упомянуто, члены думы принуждены были тратить изъ своихъ средствъ на жалованье писарю и на другіе расходы». Такъ у автора въ одномъ разсказѣ (стр. 51). «Есть много преданій и живыхъ разсказовъ стариковъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда неполучавшіе никакого жалованья члены: думы, магистрата, словеснаго суда и проч., наживали

[1]) Вставка автора.

отъ занимаемыхъ ими должностей гораздо больше всякаго жалованья и дѣлались богачами» (стр. 90). «Должности: по судебной, полицейской и городской службамъ, какъ по опредѣленію отъ правительства, такъ и по выбору отъ общества, приносили также очень значительные доходы, какъ собственно по уряду отправляемой должности, такъ и по вліянію извѣстнаго должностнаго лица на торговыя и общественныя дѣла въ городѣ» (стр. 96—97). «Разъ честь и слава—быть въ городѣ какимъ-нибудь начальникомъ, а второе—и выгоды, получавшіяся отъ должности, невольно заставляли каждаго добиваться (sic) этихъ должностей, не жалѣя никакихъ расходовъ» (стр. 100). Такъ авторъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ.

Есть въ разбираемой книгѣ, конечно, и интересныя преданія и воспоминанія; таковы, напр., приводимые авторомъ разсказы его отца, бывшаго крѣпостного Полетикъ, о Вас. Григор. Полетикѣ (стр. 93—94), воспоминанія самого автора и разсказы стариковъ о думскихъ порядкахъ прежняго времени, воспоминаніе о проѣздѣ чрезъ Ромны Императора Николая Павловича и проч. Но будущему историку города придется не мало поработать надъ этими преданіями, чтобы «извлекти изъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія для мѣстной исторіи г. Ромна».

Изъ новѣйшей городской хроники интересно прочесть въ книгѣ г. Курилова опроведеніи къ Ромну Либаво-Роменской дороги (въ 1874 г.) съ одной стороны и позже (1888) г.)—Кременчугской—съ другой.

Мы ничего не говоримъ о внѣшности книги, ея языка и орѳографіи. Для читателей, серіозно заинтересованныхъ исторіей края, книга г. Курилова есть продуктъ мѣста, времени и среды; для читателей же, не могущихъ отнестись критически къ содержанію книги, внѣшность ея едва ли будетъ ощутительна.

Ромны, 18 октября 1898 года.

Ѳ. Николайчикъ.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциєю Михайла Грушевського. Томы: XXII (1898, кн. II. Стр. 197), XXIII и XXIV (1898, кн. III и IV. Стр. 352).* [1])

Въ настоящемъ году исполнилось 250 лѣтъ со времени возстанія украинскаго народа противъ Польши при гетманѣ Богданѣ Хмель-

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 21 т.т. „Записокъ“ см. въ „Кіев. Старинѣ“ 1895 г. №№ 11 и 12; 1896 г., № 2, 5 и 10; 1897 г., № 1, 5, 7—8; 1898 г., № 4.

ницкомъ. Львовское общество имени Шевченка, считающее нынѣ 25 лѣтъ своего существованія, посвятило эпохѣ движенія Хмельницкаго XXIII и XXIV томы своихъ симпатичныхъ и цѣнныхъ «Записокъ» и кромѣ того особый (IV-й) томъ «Жерел до історії України-Руси», обнимающій акты 1848 и первой половины 1849 г., найденные въ галицкихъ архивахъ и характеризующіе начало движенія въ предѣлахъ Галицкой Руси.

Общей характеристикѣ Хмельницкаго и его политики посвящена статья редактора «Записокъ» г. Грушевскаго (т. XXIII и XXIV, стр. 1—30). Послѣ краткаго, но цѣльнаго и содержательнаго анализа главныхъ событій и отношеній эпохи, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ Хмельнищина потерпѣла полное фіаско. Политическій переворотъ совершалъ человѣкъ, который и не мечталъ объ этомъ, намѣренія котораго не выходили за предѣлы ближайшихъ интересовъ козацкой старшины. Разрушали Польшу люди, воспитанные на общественно-политическихъ идеалахъ самой Польши. Движеніе приняло оборотъ неожиданный и нежелательный для старшины. Въ результатѣ конфликтъ между массою народа и ея вождями, конфликтъ, въ которомъ погибли соціальныя и политическія пріобрѣтенія Хмельнищины. Несмотря на этотъ суровый приговоръ всей эпохѣ, авторъ отдаетъ должное личнымъ талантамъ Хм., какъ администратора, организатора и дипломата. Ходячіе упреки по адресу гетмана (вырожденіе, пьянство безпробудное) авторъ отвергаетъ не безъ остроумія. Не отрицая темныхъ сторонъ въ движеніи, авторъ отдаетъ должное политической его сторонѣ и тому пробужденію національнаго самосознанія, которое такъ сильно сказалось при Хм.

Обширная статья г. Ст. Томашивского «Народныя движенія въ Галицкой Руси 1648 г.» (стр. 1—138) даетъ прекрасно сведенный матеріалъ для уразумѣнія стремленій галицкаго поспольства и мѣщанства при началѣ движенія Хм., описываетъ способы репрессіи, примѣнявшіеся галицкою шляхтою, организацію мѣстныхъ движеній и послѣдствія ихъ для Галичины въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Данныя свои авторъ почерпнулъ главнымъ образомъ изъ современныхъ судебныхъ актовъ. Въ экономическомъ отношеніи Хмельнищина въ восточной полосѣ Галичны уже на первыхъ порахъ привела къ всеобщему разоренію, благодаря безпрерывной рѣзнѣ и грабежамъ, въ которыхъ столь сильное участіе принимали татарскіе

вагоны. Экономическое разореніе и уменьшеніе рабочихъ рукъ повлекло за собою усиленную эмиграцію въ Галичину польскихъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ элементовъ, съ соотвѣтственнымъ ослабленіемъ коренного населенія; въ частности, усилилась полонизація русской шляхты, мѣщанства и духовенства. Столь неблагопріятныя послѣдствія народныхъ движеній 1648 г. въ Галичинѣ авторъ приписываетъ главнымъ образомъ отсутствію тамъ козачества и тяжелымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ силу которыхъ Галичина не могла тѣсно примкнуть къ борьбѣ Украины противъ Польши и должна была остаться на второмъ планѣ при политическихъ комбинаціяхъ эпохи.

Д-ръ Ив. Франко (тамъ-же, стр. 1—114) опубликовалъ 30 №№ современныхъ польскихъ и латинскихъ виршъ, характеризующихъ движеніе Хм. отъ его начала до Зборовскаго мира. Вирши почерпнуты преимущественно изъ рукописныхъ сборниковъ и превосходно пополняютъ матеріалы, сводкой которыхъ задавался уже Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи о Хм. Значеніе этого матеріала для полной характеристики эпохи не требуетъ поясненій. Сборнику своему г. Франко предпослалъ обширную вводную статью, гдѣ, на основаніи критическаго обслѣдованія источниковъ, между прочимъ исправляетъ нѣсколько важныхъ фактическихъ ошибокъ, допущенныхъ въ изложеніи исторіи Хмельнищины Костомаровымъ и нѣк. другими историками, и вообще подробно характеризуетъ значеніе современныхъ виршъ для пониманія настроеній эпохи.

Въ отдѣлѣ miscellanea г. Ст. Томашивскій на основаніи записокъ половины XVII ст. львовскаго мѣщанина Самуила Кушевича предлагаетъ правдоподобный текстъ перваго воззванія Хмельницкаго къ возстанію противъ Польши и приходитъ къ заключенію, что извѣстный универсалъ, помѣщенный у Величка, сильно испорченъ позднѣйшими вставками. Тамъ же помѣщенъ съ объясненіями портретъ Хмельницкаго изъ венеціанскаго изданія Лоренцо Крассо 1683 г., съ объясненіями г. г. О. Г. и М. Г.

Въ научной хроникѣ и библіографіи даны критическіе отчеты о шести изданіяхъ, посвященныхъ исторіи Хмельнищины. Особенно подробно разсмотрѣны анналы Стан. Темберскаго 1467—1656 г. (Script. rer. polon., t. XVI, рец. г. Ст. Рудницкаго).

Въ т. XXII «Записокъ» находимъ статью г. Франка, посвященную обзору соч. дубенскаго іеромонаха Виталія «Діоптра сирѣчъ зерцало», вышедшаго первоначально въ 1622 г., религіозно-моральнаго

содержанія. Г. Влад. Гнатюкъ даетъ подробное и весьма интересное описаніе нѣскольких малорусскихъ селъ въ Бачкѣ (комитатъ Бачъ-Бодрогъ въ южной Венгріи, между Тиссою и Дунаемъ), дополнивъ его пѣсенными и бытовыми современными записями. Записки эти, помимо содержанія, интересны и въ отношеніи языка, въ которомъ находимъ лишь намеки на малорусскія формы. Появленіе первыхъ малорусскихъ поселеній въ Бачкѣ авторъ относитъ къ 30 годамъ прошлаго вѣка, происхожденіе тамошнихъ поселенцевъ—изъ Земплинскаго комитата. Малорусскихъ поселенцевъ въ Бачкѣ и Сримѣ считается до 12—13000 душъ. Они быстро денаціонализуются.

Г. Грушевскій даетъ описаніе печати митр. Константина (XII в.), найденной въ галицкомъ Звенигородѣ.

Остальная часть книги посвящена библіографическимъ обзорамъ и научной критикѣ. По обычаю отдѣлъ этотъ ведется отлично. Въ XXII т. данъ отчетъ о 25 книгахъ и статьяхъ, касающихся Южной Руси, по преимуществу на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, д-ръ М. Кордуба далъ первую часть обозрѣнія западно-европейской литературы по исторіи, словесности и искусству за 1897 г.

Н. М.

«Slovanský přehled», *sbornik stati, dopisuv a zprav ze života slovanskeho. Redaktor A. Černy. V Praze. Ročnik I, čislo I.*

Съ октября мѣсяца сего года въ Прагѣ началъ выходить новый чешскій ежемѣсячный журналъ—«Slovanský přehled». Какъ видно изъ вступительныхъ словъ, (стр. 1), этотъ журналъ основнымъ пунктомъ въ своей програмѣ ставитъ vzajemnost Slovanskà, postavenà na zàklade pravdiveho vzàjemnèho poznáni»,—и намѣренъ слѣдить за развитіемъ славянскихъ литературъ, науки и обще-культурныхъ задачъ славянства. Насколько намѣченная имъ программа будетъ осуществлена въ дѣйствительности, мы не можемъ знать; во всякомъ случаѣ 1-й № вполнѣ соотвѣтствуетъ программѣ; здѣсь мы видимъ статьи, касающіяся литературныхъ явленій и представителей литературы не только Чехіи, но и Польши (о Мицкевичѣ), Россіи (о Бѣлинскомъ, Толстомъ); корреспонденціи изъ разныхъ странъ. Между прочимъ въ отдѣлѣ литературы, наукъ и искусствъ помѣщено начало статьи извѣстнаго даровитаго украинскаго (галицкаго) писателя д-ра Ивана Франка, о которой и скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего авторъ указываетъ на выдающіяся явленія въ украинской литературной жизни: празднованіе столѣтія новой украинской литературы, проектъ устройства украинско-рускими писателями литературно-образовательнаго общества, изданіе новаго органа «Наукового Товариства імени Шевченка» — «Литературно-Наукового Вістника», органа «который сразу пріобрѣлъ заслуженную популярность благодаря тому, что это первый крупный, исключительно литературно-научный журналъ на Украинѣ и который (невиданная до сего времени вещь!) въ матеріальномъ отношеніи сталъ на собственныя ноги»; изданіе въ память 250-ія возстанія Богдана Хмельницкаго спеціально посвященныхъ эпохѣ Хмельницкаго двухъ томовъ «Записок Наукового Товариства»; изданіе образовательнымъ обществомъ «Просвіта» двухъ популярныхъ брошюръ въ память 50-ія уничтоженія крѣпостного права въ Галиціи.

Провидя благодѣтельные результаты отъ нынѣшняго юбилейнаго года, въ смыслѣ оживленія народнаго національнаго самосознанія, пробужденію котораго въ значительной мѣрѣ способствовала новая украинская литература, авторъ затѣмъ приступаетъ къ характеристикѣ духовнаго и культурнаго развитія жизни Руси-Украины, чтобы показать «какой интересъ можетъ представлять это развитіе и для другихъ славянъ». Послѣднее, по его мнѣнію, въ данное время тѣмъ болѣе необходимо, что именно теперь ведется въ Россіи и Галиціи весьма нежелательная полемика, касающаяся самыхъ основъ этого развитія,—при чемъ способомъ весьма одностороннимъ и далекимъ научному объективизму.

Указавъ далѣе на различные существующіе въ средѣ «своихъ и чужихъ людей» неблагопріятные взгляды на желательность дальнѣйшаго развитія украинской литературы и упомянувъ при этомъ, что причиной существованія послѣднихъ служитъ подозрительность, благодаря которой «въ украинской литературѣ видятъ какую то интригу (одни—польскую, другіе московскую), Франко переходитъ вслѣдъ за этимъ къ обоснованію своихъ взглядовъ на украинскую литературу путемъ историческимъ, т. е. безпристрастнаго научнаго разсмотрѣнія давно прошедшей жизни Украины—Руси. Прежде всего онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что первые слѣды русской письменности появились на югѣ, что такія произведенія, какъ «Слово о полку Игоревѣ и Волынская лѣтопись—несомнѣнно носятъ характеръ южно-русскій, и ни одному великорусскому ученому не прійдетъ въ голову зачислить то или другое въ ряды произведеній великорусскихъ (ссылка

на Соловьева, какъ на представителя великорусскихъ ученыхъ, раздѣляющаго послѣдній взглядъ).

Однимъ словомъ въ древне-русской литературѣ въ XIII—XIV в. в. является два теченія: южное и сѣверное. Затѣмъ, послѣ XIV в. южная Русь, въ силу историческихъ условій, пошла по совершенно иному пути, чѣмъ Сѣверная Русь, слѣдствіемъ чего явилось то, что въ XVI и XVII ст. выработались въ ней основы религіозной и духовной жизни, совершенно не похожія на древне-русскія и сѣверно-русскія. Въ XVI и XVII ст. обѣ части Руси съ трудомъ другъ друга разумѣли,—а параллельно и литературы ихъ такъ удалились одна отъ другой (и языкомъ и слогомъ), что объективный изслѣдователь не можетъ ихъ ставить на одну доску. Послѣ возстанія Хмельницкаго началось опять политическое объединеніе сѣверной и южной Руси, но южно-русская литература такъ тѣсно срослась съ традиціями, стремленіями и вкусами южно-русскаго населенія, что уже не могла исчезнуть съ лица земли; она стала ближе къ народу, стала достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества, хотя облеклась въ новыя формы («виршей»). Съ 1/2 XVIII в. вырабатывается литературный слогъ и манера, какіе находимъ въ Энеидѣ Котляревскаго, въ «виршахъ» Гулака-Артемовскаго, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Квитки (Конотопська видьма). Однако эти писатели не были новаторами—они лишь воспользовались тѣмъ богатствомъ языка и формъ, какое выработалось продолжительнымъ духовнымъ и литературнымъ развитіемъ южно-русскаго украинскаго народа.

На этомъ пока заканчивается статья д-ра И. Франка.

В. Д.

А голова вся въ ковтунахъ;
Изъ рота слына все котылась,
Якъ повстка борода скомшылась, [1])
Всимъ задававъ собою страхъ.
Сорочка звязана узламы
Держалась въ-сылу на плечахъ,
Попрычепляна мотузкамы,
Якъ решето була въ диркахъ;
Замазана була на палець,
Засалена, ажъ капавъ смалецъ; [2])
Обутый въ драни постолы!
Изъ диръ онучы волочылысь,
Зовсимъ, хочъ выжмы, помочылысь,
Пошарпани штаны булы.

* * *

За поясъ лыко одвичало,
На ему высивъ гаманецъ;
Тютюнъ и люлька, и кресало,
Лежалы губка, креминецъ.
Харономъ перевозчыкъ звався,
Собою дуже велычався,
Бо и не въ шутку бувъ божокъ.
Съ крючкомъ весельцемъ погрибався,
По Стыксови, якъ стрилка, мчався,
Бувъ човенъ легкый, якъ пушокъ.
На ярмарку якъ слобожане, [3])
Або на красному торгу
До рыбы товпляться мыряне,
Було на сему такъ лугу.
Душа товкала душу въ бокы
И скрыготалы мовъ сорокы: [4])
Той пхавсь, той сунувсь, иншый лизъ.
Вси мнялыся, перебыралысь,
Крычалы, спорылы и рвалысь,
И всякъ хотивъ его щобъ визъ.

* * *

Якъ гуща въ сыровци играе,—
Шыпять, якъ квасну́ть буракы, [5]
Якъ проты сонця рій гуляе,—
Гулы си такъ неборакы.
Харона плачучы прохалы,
До его рукы простягалы,
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ;
Но сей того плачу байдуже,
На прозьбы уважавъ не дуже—[6])
Злый зъ сына бувъ старый дундукъ
И знай що все весломъ махае
И въ морду тыче хочъ кому,
Отъ каюка всихъ одганяе;
А по выбору своему
Въ човенъ потрошечку сажае [7])

---

[1]) Якъ клочье, борода.. Изд. 1808 г.
[2]) Запалена... Тамъ-же.
[3]) На ярмольци... Тамъ-же.
[4]) И щекоталы... Тамъ-же.
[5]) . . . якъ кыснуть буракы. Тамъ-же.
[6]) На прозьбы винъ глядивъ... Тамъ-же.

И заразъ човенъ одпыхае—
На другый перевозыть бикъ.
Кого не возьме, якъ затнеться —
Тому сыдиты доведется
Гляды—и цилый, може, викъ. [1])

***

Эней въ кагалъ сей якъ убрався,
Шобъ зблыжытыся къ парому,
То съ Палынуромъ повстричався,
Штурманувавъ що пры ему. [2])
Тутъ Палынуръ предъ нымъ заплакавъ,
Про долю злу ему балакавъ,
Що черезъ ричку не везуть;
Но баба заразъ розлучыла,
Энею въ батька загвоздыла, [3])
Щобъ довго не базикавъ тутъ.
Попхалысь къ берегу поблыжче,
Прыйшлы на самый перевизъ,
Де засмальцёваный дидыще
Вередовавъ якъ въ гребли бисъ;
Крычавъ, буцимъ-то навиженый, [4])
И кобынывъ народъ хрещеный,
Якъ водыться въ шынкахъ у насъ:
Досталось родычамъ сердешнымъ,
Не дуже лаявъ словомъ гречнымъ,
Нехай же зносять въ добрый часъ!

***

Харонъ, такыхъ гостей уздрившы,
Оскилкамы на ныхъ дывывсь, [5])
Якъ быкъ скаженый заревившы,
Запинывсь дуже и озлывсь:
„Видкиль такіе се мандрёхы?
И такъ уже васъ тутъ не трохы,
Якого чорта вы прыйшлы?
Васъ треба хаты холодыты! [6])
Васъ треба такъ одпровадыты,
Щобъ вы и мисця не знайшлы!
Геть, пречъ вбирайтесь видсиль къ чорту!
Я вамъ потылышныка дамъ;
Побью всю пыку, зубы, морду,
Ажъ не пизна васъ дидько самъ!
И йонъ вже якъ захрабрувалы,
Жыви сюды прымандрувалы,— [7])
Бачъ, гыряви, чого хотять?
Не дуже я на васъ покваплюсь,
Тутъ зъ мертвыми ось не управлюсь,
Що такъ надъ шыею стоять“. [8])

***

Сывылла бачыть, шо не шутка,—
Бо дуже сердыться Харонъ,

[1]) Не бойсь и цилый може викъ. Тамъ-же.
[2]) Що штурманомъ бувъ пры йому. Тамъ-же.
[3]) Энея къ батьку потащыла. Тамъ-же.
[4]) . . . мовъ будто навиженный. Тамъ-же.
[5]) На ихъ изъ-коса подывывсь. Тамъ-же.
[6]) Хиба щобъ хаты... Тамъ-же.
[7]) Що и жыви прымандровалы. Тамъ-же.

Эней же бувъ соби плахутка, [1])—
Дала старыганю поклонъ.
„Та ну, на насъ лышъ прыдывыся!"
Сказала: „дуже не гнивыся,
Не сами мы прыйшлы сюды.
Хиба жъ мене ты не пизнаешъ,
Що такъ крычышъ, на насъ гукаешъ;
Оце невыдани биды!
„Ось глянься, що оце такое?
Утыхомырься, не бурчы—
Ось деревце, бачъ, золотее!
Теперъ же, колы хочъ, мовчы".
Потимъ все дрибно росказала,
Кого до пекла провожала,
До кого, якъ, про що, за чымъ.
Харонъ же заразъ схаменувся,
Разивъ съ чотыри погребнувся
И съ каючкомъ прычалывъ къ нымъ.

***

Эней зъ Сывыллою своею
Не мишкавшы въ човенъ ввийшлы: [2])
Кальною ричкою сіею
На той бикъ въ пекло поплылы.
Вода въ росколыны лылася,
Що ажъ Сывылла пиднялася;
Эней боявсь, щобъ не втонуть;
Но панъ Харонъ нашъ потрудывся,
На той бикъ такъ перехопывся,
Що нельзя окомъ измыгнуть.
Прыставшы, высадывъ на землю,
Узявъ копійку за труды, [3])
За праціовыту свою греблю,
И ще сказавъ иты куды.
Пройшовшы видсиль гонивъ зъ двое,
Побравшысь за рукы обое,
Побачылы, що ось лежавъ
У бурьяни бровко муругый; [4])
Тры головы мавъ песъ сей мурый,
Винъ на Энея загарчавъ.

***

Загавкавъ гризно въ тры языкы, [5])
Уже бувъ кынувсь и кусать,—
Эней пиднявъ тутъ крыкъ велыкый,
Хотивъ чымъ дужъ назадъ втикать.
Ажъ баба хлибъ бровку шпурнула [6]),
И горло глевтякомъ заткнула,
То винъ за кормомъ и погнавсь.
Эней же зъ бабою старою,
То сякъ, то такъ, по-пидъ рукою

---

[1]) И щобъ не здилалась попудка. Тамъ-же.
[2]) Швыденько въ човнычокъ ввийшлы. Тамъ-же.
[3]) Взявъ пивъ-алтына за труды. Изд. 1842.
[4]) У бурьяни бровко мургурый. Изд. 1808 г.
[5]) Загавкавшы на тры языкы. Тамъ-же.

Тыхенько одъ бровка убравсь.
Теперъ Эней убрався въ пекло, [1])
Прыйшовъ зовсимъ на инчій свитъ.
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема ни мисяця, ни звиздъ;
Тамъ тилько туманы велыки,
Тамъ чутни жалобніи крыкы,
Тамъ мука гришнымъ не мала.
Эней съ Сывыллою глядилы;
Якіи мукы тутъ терпилы,
Якая кара всимъ була.

* * *

Смола тамъ въ пекли клекотила
И грилася все въ казанахъ;
Жывыця, сирка, нефть кыпила;
Палавъ огонь, велыкый страхъ!
Въ смоли сій гришныкы сыдилы
И на огни пеклысь, горилы,—
Хто якъ, за вищо заслужывъ,
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!
Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы,
Носылы въ пекло на пидпалъ.
Чорты за нымы прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы
Колы якый зъ ныхъ прыстававъ;

* * *

Огненнымъ прутямъ отдыралы [2])
Кругомъ на спыну и жывитъ,
Себе що самы убывалы,
Якымъ остывъ нашъ билый свитъ;
Горячымъ дегтёмъ залывалы,
Ножамы пидъ бокы штрикалы,
Щобъ не хапалысь умырать.
Робылы разніи имъ мукы,
Товклы у мужчыряхъ имъ рукы,
Не важылысь щобъ убывать.
Богатымъ та скупымъ влывалы
Горяче золото у ротъ, [3])
А брехунивъ тамъ заставлялы
Лызать горячыхъ сковородъ;
Яки жъ изъ роду не женылысь,
Та по чужыхъ куткахъ жывылысь,
Таки повишаны на крюкъ,
Зачеплени за гришне тило, [4])
На свити що гришыло смило
И не боялося сихъ мукъ.

* * *

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,

---

[1]) Теперь Эней ввалывся .. Тамъ-же.
[2]) Огненной пугою тамъ дралы
Кругомъ и спыну и жывитъ. Тамъ-же.
[3]) Ростопленее срибло въ ротъ. Изд. 1842 г.
[4]) Зачеплени за тее тило. Тамъ-же.

Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хліору,
Всимъ по заслузи, якъ котамъ.
Тутъ всякыи булы цехмыстры,
И ратманы и бургомыстры,
Судди, пидсудкы, пысари
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И одбыралы хабари.
И вси розумни филозопы,
Що въ свити взялысь мудровать,
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать;
Щобъ не гонялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь зъ попадямы,
Та зналы церковъ щобъ одну.
Ксёнзды до бабъ щобъ не ыржалы, [1])
А мудри звиздъ щобъ не знималы,
Булы въ огни на самимъ дну.

***

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ далы; [2])
По весилляхъ ихъ одпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы,
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де яки скакалы,—
Таки сидилы вси въ шапкахъ
И съ превелыкымы рогамы,
Зъ зажмуренными вси очамы,
Въ кыпячихъ сиркой казанахъ;
Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ,
И тилько знай, що ихъ хвалылы—
Кыпилы въ нефти въ казанахъ;
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, пишлы въ ни-на-що,
А посли чубылы батькивъ,—
И всею сылою бажалы,
Батькы щобъ швыдче умиралы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ.

***

И ти булы тамъ лыгомынци,
Пиддурювалы що дивокъ:
Що въ викна дралысь по драбынци
Пидъ темный тыхый вечерокъ;
Що будуть сватать ихъ, брехалы
Пидманювалы, улещалы,
Покы добралысь до кинця,—
Покы дивкы одъ перечосу [3])
До самого товстилы носу,
Що соромъ посли до винця.
Булы тамъ купчыкы проворни,
Що издылы по ярмаркамъ,

---

[1]) Ксьондзы по киньскій щобъ не ржалы. Изд. 1808 г.

[2]) Въ рукахъ, а волю имъ дававъ,

. . . .

Щобъ часто въ перезвахъ бувавъ. Тамъ-же.

[3]) Тогди дивки обманъ пизналы,

Та ба,—уже товстеньки сталы. Тамъ-же.

И на аршынець на пидборный
Поганый продавалы крамъ.
Тутъ всякіи булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды миняйлы, шынькари
И ти, що фыги-мыги возять,
Що въ баклагахъ горячый носять,—
Тамъ вси пеклыся крамари.

* * *

Палыводы и волоцюгы,
Вси зводныки и вси плуты;
Ярыжныки и вси пъянюгы,
Обманщыки и вси моты,
Вси ворожбыты, чародіи,
Вси гайдамакы, вси злодіи,
Шевци, кравци и ковали;
Цехы: ризныцькый, коновальскый,
Кушнирьскый, ткацькый, шаповальскый,
Кыпилы въ пекли вси въ смоли.
Тамъ вси невирни и хрыстьяне,
Булы паны и мужыкы;
Була тутъ шляхта и мищане, [1])
И молоди и старыкы;
Булы богати и убоги,
Прями булы и крывоноги,
Булы выдящи и слипи,
Булы и штацьки, и военни,
Булы и паньски, и казенни
Булы мыряне и попы.

* * *

Гай-гай? та нигде правды диты,—
Брехня жъ наробыть лыха бильшъ
Сыдилы тамъ скучни піиты,
Пысарчукы поганыхъ виршъ;
Велыкіи терпилы мукы,—
Имъ звязани булы и рукы,
Мовъ у татаръ терпилы плинъ.
Оттакъ и нашъ братъ попадеться,
Що пыше—не остережеться,—
Якый же втерпыть его хринъ?
Якусь особу мацапуру [2])
Тамъ жарылы на шашлыку,
Горячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку.
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Крывывъ душею для прыбытку,
Чужее отдававъ въ печать:
Безъ сорома, безъ Бога бувшы,
И восьму заповидь забувшы,
Чужымъ пустывся промышлять.

* * *

Эней якъ видсиль видступывся [3])
И дали трохы одійшовъ,

---

[1]) Булы шляхтане... Изд. 1808 г.

[2]) Отъ этого стиха и до конца строфы въ изданіи 1808 пропускъ,—и понятно почему: все это мѣсто относится къ издателю Энеиды, (1798 и 1808), напечатавшему ее безъ позволенія автора.

[3]) Эней одъ сыхъ якъ одступывся. Изд. 1808 г.

То на другее нахопывся,
Жиночу муку тутъ знайшовъ.
Въ другимъ зовсимъ тутъ каравани
Пиджарювалы якъ у бани,—
Що ажъ крычалы на чимъ свитъ;
Оци-то галасъ исправлялы,
Гарчалы, вылы и пыщалы, [1])
Пислякути мовъ на жывитъ.
Дивкы, бабы и молодыци
Клялы себе и весь свій ридъ,
Клялы вси жарты, вечерныци,
Клялы и жызнь и билый свитъ;
За те имъ такъ тамъ задавалы,
Що черезъ миру мудрувалы
И верховодылы надъ всимъ,
Хоть чоловикъ и не онее,
Та колы жинци, бачышъ, тее,
Такъ треба угодыты ій.

* *
*

Булы тамъ чесни пустомолкы,
Що зналы ввесь святый законъ,
Молылыся безъ остановкы
И былы сотъ по пять поклонъ,
Якъ въ церкви мижъ людьмы стоялы,
И головамы все хыталы;
Якъ-же булы на самоти,
То молытовныкы ховалы,
Казылысь, бигалы, скакалы,
И гирше де-що въ темноти,
Булы и тіи тамъ панянкы,
Що наряжалысь на показъ;
Мандрёхы, хлеркы и дыптянкы,
Що продають себе на часъ.
Вси въ сирци и въ смоли кипилы,
За те що жырно дуже илы,
И що ихъ не страшывъ и пистъ,
Що все прыкушувалы губы
И скалылы биленьки зубы,
И дуже волочылы хвистъ. [2])

* *
*

Пеклысь тутъ гарни молодыци,
Ажъ жаль було на ныхъ глядить:
Чорняви, повни, мылолыци;
И си тутъ мусылы кыпить,
Що замужъ за старыхъ ходылы
И мышакомъ ихъ поморылы, [3])
Щобъ посли гарно погулять,
И съ парубкамы поводытысь,
На свити весело нажытысь,
И не голоднымъ умирать.
Якыись мучылысь тамъ птахы [4])
Съ куделямы на головахъ,—
Со чесніи, не потипахы,
Булы тендитни пры людяхъ.

---

[1]) Бо дуже вылы и пыщалы. Изд. 1808 г.

[2]) Да й не давалы старшымъ мистъ. Тамъ-же.

[3]) И мышакомъ ихъ покормылы. Тамъ-же.

[4]) Тамъ мучылыся и вдовыци

. . . .

Що бигалы на вечерныци,

Булы-жъ смырненьки пры людяхъ. Изд. 1808 г.

А безъ людей—не можна знаты,
Себе чымъ малы забавляты,
Про-те лышъ зналы до дверей.
Имъ тяжко въ пекли докорялы,
Смолы на щокы налиплялы,
Щобъ не дурылы такъ людей!

* *
*

Бо щокы терлы маніею,
А блейвасомъ и нисъ, и лобъ,
Щобъ краскою хоть не своею
Прычарувать къ соби кого-бъ; [1])
Изъ рипы пидставлялы зубы,
Ялозылы все смальцемъ губы,
Щобъ пидвесты на грихъ людей;
Пындючылы якіись бочкы,
Мостылы въ пазуси платочкы,—
Въ которыхъ не було грудей.
За симы по ряду шкварчалы
Въ роспаленыхъ сковородахъ
Стари бабы, що все ворчалы,
Базикалы о всихъ дилахъ,
Все тилько старыну хвалылы,
А молодыхъ товклы та былы,
Не думалы-жъ яки булы,
Ище якъ самы дивовалы
Та зъ хлопцямы якъ гарцювалы,
Тай по дытынци прывелы.

* *
*

Видёмъ-же тутъ колесовалы
И всихъ шептухъ и ворожокъ,
Тамъ жылы зъ ныхъ чорты мотaлы
И безъ ветушкы на клубокъ;
На прыпичкахъ щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не издылы на упыряхъ;
И шобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы,
Не ворожылы бъ на бобахъ.
А зводныцямъ таке зробылы,
Що цуръ ёму вже и казать!
На грихъ дивокъ що пидводылы
И симъ учылысь промышлять,
Жинокъ одъ чоловикивъ кралы
И волоцюгамъ помогалы
Рогамы людскый лобъ квичать;
Щобъ не своимъ не торгувалы,
Того бъ на откупъ не давалы,
Що треба про запасъ держать.

*
* *

Эней тамъ бачывъ щось не мало
Кыпящыхъ мученыць въ смоли,—
Якъ зъ кабанивъ топылось сало,
Такъ шкварылыся си въ огни;
Булы и свитськи, и черныци.
Булы дивкы, и молодыци,
Булы и пани й панночкы;
Булы въ свыткахъ, булы въ охво-
тахъ, [2])

[1]) Прычарувать къ соби народъ. Тамъ-же.
[2]) Булы въ свыткахъ, булы въ ребронахъ.
Булы въ намиткахъ, шыніонахъ. Тамъ-же.

Булы въ дульетахъ и капотахъ,
Булы вси гришни жиночкы.
Та се булы все осужденни,
Яки померлы не теперъ;
Безъ суду жъ не палывъ пекельный
Огонь, недавно хто умеръ.
Си вси булы въ другимъ загони,
Якъ бы лошата, або кони,
Не зналы попадуть куда.
Эней на першыхъ подывывшысь
И о бидахъ ихъ пожурывшысь,
Пишовъ въ другіи ворота.

* *
*

Эней ввійшовшы въ сю кошару, [1])
Побачывъ тамъ багацько душъ,
Вмишавшыся мижъ сю отару,
Якъ мижъ гадюкы чорный ужъ.
Тутъ разни душы похожалы,
Все думалы, та все гадалы,
Куда-то за грихы ихъ впруть:
Чи въ рай ихъ пустятъ веселытысь,
Чи, може, въ пекло посмалытысь,
И за грихы имъ носа втруть.
Було имъ вильно розмовляты [2])
Про всякіи свои дила,
И думаты и мизкуваты — [3])
Яка душа де якъ жыла.
Багатый тутъ на смерть гнивывся,
Що винъ зъ грошмы не розличывся,
Кому и килько треба дать;
Скупый-же тоскувавъ, нудывся, [4])
Що винъ на свити не нажывся,
И що не вспивъ и погулять.

*
* *

Сутяга толкувавъ указы,
И що то значыть нашъ статутъ;
Росказувавъ свои проказы,
На свити що робывъ сей плутъ.
Мудрець же фызыку провадывъ,
И товковавъ якыхсь монадивъ [5])
И думавъ: видкиль взявся свитъ?
А мартоплясъ крычавъ, сміявся,
Росказувавъ и дывувався,
Якъ добре знавъ жинокъ дурыть [6]).
Суддя тамъ прызнавався смило,
Що зъ гуздыкамы за мундиръ
Таке переоначывъ дило, [7])
Що може-бъ навистывъ Сибирь;
Та смерть избавыла косою:

---

[1]) Ввійшовшы-же въ якусь свитлыцю

. . . .

Вмишавсь якъ разъ мижъ ихъ станыцю,
Промижъ гадюкъ мовъ чорный ужъ. Тамъ-же.

[2]) Було имъ власно розмовляты. Тамъ-же.

[3]) И думаты и мирковаты. Тамъ-же.

[4]) А бидный тосковавъ, нудывся. Тамъ-же.

[5]) Знай, толковавъ... Тамъ-же.

[6]) Якъ добре знавъ панивъ дурыть. Тамъ-же.

[7]) Переоначывъ праве дило
И може-бъ навистывъ Сибиръ. Тамъ-же.

Що катъ легенькою рукою
Плечей ему не покропывъ,
А ликаръ скризь ходывъ зъ ланце-
томъ,
Зъ слабытельнымъ и спермацетомъ,
И чванывсь якъ людей морывъ.

* *
*

Ласощохлысты похожалы, [1])
Вси фертыкы и панычи,
На пальцяхъ ногтыкы кусалы,
Роспрындывшысь, якъ павычи;
Все очи въ гору пиднималы,
По свиту нашому вздыхалы,
Що рано ихъ побрала смерть;
Що трохы славы учынылы,
Не всихъ на свити подурылы [2]),
Не всимъ успилы морду втерть.
Моты, картёжныкы, пьянюгы
И ввесь проворный чесный родъ;
Лакеи, конюхы и слугы,
Вси кухари и скороходъ, [3])
Побравшысь за рукы, ходылы
И все о плутняхъ говорылы,
Яки робылы, якъ жылы:
Якъ паній и панивъ дурылы,
Якъ по шыньках въ ночи ходылы
И якъ съ кышень платкы тяглы.

* *
*

Тамъ прыдзыглеванкы журылысь,
Що никому вже пидморгнуть—
За нымы бильшъ не волочылысь,—
Тутъ ихъ заклекотила путь. [4])
Бабы тутъ бильшъ не ворожылы [5])
И простодушныхъ не дурылы.
Яки-жъ дивокъ охочи быть,
Зубамы зъ сорця скреготалы,
Що наймычкы ихъ не вважалы
И не хотилы имъ годыть.
Эней узривъ свою Дидону
Осмалену мовъ головня,
Якъ разъ по нашому закону
Предъ нею шапочку изнявъ.
Здорова! Глянь... Де ты взялася?
И ты, сердешна, прыплелася
Изъ Карфагены ажъ сюда?
Якого биса ты спеклася,
Хиба на свити нажылася?
Чортъ мавъ тоби десь и стыда. [6])

* *
*

Така смашная молодыця, [7])

---

[1]) Тамъ дармоиды похожалы. Тамъ-же.
[2]) Не всимъ що головы вскружылы. Тамъ-же.
[3]) Вси кухари и ввесь народъ. Тамъ-же.
[4]) И смиттямъ ихъ засыпанъ путь. Тамъ-же.
[5]) Тутъ бильше щобъ не ворожылы,
Людей бы добрыхъ не дурылы. Тамъ-же.
[6]) Чортъ мавъ тоби тогди стыда. Тамъ-же.
[7]) Яка моторна молодыця. Тамъ-же.

И глянь! Умерла залюбкы...
Румяна, повна, билолыця,
Кто гляне, то лызне губкы; [1])
Теперъ зъ тебе яка утиха?
Нихто не гляне и для смиха,—
На викъ теперъ пропала ты!
Я, далеби, въ тымъ не выною,
Що такъ розъихався съ тобою, [2])
Мени прыказано втекты.
Теперъ-же, колы хочъ злыгаймось,
И нумо, жыть такъ, якъ жылы;
Тутъ закуримъ, заженыхаймось,
Вже не разлучымсь николы.
Ходы тебе я помылую, [3])
Прыжму до серця, поцилую"...
Ему жъ Дидона на одризъ
Сказала: „къ чорту убырайся,
До мене бильшъ не женыхайся [4])...
Не лизь! бо розибью и нисъ!"

*
* *

Сказавшы, чортъ зна де пропала, [5])
Эней не знавъ що и робыть,
Колы-бъ Яга не закрычала,
Що довго годи говорыть,
То може-бъ тамъ и застоявся [6])
И може-бъ той поры дождався,—
Щобъ хто и ребра полнчывъ:
Щобъ зъ вдовамы не женыхався,
Надъ мертвымы не наглумлявся,
Жинокъ любовью не морывъ.
Эней зъ Сывыллою попхався
Въ пекельную подали глушъ,
Якъ на дорози повстричався
Съ громадою знакомыхъ душъ:
Тутъ вси зъ Энеемъ обнималысь,
Чоломкалысь и цилувалысь,
Побачывшы князька свого.
Тутъ всякъ сміявся, реготався,
Эней до всихъ ихъ доглядався,
Знайшовъ зъ Троянцивъ онъ кого:

*
* *

Педька, Терешка, Телыфона, [7])

---

[1]) Хто прежъ глядивъ, лызавъ губкы. Тамъ-же
[2]) Що такъ роздяковавсь зъ тобою. Тамъ-же.
[3]) Чи бачъ, якъ я тебе шаную
Що, колы хочъ, и поцилую. Тамъ же.
[4]) До мене бильшъ не прыхыляйся,
Лышъ суньсь,—тоби роскващу нисъ. Тамъ-же.
[5]) Сказавшы, чортъ-вистъ де пропала. Тамъ-же.
[6]) То може такъ-бы застоявся,
Що тамъ и досвитку дождався,
И ребра може бъ поличывъ,
Съ жинкамы щобъ не женыхався
. . . .
До смерты вдовъ не доводывъ. Тамъ-же.
[7]) Грыцька Терешка, Опанаса,
. . . .

Панька, Охрима и Харька,
Леська, Олешка и Сызона,
Пархома, Йіська, и Феська,
Свырыда, Лазаря, Тараса,
Булы Денысъ, Останъ, Овсій —
И вси Троянци що втопылысь,
Якъ на човнахъ зъ нымъ волочы-
лысь;
Бувъ и Верныгора Мусій.
Жыдивська школа завелася,
Велыкый крыкъ вси пиднялы
И реготня де не взялася, [1])
Тутъ всяку всячыну верзлы;
Згадалы чортъ знае колышне,
Балакалы уже и лышне, —
И самъ Эней тутъ росходывсь,
Що балагурылы довгенько,
Хоть изійшлыся и раненько,
Та панъ Эней нашъ опизнывсь.

* *
*

Сывыллi се не показалось,
Що такъ пахолокъ застоявсь,
Що дытятко такъ розбрехалось,
Уже и о свити не знавсь; [2])
На его гризно закрычала,
Залаяла, запорощала,
Що ажъ Эней ввесь затрусывсь.
Троянци та ще вси здригнулы,
И въ ростичъ, хто куды махнулы, [3])
Эней за бабою пустывсь.
Ишлы, —и-якъ-бы не збрехаты [4])
Трохы не съ пару добрыхъ гинъ;
Якъ ось побачылы и хаты
И ввесь Плутонивъ царськый димъ.
Сывылла пальцемъ указала,
И такъ Энеєви сказала: [5])
„Оттутъ и панъ Плутонъ жыве
Изъ Прозерпыною своею;
До ихъ то на поклонъ зъ гиллею
Теперъ я поведу тебе“.

* *
*

И тилько що прыйшлы къ воротамъ

Яроху, Ярмоленка, Власа,
Кузьму, Пархома и Яцька;
Омельку, Сыдора, Евфыма,
Потапа, Лазоря, Трохыма
. . . .
и самъ Верныгора Мусій. Изд. 1808.

1) Де реготня тутъ не взялася,
И всяку всячыну верзлы
Згадалы чортъ зна самъ колышне Тамъ-же.

2) И попустому забавлялось Тамъ-же

3) Куда хто запопавъ, махнулы. Тамъ-же.

4) Ишлы, якъ-бы мни не збрехаты,
Долыной, полемъ и лискомъ, —
. . . .
И ввесь Плутонивъ царській домъ. Тамъ-же.

5) Зрадивъ—Энеєви сказала. Тамъ-же.

И въ двиръ пустылыся чвалать,
Якъ баба брыдка, крыворота,
„Хто йде?“ ихъ стала оклыкать.
Мерзене чудо се стояло
И было пидъ дворомъ въ клепало—
Якъ въ паньськыхъ водыться дворахъ;
Обмотана вся ланцюгамы,
Гадюкы вылыся клубкамы
На голови и на плечахъ.
Вона безъ всякого обману
И щыро безъ обынякивъ
Робыла гришнымъ добру шану—
Раминнямъ драла мовъ быкивъ,
Кусала, грызла, бычувала,
Крышыла, шкварыла, щыпала, [1]
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчыла, пыляла,
Вертила, рвала, шпыговала,
И кровъ изъ тила ихъ пыла.

* * *

Эней, бидаха, злякався,
Увесь, якъ крейда побиливъ,
И заразъ у ягы спытався:
„Хто ій такъ мучыты веливъ?“
Вона ему все росказала
Такъ, якъ сама здорова знала,
Що въ пекли есть суддя Эякъ;
Хоть винъ на смерть не осуждае,
Та мучыты повеливае,
И якъ звелыть—и мучать такъ.
Ворота самы одчынылысь,
Не смивъ нихто ихъ задержать;
Эней съ Сывыллою пустылысь,
Щобъ Прозерпыни честь оддать
И пиднесты ій на болячку,
Ту суто-золоту гыллячку,
Що сыльно такъ вона бажа;
Та къ ній Энея не пустылы,
Прогналы, трохы и не былы,
Бо хворила ихъ госпожа.

* * *

А дали вперлыся въ будынкы
Пидземного сёго царя,
Ни гичь, ни гариля пылынкы, [2]
А все въ ныхъ чысто, якъ зоря:
Цвяховани булы тамъ стины
И викна вси зъ морськои пины;
Шумыха, олыво, свынець;
Блыщалы миди тамъ и крыци—
Вси убрани булы свитлыци,
По правди паньскій бувъ дворець!
Эней зъ Ягою розглядалы
Вси дыва тамъ, яки булы,—
Роты свои порozзявлялы
И очи на лобы пъялы,

[1] Крышыла была и щыпала
. . . .
Порола, корчыла, товкла. Тамъ-же.

[2] Було не выдно ни пылынкы,

Промижъ собою все зглядалысь,
Всёму дывылысь, усмихалысь;
Эней то цмокавъ, то свыставъ. [1])
Оттутъ-то души ликувалы,
Що праведно въ мыру жывалы,
Эней и сихъ тутъ навищавъ.

* *
*

Сыдилы, рукы поскладавшы,
Для ныхъ все праздныки булы,
Люльки курылы полягавшы,
Або горилочку пылы—
Не тютюнкову и не пинну,
А третёпробну, перерииу,
Настоянную на бодянъ,
Пидъ челюстамы запикану
И зъ ганусомъ и до калгану,
Въ ній бувъ и перецъ и шапранъ.
И ласощи все тилько илы,
Сластёны, коржыкы, стовпци,
Варенькы пшенычни, били,
Пухки зъ кавъяромъ буханци; [2])
Чесныкъ, рогизъ, паслинъ, кыслыци,
Козельци, тернъ, глидъ, полуныци,
Крутыи яйця зъ сыривцемъ,
И дуже вкусную яешню,
Якусь нимецьку, не тутешню,
А запывалы все пывцемъ.

* *
*

Велыке тутъ було роздолля.
Тому, хто праведно жыве,
Такъ якъ велыке безголовъя [3])
Тому хто гришну жызнь веде.
Хто мавъ къ чому яку охоту—
Тутъ тишылыся тымъ до поту, [4])
Тутъ чыстый бувъ розгардіяшъ:
Лежы, спы, ижъ, пый, веселыся,
Крычы, мовчы, спивай, крутыся,
Рубайсь—такъ и дадуть палашъ;
Не чванылысь, не велычалысь,
Нихто не знавъ тутъ мудровать.
Крый Боже! щобъ не догадалысь [5])
Братъ зъ брата въ чимъ покепковать,
Не сердылыся, не гнивылысь,
Не лаялыся и не былысь,
А вси жылы тутъ любьязно: [6])
Тутъ всякый гласно женыхався,
Ревнывыхъ ябедъ не боявся,
Було вобще все за одно.

---

[1]) Эней на радощахъ сказавъ. Изд. 1808 г.
[2]) Съ кавъяромъ пухли буханци
. . . .
Козельци, тернъ, медъ, полуныци. Тамъ-же.
[3]) Такъ, якъ велыкее незгодья. Тамъ-же.
[4]) То даромъ бравъ, не тратывъ поту...
. . . .
Лежы, спый, грай да веселыся,
Мовчы, крычы, танцюй, крутыся. Тамъ-же.
[5]) Крый боже, щобъ хочъ заикалысь Тамъ-же.
[6]) А вси жылы тутъ, якъ браты
. . . .
Не малы вiякой биды. Тамъ-же.

*
* *

Ни холодно було, ни душно,
А саме такъ, якъ въ сирякахъ,
И весело и такъ не скушно,
На велыкодныхъ якъ святкахъ;
Колы кому що захотилось,
То тутъ, якъ зъ неба, и вродылось,—
Оттакъ вси добре тутъ жылы!
Эней, се зрившы, дывувався,
И тутъ Ягы своей спытався
Яки се праведни булы!
„Не думай, щобъ булы чыновни“,
Сывылла сей дала одвитъ;
„Або що грошей скрыни повни,
Або въ якыхъ товстый жывитъ;
Не ти се, що въ цвитныхъ жупанахъ,
Въ кармазынахъ, або сапъянахъ,
Не ти жъ, що зъ кныжкамы въ рукахъ,
Не рыцари, не розбишакы,
Не ти се, що крычать „и пакы“,
Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ.

*
* *

Се бидни, ныщи, навиженни,
Що дурнямы счыслялы ихъ, [1])
Старци, хроми, слипорожденни,
Зъ якыхъ бувъ людській глумъ и смихъ,
Се, що съ порожнимы сумкамы
Жылы голодни пидъ тынамы,
Собакъ дражнылы по дворахъ;
Се ти, що „бигъ дасть“ получалы,
Се ти, якыхъ выпровожалы
Въ потылыцю и по плечахъ;
Се вдовы бидни безпомощни,
Якымъ прыюту не було,
Се дивы чесни, непорочни,
Якымъ спидныци не дуло; [2])
Се що безъ родычивъ остались,
И сыротамы назывались,
А посли вбгались и въ окладъ; [3])
Се, що проценту не лупылы,
Що людямъ помогать любылы,
Хто чымъ богатъ, то тымъ и радъ.

* *
*

Тутъ также старшына правдыва,—
Бувають всякыи паны, [4])
Та тилько трохы сёго дыва,
Не кваплютця на се воны!
Бувають вийськови, значкови,
И сотныкы, и бунчукови,
Яки правдыву жызнь велы;
Тутъ люде всякого завиту [5])
По билому есть скилько свиту,

---

1) Що дурнямы щыталы ихъ. Изд. 1808 г.
2) Которымъ горба не дуло. Тамъ-же.
3) А посли втерлысь и въ окладъ. Тамъ-же.
4) Бувають всякыи станы. Тамъ-же.

Котори праведно жылы",
„Скажы-жъ, моя голубка сыза".
Ище Эней Ягы спытавъ:
„Чомъ батька я свого Анхыза
И доси въ вичи не выдавъ
Ни зъ гришнымы, ни у Плутона?
Хиба ему нема загона, [1])
Куда ёго щобъ засадыть?
„Винъ божои, сказала, крови
И по Венерыній любови [2])
Де схоче, буде тамъ и жыть".

***

Балакавшы зійшлы на гору,
На землю силы отдыхать,
И попотившы саме въ пору,
Тутъ прынялыся розглядать—
Анхыза щобъ не прогуляты,
Обрыдло бо и такъ шукаты. [3])
Анхызъ же бувъ тоди въ ныву [4])
И похожавшы по долыни,
Объ мыленькій своій дытыни
Водывъ по мизку коверзу.
Якъ-глянь на гору ненарокомъ,
И тамъ свого сынка узривъ;
Побигъ старый не просто—бокомъ
И ввесь отъ радосты згоривъ,
Хватавсь зъ сынкомъ поговорыты,
О всихъ спытатысь, роспросыты
И повыдатысь хоть часокъ,
Энеечка свого обняты,
По батькивськи поциловаты,
Его почуты голосокъ.

***

—„Здоровъ, сынашу, ма ды-
тыно!" [5])
Анхызъ Энееви сказавъ.
„Чи се-жъ тоби такы не стыдно,
Що довго я тебе тутъ ждавъ?
Ходимъ лышень къ моій господи, [6])
Тамъ поговорымъ на свободи,
За тебе будемъ мирковать".
Эней стоявъ такъ, мовъ дубына,
Котылась зъ рота тилько слына—
Не смивъ мерця поциловать. [7])
Анхызъ сю бачывшы прычыну—
Чого сыночокъ сумовавъ,

---

[1]) Хиба йому нема загона. Изд. 1808 г
. . . . закона. Изд. 1809 и 1842. (Принимаемъ первое разночтеніе, какъ болѣе подходящее по смыслу.

[2]) И выбера все по любови. Изд. 1808 г.

[3]) И даромъ тутечкы не хляты. Тамъ-же.

[4]) Анхызъ тогди въ яру гулявъ,
. . . .
Любымои своей дытыны
Съ часу на часъ все дожыдавъ. Тамъ-же.

[5]) Здоровъ, сыночку, ма дытятко! Изд. 1842.

[6]) Тамъ поговорымъ о прыгоди,
Про тебе будемъ мирковать Изд. 1808.

[7]) И самъ не знавъ, що и начать. Тамъ-же.

И самъ хотивъ обнять дытыну— [1])
Та ба: уже не въ ту попавъ...
Прынявсь ёго щобъ научаты,
И тайносты ему сказаты:
Якый Энеевъ буде плидъ,
Якіи диты будуть жвави, [2])
На свити зроблять скилько славы,
Якымъ то хлопцямъ буде дидъ.

***

Тогди то въ пекли вечерныци
Лучылысь, бачышъ, якъ на те,—
Булы дивкы та молодыци
И тамъ робылы не пусте;
У *ворона* соби гралы,
Весельныхъ писенёкъ спивалы, [3])
Спивалы тутъ и колядокъ;
Палылы клоччя, ворожылы,
По спыни лещетамы былы,
Загадувалы загадокъ.
Тутъ заплиталы *джерегели* [4])
Дробушечкы на головахъ;
Скакалы по полу *вегери*
Въ тисноi бабы по лавкахъ;
А въ коминъ суженыхъ пыталы,
У хатнихъ виконъ пидслухалы,
Ходылы въ пивничъ по пусткамъ,
До свичкы ложечкы палылы,
Щетыну изъ свыни смалылы.
Або жмурылысь по куткамъ.

***

Сюды прывивъ Анхызъ Энея
И мижъ дивокъ сыхъ посадывъ;
Якъ неука и дуралея.
Прынять до гурту ихъ просывъ;
И щобъ обомъ имъ услужылы,
Якъ знають, такъ поворожылы—
Що стринеться зъ его сынкомъ:
Чи винъ хоть трохы уродлывый,
Къ чому и якъ Эней щаслывый,
Щобъ всихъ спыталысь ворожокъ.
Одно дивча була гостренька
И саме ухо прехыхе,
Швыдка, гнучка, хыска, порскенька
Було зъ діявола лыхе!
Вона тутъ тилько и робыла,
Що всимъ гадала, ворожыла,
Могуща въ дили тимъ була;
Чи брехенькы яки сточыты,

---

[1]) Хотивъ обнять свою дытыну. Тамъ же.
[2]) Якыи хлопци будутъ брави. Тамъ-же.
[3]) Весильни писеньки спивалы,
Спивалы тутъ и веснянкы
. . . .
У жмуркы гралы, въ ладкы былы
Загадувалы загадкы. Тамъ-же.
[4]) Начиная этимъ стихомъ, въ изданіи 1808 г. пропущено 40 стиховъ, именно до стиха
„И заразъ въ горщечокъ наклала“.

Кому именння прыложыты—
То такъ якъ-разъ и додала!

***

Прывидця заразъ ся шептуха
И прымостылась къ старыку,
Ему шепнула биля уха
И завела зъ нымъ ричъ таку:
„Ось я сынкови загадаю,
Поворожу и попытаю,
Ему, що буде, роскажу.
Я ворожбу такую знаю,
Хоть що по правди отгадаю
И вже николы не збрешу“.
И заразъ въ горщычекъ наклала [1])
Видёмскихъ разныхъ, всякыхъ травъ,
Яки на Констянтина рвала,
И то гниздо, що ремезъ клавъ;
Васылькы, папороть, шевлію,
Петривъ батигъ и конвалію,
Любыстокъ, просерень, чебрець; [2])
И все це налыла водою
Погожою, непочатою,
Сказавшы скилькось и словець.

***

Горщокъ сей черепкомъ накрыла,
Поставыла его на жаръ,
И тутъ Энея прысадыла,
Щобъ огонёкъ винъ роздувавъ.
Якъ розигрилось, зашыпило,
Запарылось, заклекотило,
Ворочалося зъ верху въ нызъ,—
Эней нашъ насторошывъ уха,
Мовъ чоловичый голосъ слуха;
Те чуе и старый Анхызъ.
Якъ сталы роздувать пыльнише,
Горщокъ той дуже клекотавъ;
Почулы голосъ выразнише,
И винъ Энею такъ сказавъ:
„Энею годи вже журытысь!
Одъ его мае росплодытысь!
Велыкый и завзятый ридъ, [3])
Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усюдахъ воюваты,
Пидверне всихъ соби пидъ спидъ.

***

И рымськіи поставыть стины,
Въ ныхъ буде жыты, якъ въ раю;
Велыки зробыть перемины
Во всимъ окружнимъ тамъ краю;
Тамъ буде жыть та пожываты,
Покиль не будуть цилуваты
Ногы чіеись постола.., [4])

---

[1]) И заразъ въ горщычокъ наклала
. . . .
Яки на Йвановъ вечиръ рвала. Изд. 1808.

[2]) Любыстокъ, проскурень. Изд. 1808.

[3]) Велыкый дуже сыльный ридъ. Изд. 1808.

[4]) Ногы якоись... Изд. 1808.

Но видсиль часъ тоби вбыраться [1])
Изъ панъ-отцемъ своимъ прощаться,
Щобъ голова тутъ не лягла".
Сего Анхызу не бажалось,
Щобъ попрощатыся зъ сынкомъ;
И въ голову ему не клалось,
Щобъ зъ нымъ такъ бачытысь мелькомъ.
Та ба! вже ничымъ пособыты,—
Энея треба видпустыты,
Изъ пекла вывесты на свитъ.
Прощалыся и обнималысь, [2])
Слизьмы гиркымы облывалысь—
Анхызъ крычавъ, якъ въ марти китъ.

***

Эней зъ Сывыллою старою
Изъ пекла биглы на-простець;
Сынокъ ворочавъ головою,
Покы ажъ не сховавсь отець.
Прыйшовъ къ Троянцямъ помаленьку,
И кравсь нышкомъ потыхеньку,
Де имъ велывъ себе пождать.
Троянци покотомъ лежалы
И на дозвилли добре спалы,— [3])
Эней и самъ уклався спать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТА.

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На моторошни засердчыть;
И заразъ тягломъ закышкуешъ
И въ буркоти закендюшыть.
Колы-жъ що напхомъ зъязыкаешъ,
И въ теребъ добре зжывотаешъ;
То на весели занутрыть;
Объ лыхо вдаромъ заземлюешъ,
И ввесь забудъ свій зголодуешъ
И бигъ до горя зачортытъ

Та що абыщоты верзлялoмъ,—
Не казку кормомъ соловьять:
Ось-ну закалыткуй брязкаломъ
То радощи заденежать.
Колы давало спьятакуешъ,
То, може, чуло зновынуешъ,
Якъ що съ тобою спередыть;
Куда на плавахъ човноваты,
Якъ угодыли Юнонаты
И якъ Эней заминервыть.

---

[1]) Но видсиль ты сейчасъ вбырайся,
И съ панотцемъ своимъ прощайся. Тамъ-же.

[2]) Прощалыся и цылувалысь. Изд. 1808.

[3]) И на розсвити добре спалы. Изд. 1808.

***

Мене за сю не лайте мову,
Не я іи скомпоновавъ;
Сывыллу лайте безтолкову,
Іи се мизокъ смусовавъ.
Се такъ вона коверзовала,
Энееви пророковала,
Йому де поступатысь якъ:
Хотила мизокъ закрутыты,
Щобъ грошей бильше улупыты,
Хоть бидный бувъ Эней и такъ.
Та треба зъ лыха догадаться,
Якъ прыйде узломъ до чогось;
А зъ видьмою не торговаться,
Щобъ хлыпаты не довелось.
Подяковавъ старую суку
Эней за добрую науку,
Шагивъ зъ дванадцять въ руку давъ.
Сывылла грошыкы въ калытку,
Пиднявшы пелену и свытку,—
Изслызла—мовъ лыхый злызавъ.

***

Эней, избувшы сучу бабу,
Якъ мога швыдче на човны,
Щобъ не дала Юнона швабу,
Що загубывъ-бы и штаны. [1])
Троянци, въ човны посидавшы
И швыдко ихъ поодпыхавшы,
По витру гарно поплылы;
Греблы съ діявола вси дружно,
Що де-якымъ ажъ стало душно,
По хвыли веселця гулы.
Плывуть, ажъ витры забурчалы
И закрутылы, не шутя,
Завылы гризно, засвысталы—
Нема Энееви путтяǃ
И зачало човны выхаты,
То сторчъ, то на бикъ колыхаты,
Що враѓъ устоить на ногахъ;
Троянци зъ ляку задрижалы,
Якъ лыху помогты, не зналы,
И гралы тилькы на зубахъ.

***

Якъ ось ставъ витеръ ущухаты
И хвыли трохы уляглысь;
Ставъ мисяць съ хмары выглядаты—
И звизды на неби блысь-блысь!
Агу, Троянцямъ легше стало
И тяжке лыхо зъ серця спало, [2])
Уже бо думалы пропасть.
Зъ людьмы на свити такъ бувае,
Колы кого михъ полякае,
То посли торба спать не дасть.
Уже Троянци вгамовалысь,
Могорычу вси потяглы;
И мовъ менькы повывертались,
Безпечно спаты залягли,
Ажъ ось поромщыкъ ихъ проноза,
На землю впавъ, якъ михъ изъ воза

[1]) Що опынывся-бъ въ сатаны. Изд. 1842.
[2]) И тяжке горе зъ серця спало. Тамъ-же.

И, мовъ на пупъ, репетовавъ:
„Пропалы вси мы зъ головамы,
Прощаймось зъ тиломъ и душамы,
Остатній нашъ народъ пропавъ.

***

„Заклятый островъ передъ намы
И мы его не мынемо,
Не проплывемъ нигде човнамы.
А на йому пропадемо;
Жыве на острови царыця
Цирцея—люта чаривныця
И дуже злая до людей;
Яки лышъ не остережуться,
А ій на островъ попадуться,
Тихъ переверне на звирей.
Не будешъ тутъ ходыть на пари,
А пидешъ заразъ чотырьма;
Пропалы, якъ Сирко въ базари,
Готовте шыи до ярма!
По нашому хохлацьку строю
Не будешъ цапомъ, ни козою,
А вже запевне, що воломъ:
И будешъ въ плузи похожаты,
До броваря дрова таскаты,
А може пидешъ бовкуномъ.

***

Ляхъ цвенькаты уже не буде,
Загубыть чуйку и жупанъ,
И не позвалямъ тамъ забуде,
А заблее такъ, якъ баранъ.
Москаль бодай бы не козою
Замекекекавъ зъ бородою,
А Прусъ хвостомъ не завылявъ,
Якъ, знаешъ, лысъ хвостомъ выляе,
Якъ дуже дойда налягае,
И якъ чухрай угонку давъ.
Цесарци ходять журавлямы,
Цирцеи служать за гусаръ
И въ острови тимъ сторожамы.
Италіянець же маляръ—
Исквапнишій на всяки штукы,
Спивакъ, танцюра на вси рукы,
Уміе и чыживъ ловыть,—
Сей переряженъ въ обезьяну,
Ошійныкъ носыть изъ сапьяну
И осужденъ людей смишыть.

***

Французы-жъ давніи сипакы,
Головоризы, ризныкы,
Си перевернути въ собакы,
Чужи щобъ грызлы маслакы.
Воны и на владыку лають,
За горло всякого хватають;
Грызуться и промижъ себе:
У ныхъ хто хытрый, то и старшый,
И знай всимъ намынае парши—
Чупрыну всякому скубе.
Повзуть Швейцарци червякамы;
Голландци квакають въ багни;
Чухонци лазять муравьямы,—
Прызнаешъ жыда тамъ въ свыни.
Индыкомъ ходыть тутъ Гишпанець,
Кротомъ же лазыть Португалець,
Звиркуе Шведынъ вовкомъ тамъ.
Датчанынъ добре жеребцюе,

Медведемъ Турчынъ тамъ танцюе,—
Побачыте, що буде намъ".

***

Биду побачывъ немынучу,
Троянци вси и панъ Эней
Зибралыся въ одну вси кучу
Подумать о биди своей.
И мыттю тутъ уговорылысь,
Щобъ вси хрыстылысь и молылысь,
Щобъ тилькы островъ имъ мынуть.
Молебень же втялы Еолу,
Щобъ витрамъ по його изволу
Въ другый бикъ повеливъ дмухнуть.
Еолъ молебнемъ вдовольнывся
И витривъ заразъ одвернувъ,
Троянськый плавъ переминывся,
Эней буть звиромъ увыльнувъ.
Ватага вся повеселила,
Горилка съ пляшокъ булькотила,
Нихто ни капли не пролывъ.
Потимъ взялыся за весельця
И пригребнулы вси одъ серця,
Мовъ-бы Эней по почти плывъ.

***

Эней, по човну похожая,
Роменськый тютюнець курывъ;
На вси чотыри розглядая,
Колы-бъ чого не пропустывъ.
—„Хвалите, крыкнувъ, братци, Бога,
Гребите дужче, яко мога.
Отъ Тибръ передъ носомъ у насъ.
Ся ричка Зевсомъ обищана,—
И съ берегамы намъ виддана,
Гребы! отъ закрычу шабасъ.
Гребнулы, разъ, два, тры, чотыри,
Якъ на! у берега човны...
Троянци наши чупрындыри
На землю скыць,—якъ тамъ булы!
И заразъ сталы розкладатысь,
Копаты, строить, ташоватысь,
Мовъ имъ пидъ лагеръ судъ одвивъ.
Эней крычыть: „моя тутъ воля,
И килько окомъ скынешъ поля,
Скризь геть настрою городивъ".

***

Земелька ся була Латынська,
Завзятый царь въ ній бувъ Латынъ;
Старый скупындя—скурвасыньска,
Дрижавъ, якъ Каинъ, за алтынъ.
А також вси його пидданци
Носылы подрани галанци, [1])
Дывывшысь на свого царя.
На гроши тамъ не козерялы,
А въ китькы крашанкамы гралы,—
Не визьмешъ даромъ сухаря.
Латынъ сей, хочъ не дуже блызько,
А все Олымпськымъ бувъ ридня,
Не кланявся никому нызько,
Для його все була брыдня.
Мерыка, кажуть, його маты

1) Н

До Фавна стала учащаты
Да и Латына добула.
Латынъ дочку мавъ чепуруху,
Проворну, гарну и моргуху,
Одна у його и була.

***

Дочка була зальотна птыця
И зъ-заду, спереду, кругомъ;
Червона, свижа, якъ кыслыця,
И все ходыла павычомъ.
Дородна, росла и красыва,
Прыступна, добра, не спесыва.
Гнучка, юрлыва, молода;
Хочъ хто на неи ненарокомъ
Закыне молодецькимъ окомъ,
То такъ іи и вподоба.
Таке дивча—кусочокъ ласый;
Заслынысся, якъ глянешъ разъ,—
Що ваши гречеськи ковбасы,
Що вашъ первакъ грушевый квасъ!
Завійныця одъ неи вхопыть,
На голову насядe клопитъ.
А, може, тьохне и не тамъ. [1])
Поставыть рогомъ ясни очи,
Що не доспышъ петривськой ночи,—
Те по соби я знаю самъ.

***

Сосидни хлопци женыхалысь
На гарну дивчыну таку,
И сватать де-яки пыталысь,
Яки хотили, щобъ смаку
Въ Латыновій дочци добыться.
Въ царя прыданымъ пожывыться,
Геть, геть и царство за чубъ взять.
Но ненечка іи Амата,
Въ души своій була строката,
Не всякый ій любывся зять.
Одынъ бувъ Турнъ царьокъ нешпетный,
Съ Латыномъ у сосидстви жывъ,
Дочци и матери прыкметный
И батько дуже зъ нымъ дружывъ.
Не въ шутку молодець бувъ жвавый,
Товстый, высокый, кучерявый
Обточеный, якъ огирокъ.
И війска мавъ свого чимало,
И грошикивъ таки брязчало,—
Куды не кынь бувъ Турнъ царьокъ.

***

Царь Турнъ щось дуже пидсыпався
Царя Латына до дочкы,
Якъ зъ нею бувъ, то выправлявся
И пиднимавсь на каблучкы.
Латынъ, дочка, стара Амата,
Що-день одъ Турна ждалы свата,
Уже нашылы рушныкывъ
И всякыхъ всячынъ напрыдбалы,
Яки на сватанни давалы,
Все сподивалысь старостивъ.
Колы чого въ рукахъ не маешъ,

---

[1]) А може тьохне и не такъ. Тамъ-же.

То не хвалыся, що твое;
Що буде, ты того не знаешъ,
Утратышъ, може, и свое.
Не розглядившы, кажуть, броду,
Не суньсь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмишывъ людей.
И перше въ волокъ подывыся,
Тогди и рыбою хвалыся,
Бо будешъ йолопъ, дуралей.

***

Якъ пахло сватаннямъ въ Латына
И ждалы тилько четверьга,
Ажъ тутъ Анхызова дытына
Прыплентáлась до берега.
Зо всимъ своимъ Троянськымъ племямъ
Эней не марно тратывъ время,
По молодецьку закурывъ:
Горилку, пыво, медъ и брагу
Поставылы передъ ватагу,
Для збору въ трубы засурмывъ.
Троянство, знаешъ, все голодне
Сыпнуло рысью на той клыкъ;
Якъ галичъ въ времья непогодне,
Вси пиднялы велыкый крыкъ;
Сывушкы заразъ ковтонулы
По кившыку, и не здригнулы
И докосылысь до потравъ.
Все військо добре убырало,
Ажъ по за ухамы лящало,
Одынъ передъ другымъ хватавъ.

***

Вбыралы сичену капусту
Шаткованý и огиркы
(Хоть се було въ часъ мьясопусту)
Хринъ зъ квасомъ, редьку, бурякы,
Рябка, тетерю, соломаху...
Якъ не було, поилы зъ маху
И вси трощылы сухари,
Що не було, все позъидалы,
Горилку всю повыпывалы,
Якъ на вечери косари.
Эней оставывъ изъ носатку
Було горилкы про запасъ,
Но клюкнувъ добре для порядку,
Розсердывсь, якъ бува у насъ,
Хотивъ послиднимъ подилытысь,
Щобъ до кинця уже напытысь,
И добре цивкою смыкнувъ;
За нымъ и вся його голота
Тяглы, покы була охота,
Що деякый и хвистъ надувъ.

***

Барыльци, пляшечкы, носатку,
Суліи, тыквы, баклажкы—
Все высушылы безъ остатку,
Посуду потовклы въ шматкы;
Троянци съ хмелю просыпалысь,
Скучалы, що не похмелялысь;
Пишлы, щобъ землю озырать,
Где имъ пеказано селытысь,
Жыть, будоватыся, женытысь,

И щобъ Латынцивъ роспизнать.
Ходылы тамъ, чи не ходылы,
Ажъ ось вернулысь и назадъ,
И чепухы нагородылы,
Що панъ Эней не бувъ и радъ.
Сказалы, люде тутъ бормочуть,
Языкомъ дывнымъ намъ сокочуть,
И мы ихъ мовы не втнемо!
Слова свои на „усъ" кончають,
Якъ мы що кажемъ имъ, не знаютъ,
Мижъ нымы мы пропадемо.

***

Эней тутъ заразъ взявъ догадку;
Веливъ побигты до дякивъ
Купыть *Піярскую* граматку,
Полуставцивъ, октоихивъ;
И всихъ зачавъ самъ мордуваты,
По верху, по словахъ складаты,—
Латынськую тму, мну, здо, тло;
Троянське племя все зисило
Коло кныжокъ, що ажъ потило,
И по Латынському гуло.
Эней одъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою всихъ прыганявъ;
И хто хоть трохы линовався,
То тымъ субиткы и дававъ.
За тыждень такъ Латыну взналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
И говорылы все „на усъ"
Энея звалы Энеусомъ,
Уже не паномъ—Доминусомъ,
Себе-жъ звалы Троянусъ.

***

Эней, Троянцивъ похвалывшы,
Що такъ Латыну понялы,
Сывушкы въ кубочкы налывшы,
И могорычъ вси запылы.
Потимъ зъ десятокъ що-мудрійшыхъ,
Въ латыни що найрозумнишыхъ,
Зъ ватагы выбравшы якъ разъ,
Пославъ послами до Латына
Отъ имени свого и чына,—
А съ чымъ пославъ, то давъ прыказъ.
Послы, прыйшовшы до столыци,
Послалы до царя сказать,
Що до його и до царыци
Эной прыславъ поклонъ отдать,
И съ хлибомъ, зъ сылью и зъ другымы
Подаркамы предорогымы,
Щобъ познакомыться съ царемъ;
И якъ добьеться панськой ласкы,
Эней сподаръ и царь Троянскій,
То прыйде самъ въ царскый теремъ.

***

Латыну тилько що сказалы,
Що одъ Энея есть послы,
И съ хлибомъ, съ сылью прычвалалы,
Да и подаркы прынеслы,
Хотять Латыну поклоныться,
Знакомыться и подружыться,
Якъ тутъ Латынъ и закрычавъ:
„—Впусты! я хлиба не цураюсь,

И зъ добрымы людьмы братаюсь,
Отъ на ловця звиръ наскакавъ!“ —
Веливъ тутъ заразъ прыбираты
Свитлыци, сины, двиръ месты,
Клечання по двору сажаты,
Шпалеривъ ризныхъ прынесты
И выбывать царськую хату;
Лыбонь поклыкавъ и Амату,
Щобъ и вона дала совитъ;
Якъ лучче, краще прибыраты,
Де, якъ коврамы застылаты
И пидбырать до цвиту цвитъ.

* * *

Пиславъ гонця до богомаза,
Шобъ мальовання накупыть;
И такъ же разного прыпаса,
Щобъ що було и исть и пыть.
Вродылось ренське съ курдымономъ
И пыво чорнее зъ лымономъ,
Сывушкы-же трохы не съ спустъ;
Де не взялысь волы, телята,
Бараны, вивци, поросята,—
Латынъ прыбравсь, мовъ на запустъ.

Отъ прывезлы и мальованне
Роботы первійшыхъ мастривъ,
Царя Гороха панованье,
Потреты всихъ богатыривъ:
Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ изъ війскомъ добру хльору;
Чернецъ Мамая якъ побывъ,
Якъ Муромецъ Илья гуляе,
Якъ бье Варягъ и проганяе, [1])
Якъ Переяславъ боронывъ.

* * *

Бова съ Полканомъ якъ водывся;
Одынъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловій Харцызъ женывся,
Якъ въ Польщи Желизнякъ ходывъ.
Патретъ бувъ Француза Картуша,
Противъ його стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди.
И всякыхъ всячынъ накупылы,
Вси стины ными облипылы—
Латынъ дывывсь ихъ красоти.

Латынъ такъ добре спорядывшы,
Кругомъ все въ хатахъ оглядавъ,
Свителкы, сины обходывшы,
Соби уборы добыравъ:
Плащемъ зъ клейонкы обернувся,
Циновымъ гудземъ застебнувся,
На голову взявъ капелюхъ;
Надивъ на ногы кынди нови
И рукавыци взявъ шкапови,
Надувсь, мовъ на огни лопухъ.

* * *

Латынъ якъ царъ въ своимъ наряди

---

[1]) Якъ бы Половцивъ проганяе. Тамъ-же.

Ишовъ въ кругу своихъ вельможъ,
Котори вси булы въ паради,
Надувшысь всякый зъ ныхъ, якъ йоршъ.
Царя на дзыглыкъ посадылы,
А самы мовчкы одступылы
Одъ покутья ажъ до дверей.
Царыця-жъ сила на ослони
Въ едамашковому шушони.
Въ кораблыку изъ соболей.
Дочка Лавыся—чепуруха
Въ нимецкимъ фуркальци була,
Вертилась, якъ въ окропи муха,
Въ верцадло очи все пьяла.—
Одъ дзыглыка-жъ царя Латына
Скризь послана була ряднына,
До самой фиртки и воритъ;
Стояло військо тутъ зальотне,
Волове, кинне и пихотне
И ввесь бувъ зибраный повитъ.

***

Пословъ ввелы къ царю съ пыхою,
Якъ водылося у Латынъ;
Неслы подаркы предъ собою:
Пыригъ завдовшкы изъ аршинъ,
И соли крымкы и бахмуткы,
Лахмиття розного тры жмуткы—
Эней Латыну що прыславъ.
Послы къ Латыну прыступылысь
Тры разы нызько уклонылысь,
А старшый рацію сказавъ:

„—Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный Троянорумъ князь,
Шмыглявъ по морю, якъ Цыганусъ,—
Адъ те, о рексъ! прыславъ нункъ насъ!
Рогамусъ, домине Латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне,
Пермитте жыть въ земли своей,
Хоть за пекуніи, хоть гратисъ,
Мы дякуваты будемъ сатисъ
Бенефиценціи твоей.

***

О рексъ, будь нашымъ Меценатомъ
И ласкамъ туамъ покажы,
Энеусу зробыся братомъ,
О Оптиме, не одкажы;
Энеусъ принцепсъ есть моторный,
Вродлывый, гарный и проворный, [1])
Побачышъ самъ инномине!
Велы акципере подаркы
Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,
Що прыслани черезъ мене.
Се кылымъ—самольотъ чудесный—
За Хмеля выткався царя,—
Лита пидъ облака небесни,
До мисяця и где зоря.
Не можна стилъ нымъ застылаты
И передъ лижкомъ простылаты
И тарадайку закрывать.

1) [illegible]

Царивни буде винъ въ прыгоду,
И то найбильшъ для того году,
Якъ замужъ прыйдеться давать.

***

Ось скатерть Шльонская нешпетна,
Іи у Лыпську добулы,
Найбильше тымъ вона прыкметна,
На стилъ якъ тилькы настелы,
И загадай якои стравы,
То заразъ вродяться потравы,
Яки на свити тилькы есть:
Пывце, вынце, медокъ, горилка,
Рушныкъ, нижъ, ложка и тарилка,—
Царыци мусымъ сю пиднесть.
А се сапьянци самоходы,
Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
Въ старынныи пошыти годы,
Не знаю, якъ досталысь намъ:
Лыбонь досталысь отъ Пендосивъ,
Що въ Трои намъ утерлы носивъ,—
Про те Эней зна молодецъ;
Сю ричъ якъ ридку и старынну
Пидносымо царю Латыну,
Съ поклономъ нызькымъ на ралецъ".

***

Царыця, царъ, дочка Лавына
Сглядалыся промижъ себе,
Изъ рота покотылась слына,
До себе всякый и гребе,
Яки досталысь имъ подаркы,
Насылу обійшлось безъ сваркы.
Якъ ось Латынъ сказавъ посламъ:
„—Скажите вашому Энею,—
Латынъ изъ цилою симьею
Крый Боже, якъ вси ради вамъ.
И вся моя маетность рада,
Що Богъ васъ навернувъ сюда;
Мни мыла ваша вся громада,
Я не пущу васъ никуда;
Прошу Энею поклонятысь
И хлиба солы не цуратысь
Кусокъ останній роздилю.
Дочка у мене одыначка
Хозяйка добра, пряха, швачка,
То, може, и въ ридню вступлю."

***

И заразъ попросывъ до столу
Латынъ Энеевыхъ бояръ,
Пылы горилкы до изволу
И илы бублыкы, кавьяръ:
Бувъ борщъ до шпундривъ зъ буряками,
А въ юшци потрухъ зъ галушкамы,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба—шарпанына,
Печена зъ часныкомъ свынына,
Крохмалъ—якый идять паны.
Въ обидъ пылы заморськи вына,
Не можна всихъ ихъ роскакать,
Бо потече изъ рота слына
У де-кого, якъ опысать:
Пылы сикизку, деренивку

И Крымську вкусную дуливку—
Що то айвовкою зовуть.
На виватъ зъ мужчыривъ стрылялы,
Тутъ—громко трубачи игралы,
А многолитъ дякы ревуть.

***

Латынъ по царському звычаю
Энею дары отрядывъ:
Лубенського шматъ короваю,
Корыто Опишнянськыхъ слывъ,
Орихивъ кыивськыхъ смаженыхъ,
Полтавськыхъ пундыкивъ пряженыхъ
И гусячыхъ пьять кипъ яець;
Рогатого скота зъ Лыпянкы,
Сывухы—видеръ зъ пьять будянкы,
Сто решетыливськыхъ овець.
Латынъ старый и полыгався
Зъ Энеемъ нашымъ молодцемъ;
Эней и зятемъ назывався—
Но дило красыця кинцемъ!
Эней пры щастю безъ помихы
Вдавався въ жарты, игры, смихы,
А о Юнони и забувъ,
Його котора не любыла
И скризь за нымъ, где бувъ, слидыла,
Нигде одъ неи не ввыльнувъ.

***

Ирыся, цьохля проклятуща,
Завзятиша одъ всихъ брехухъ,
Олимпська мчалка невсыпуща,
Крыклывиша изъ щебетухъ,
Прыйшла, Юнони росказала,
Энея якъ Латынъ прыймала,
Якый мижъ нымы есть укладъ;
Эней за тестя мавъ Латына,
А сей Энея, якъ за сына,
И що въ дочкы зъ Энеемъ ладъ.
—„Эге, Юнона закрычала,
Поганець якъ же розибравъ,
Я нарошно йому спускала,
А винъ и ногы розиклавъ!
Ого, провчу я высикаку
И перцю дамъ йому и маку,
Потямыть, якова-то я:
Пролью Троянську кровъ, Латынську,
Вмишаю Турна скурвасынську,
Я наварю имъ кисиля!"—

***

И на, черезъ штафетъ къ Плутону
За подпысомъ своимъ приказъ,
Щобъ фурію винъ Тезыфону
Пославъ къ Юнони той-же часъ;
Щобъ ни въ берлыни, ни въ дормези,
И ни въ рыдвани, ни въ портшези,
А бигла-бъ на перекладныхъ;
Щобъ не було въ пути препоны,
Щобъ заплатывъ на тры прогоны,
Щобъ на Олымпъ вродылась въ мыгъ.
Прыбигла фурія изъ пекла

Ехыднища одъ всихъ видьомъ,
Зла, хытра, злобная, запекла,
Робыла зъ себе скризь содомъ.
Ввійшла къ Юнони зъ ревомъ, стукомъ,
Зъ велыкымъ трескомъ, свыстомъ, гукомъ,
Зробыла объ соби лепортъ.
Якъ разъ взялы іи гайдукы
И повелы въ теремъ пидъ рукы,
Хоть такъ страшна була, якъ чортъ.

***

„Здорова,—люба, мыла доня“,
Юнона въ радощахъ крычыть,
До мене швыдче, Тезефоню,
И циловать іи бижыть.
„Сидай, голубко, якъ ся маешъ?
Чи пса Троянського ты знаешъ?
Теперъ къ Латыну завитавъ
И крутыть тамъ, якъ въ Карфагени;
Достанеться дочци и нени,
Латынъ шобъ въ дурни не попавъ.
Ввесь знае свитъ, що я незлобна,
Людей губыты не люблю;
Но ричъ така богоугодна,
Колы Энея погублю:
Зробы ты похоронъ зъ весилья
Задай ты добре всимъ похмилья,
Хоть-бы побралы всихъ чорты.
Амату, Турна и Латына,
Энея гадового сына,—
Пужны по своему ихъ ты!“

***

„Я наймычка твоя покорна,
Ревнула фурія, якъ гримъ:
На всяку хить твою неспорна,—
Сама Троянцивъ всихъ поимъ.
Амату зъ Турномъ я зъеднаю
И сымъ Энея укараю;
Латыну въ тимья духъ пущу,—
Побачуть то богы и люде,
Що зъ сватання добра не буде,—
Всихъ всихъ въ шматочкы потрощу“—
И перекынулась клубочкомъ,
Кить-кить зъ Олымпа, якъ стрила;
Якъ шла черидка вечерочкомъ—
Къ Амати шусть—якъ тамъ була.
Смутна Амата пирья драла,
Слизкы ронила и вздыхала,
Що Турнъ князьокъ не буде зять;
Кляла Лавыніи родыны,
Кляла кумивъ, кляла хрестыны,—
Та що жъ,—проты рожна не прать.

***

Яга пидъ пелену пидкравшысь,
Гадюкой въ серце поповзла;
По всихъ куточкахъ позвывавшысь,
Въ Амати рай соби найшла.
Отравыла іи утробу, [1])
Наклала злости, мовъ-бы бобу,
Амата стала не своя:

[1]) Въ отравлену іи утробу. Тамъ-же.

Сердыта лаяла, крычала,
Себе, Латына проклынала
И всимъ давала трышія.
Потимъ и Турна навистыла
Пресуча, лютая яга,
И изъ сього князька зробыла
Энею лышнього врага.
Турнъ по военному звычаю
Зъ горилкою напывшысь чаю,
Сказать по просту, пьяный спавъ;
Яга тыхенько пидступыла,
И люте сныще пидпустыла,
Що Турнъ о тимъ не помышлявъ.

***

Іому, бачъ, сонному верзлося,
Буцимъ Анхызове дытя
Зъ Лавыніею гдесь зійшлося
И женыхалось не шутя:
Буцимъ зъ Лавысей обнимався,
Буцимъ до пазухы добрався,
Буцимъ и перстень зъ пальця знявъ;
Лавыся перше мовъ пручалась,
А посли мовъ угамовалась
И ій буцимъ Эней сказавъ;
—„Лавысю, мылее кохання,
Ты бачышъ, якъ тебе люблю;
Рутулецъ Турнъ тебе вже свата,
За нымъ, бачъ, тягне и Амата,
И ты въ йому находышъ смакъ.
До кого хить ты большу маешъ,
Скажы, кого зъ насъ выбыраешъ?
Нехай я згыну неборакъ!"—

***

„—Жывы, Энеечку, мій мылый,
Лавыся сей дала одвитъ,—
Для меня завжды Турнъ постылый,
Очамъ моимъ одынъ ты свитъ!
Тебе колы я не побачу,
То день той и годыну трачу;
Мое ты щастя, жывоты!
Турнъ швыдче нагле околіе,
Нижъ дурень мною завладіе,
Я вся твоя, и панъ мій ты!"—
Тутъ Турнъ безъ памьяты схватывся,
Стоявъ, якъ въ землю врытый стовпъ;
Одъ злости, хмелю ввесь трусывся,
И сна одъ яву не росчовпъ:
—„Кого,—мене? и хто—Троянецъ?
Голякъ, втикачъ, прыплентачъ, ланоць!
Звесты, Лавынію отнять?
Не князь я! гирше шмаровоза,
И дамъ соби уризать носа,
Колы Эней Латыну зять.

***

Лавыся—шматъ не для харцыза,
Якый пройдысвитъ есть Эней;
А то,—и ты, голубко сыза,
Изгынешъ одъ рукы моей,
Я всихъ поставлю вверхъ ногамы,
Не подарую васъ душамы,

А бильшъ Энею докажу.
Латына-же, старого дида,
Прыжму незгирше, якъ сосида,
На колъ Амату посажу.
И заразъ лыстъ пославъ къ Энею,
Щобъ выйшовъ бытысь самъ на самъ,
Помирявсь сылою своею
Доставъ одъ Турна по усамъ;
Хоть на кіи, хоть кулакамы,
Поштурхатысь по-пидъ бокамы,
Або побытысь и на смерть.
А також пхнувъ винъ драгомана
И до латыньского Султана,
Щобъ и сьому мордасы вторть.

***

Ехыдна фурія раденька,
Що по іи все дило йшло;
До людьскихъ бидъ вона швыденька,
И горе мыло ій було.
Махнула швыдко до Троянцивъ,
Щобъ сыхъ Латынськыхъ постоялцивъ
По своему осатаныть.
Тогди Троянци вси зъ хортамы,
Збыралысь ихать за зайцямы,
Князька свого повеселыть.
„Но горе гришныкови сущу,
Такъ кыивськый скубентъ сказавъ,
Благыхъ дилъ вовсе не имущу;
Хто божыи судьбы пизнавъ!
Хто где не дума, тамъ ночуе,
Хотимъ де бигты, тамъ гальмуе,
Такъ гришными судьба вертыть!“ —
Троянци самы то пизналы,
Зъ малои речи пострадалы,
Якъ то чытатель самъ узрыть.

***

Поблызь Троянська кочовання,
Бувъ на отліоти хуторокъ,
Було въ нимъ щупле будовання,
Ставокъ бувъ, гребля и садокъ.
Жыла Аматына тамъ нянька,
Не знаю, жинка, чы панянка,
А знаю, що була стара:
Скупа, и зла, и воркотуха,
Наушныця и щебетуха,
Давала чыншу до двора, —
Ковбасъ десяткивъ зъ тры Латыну,
Лавыніи къ Петру мандрыкъ,
Амати въ тыждень по алтыну,
Тры фунты воску на ставныкъ;
Льнянои пряжи тры пивмиркы
И двисти валяныхъ гнотивъ.
Латынъ одъ няньки нажывався,
Зате-жъ за няньку и вступався,
За няньку хоть на нижъ готивъ.

***

У няньки бувъ биленькый цуцыкъ,
Іи винъ завжды забавлявъ;
Недуже простый — родомъ муцыкъ,

Носывъ поноску, танцювавъ,
И паніи лызавъ одъ скукы
Частенько ногы скризь, и рукы,
И тименьыци выгрызавъ.
Царивна часто зъ нымъ игралась,
Сама царыця любовалась,
А царъ то часто годувавъ.
Троянци, въ рогы затрубывшы,
Пустылы гончыхъ въ чагари,
Кругомъ болото обступывшы,
Бычамы ляскалы псари;
Якъ тилько гончи заганялы,
Загавкалы, заскавучалы,
То муцыкъ, вырвавшысь на двиръ,
На голосъ гончыхъ одизвався,
Чмыхнувъ, завывъ, до ихъ помчався.
Стременный думавъ, що то звиръ.

***

„А тю його, гуджа!“ и крыкнувъ,
И зъ своры поспускавъ хортивъ;
Тутъ муцыкъ до земли прылыпнувъ
И духъ одъ ляку затаивъ;
Но псы, донюхавшысь, доспилы,
Шарпнулы муцыка, иззилы
И посмокталы кисточкы.
Якъ вясть така дошла до нянькы,
То очи выпьяла, якъ банькы,
А зъ носа спалы и очкы.
Осатанила вража баба
И крыкнула, якъ на жывитъ,
Зробылась заразъ дуже слаба,
Холодный показався питъ.
Порвалы маточни прыпадкы,
Истерыка и лыхорадкы,
И спазмы жылы потяглы;
Пидъ нисъ ій клалы ассафету
И теплую на пупъ сервету
И ще клистиръ зъ ромну далы.

***

Якъ тилько къ памяти вернулась,
То заразъ галасъ пидняла;
До неи челядь вся сунулась, —
Для дыва, якъ весь свитъ кляла.
Потимъ, схватывшы головешку
И выбравшысь на добру стежку,
Чкурнула просто до Троянъ —
Вси курени ихъ попалыты,
Энея заколоть, побыты
И всихъ троянськыхъ бусурманъ.
За нею челядь покотыла,
Схватывшы, хто що запопавъ:
Кухарка чаплію хопыла,
Лакой тарилкамы шпурлявъ;
Рублемъ тамъ прачка храбровала,
Зъ дійныцей рычка наступала,
Гуменный зъципомъ скризь совавсь;
Тутъ рота косаривъ зъ гребцямы
Шлы бытысь съ косамы, съ граблямы,
Нихто одъ бою не цуравсь.

***

Но у Троянського народу
За шагъ алтына не просы;

Хто москаля объихавъ зроду?
А займешъ, ногы уносы.
Завзятого Троянци кшталту,
Не струсять ни чійого гвалту
И носа хоть кому утруть;
И нянчыну всю рать розбылы,
Скаличылы, роспотрошылы
И всихъ въ тисный загналы кутъ.
Въ сіе то нещаслыве времья
И въ самый штурхобочный бой
Троянське и Латынське племья
Якъ умывалося маской,
Прыбигъ гонець съ пысьмомъ къ Латыну,
Нерадостну прывизъ новыну,
Князь Турнъ ему войну пысавъ;
Не въ пыръ, бачъ, запрошавъ напытысь,
А въ поле вызывавъ побытысь;
Гонець и на словахъ додавъ:

***

—„Царю Латыне неправдывый!
Ты слово царськое зломавъ;
За те узолъ дружелюбывый
На викы съ Турномъ розирвавъ.
Одъ Турна шматъ той однимаешъ,
И въ ротъ Энееви соваешъ,
Що Турнови самъ обищавъ.
Выходь-же завтра навкулачкы,
Видтиль, може, полизешъ рачкы,
Бодай и лунь щобъ не злызавъ“.—
Не такъ разсердытся добродій,
Колы панъ возный позовъ дасть;
Не такъ лютуе голый злодій,
Колы не мае що украсть;
Якъ нашъ Латынъ тутъ розгнивывся
И на гинця сього озлывся,
Що губы зъ серця покусавъ:
И тилько одповидь хтивъ даты [1])
И гнивъ царськый свій показаты,
Посолъ щобъ Турнови сказавъ.

***

Якъ выглянувъ въ викно зненацька,
Прыйшовъ Латынъ въ велыкый страхъ;
Побачывъ люду скризь багацько
По улыцяхъ и всихъ куткахъ;
Латынци перлыся товпамы,
Шпурлялы въ гору вси шапкамы:
Крычалы въ голосъ на ввесь ротъ,
—„Война, война проты Троянцивъ,
Мы всихъ Энеевыхъ поганцивъ
Побьемъ—искоренымъ ихъ родъ!“
Латынъ старый бувъ не рубака
И воюватысь не любывъ,
Одъ слова „смерть“ винъ неборака
Бувъ безъ душы и мовъ не жывъ.
Винъ стычку тилько мавъ на лижку,
Амати якъ не гравъ пидъ нижку

[1]) И тилько отповидь мавъ даты. Изд. 1842 г.

И то тогди якъ пидтоптавсь;
Безъ того жъ бувъ всегда тыхенькый, [1]
Якъ всякый дидъ старый слабенькый,
Въ чужее дило не мишавсь.

***

Латынъ и серцемъ и душею
Далекый бувшы одъ війны,
Зибравшысь зъ мудростью своею,
Щобъ не попастысь въ кайданы,—
Зизвавъ къ соби панивъ вельможныхъ,
Старыхъ, чыновныхъ и заможныхъ,
Которыхъ рады слухавъ самъ;
И выславшы геть-пречь Амату,
Завивъ ихъ всихъ въ свою кимнату,
Таку сказавъ ричь старшынамъ:
—„Чи вы одъ чаду, чи съ похмилля?
Чи чортъ за душу удряпнувъ?
Чи напылысь дурного зилля,
Чи глуздъ за розумъ завернувъ?
Скажить,—съ чого війна взялася,
Съ чого ся мысль вамъ прыплелася?
Колы я тишывся війной?
Не звиръ я—людску кровъ пролыты,
И не харцызъ, людей щобъ быты,
Для мене гыдкый всякый бой!

***

„И якъ війну весты безъ збруи,
Безъ війска, хлиба, безъ гарматъ,
Безъ грошей? Головы вы буи!
Якый васъ обезглуздывъ катъ?
Хто буде зъ васъ провіянтмейстеръ,
Або хто буде кригсъ-цалмейстеръ,
Кому казну повирю я?
Не дуже хочете вы бытысь,
А тилько хочете нажытысь,
И буде все бида моя.
Колы сверблять у васъ у кого
Чи спына, ребра, чи бокы;
На що просыты вамъ чужого?
Мои царскыи кулакы [2])
Почешуть ребра вамъ и спыну,
Колы-жъ то мало, я дубыну
Готовъ на ребрахъ сокрушыть.
Служыть вамъ радъ малахаямы,
Ризкамы, кошкамы, кіямы, [3])
Щобъ жаръ военный потушыть.

***

Покыньте-жъ се дурне юнацтво
И розійдиться по домахъ,
Панове выборне боярство;

---

[1]) Безъ того-жъ завжды бувъ тыхенькый. Тамъ же.

[2]) Мои велыкы кулаки. Тамъ-же.

[3]) Ризкамы, кнуттямъ и кіямы. Тамъ-же.

А про війну и въ головахъ
Соби николы не кладите,
А мовчкы въ запичкахъ сыдите,
Розгадуйте, що исть и пыть.
Хто-жъ о війни проговорытся,
Або кому війна прыснытся,
Того пошлю куныць ловыть". [1])—
Сказавшы се, махнувъ рукою
И заразъ винъ пишовъ съ кимнатъ
Бундючно-грозною ходою,
Що всякый бувъ соби не радъ.
Прыстыжени його вельможи
На йолопивъ булы похожи.
Нихто зъ устъ пары не пустывъ.
Нешвыдко бидни схаменулысь
И въ ратушъ пидтюпцемъ пустылысь, [2])
Уже якъ вечеръ наступывъ.

* * *

Тутъ думу довгую державы
И всякъ компоновавъ свое,
И въ голосъ громко закрычалы:
Що на Латына всякъ плюе
И на грозьбу не уважае,
Войну-жъ зъ Энеемъ начынае,
Щобъ некрутъ заразъ набырать,
И не просыть щобъ у Латына,
Съ казны його а-ни алтына,
Боярськи гроши шафовать.
И такъ Латынь заворушылась,
Задумавъ всякъ побыть Троянъ;
Видкиль та храбрость уродылась
Протывъ Энеевыхъ прочанъ?
Вельможи царство взбунтовалы,
Противъ царя всихъ научалы;
Вельможи, лыхо буде вамъ.
Вельможи, хто царя не слуха,
Такимъ обризать нисъ и вуха,
И въ рукы всимъ отдать катамъ.

* * *

О музо, панночко парнасська!
Спустысь до мене на часокъ,
Нехай твоя научыть ласка,
Нехай твій шепчеть голосокъ;
Латынь къ війни якъ снаряжалась,
Якъ армія ихъ набыралась,
Якый порядокъ въ війску бувъ;
Вси опышы мундыры, збрую
И казку мни скажы такую,
Якой ище нихто не чувъ.
Бояре вмыгъ скомпоновалы
На аркушъ манифестъ кругомъ,
По всихъ повитахъ розислалы,
Щобъ військо шло пидъ коруговъ,
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,
А усъ въ пивлокоть-бы тырчавъ;
Щобъ сала и пшона набралы,
Щобъ сухаривъ понапикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

[1]) Тому дамъ чортъ-зна що робыть. Тамъ-же.
[2]) [illegible]

*
* *

Все військо заразъ роспысалы
По разнымъ сотнямъ и полкамъ;
Полковныкивъ понаставлялы,
Далы патентны сотныкамъ.
По городамъ всякъ полкъ назвався,
По шапци всякый розлычався,
Впысалы військо пидъ ранжыръ;
Всимъ сыни скроилы жупаны, [1])
На спидъ-же билыи каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугыръ:
Въ полкы людей роспредилывшы,
И по квартырямъ розвелы,
И всихъ въ мундыри нарядывши,
Къ прысязи заразъ прывелы.
На коняхъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Табаку нюхавъ Асаулъ;
Урядныкы зъ Атаманамы
Новымы чванылысь штанамы, [2])
И ратныкъ всякый губы дувъ.

*
* *

Такъ, вичной памьяты, бувало
У насъ въ гетьманщыни колысь,
Такъ просто військо шыковало
Не знавшы: стій, не шевелысь;
Такъ славныи полкы козацьки
Лубенскій, Гадяцкій, Полтавськый
Въ шапкахъ було, якъ макъ, цвитуть.
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть.
Було тутъ військо волонтыри,
То всякыхъ юрбыця людей,
Мовъ запорожци чупрындыри,
Що ихъ не втне и Асмодей.
Воно такъ, бачышъ, и не гарне,
Якъ кажуть то, нерегулярне,
Та до війны самый злый гадъ:
Чи вкрасты що, языкъ достаты
Кого жывцемъ чи обидраты,
Ни сто не вдержыть ихъ гарматъ.

*
* *

Для сыльной арміи своеи,
Рушныць, мушкетивъ, оружжынъ
Наклалы повни магазеи,
Гвынтивокъ, фузій безъ пружынъ,
Булдымокъ, флынтъ и янычарокъ.
А въ особлывый закамарокъ
Спысивъ, пикъ, ратыщъ — гакивныць,
Булы тутъ страшныи гарматы,
Одъ выстрилу дрижалы хаты,

---

[1]) Пошылы сыни всимъ жупаны. Тамъ-же.
[2]) Новымы чванылысь шапкамы. Тамъ-же.

А пушкари то клалысь ныць.
Жлукта и улыкы на пушкы
Робыть галылы на-захватъ;
Днища, оснивныци, ветушкы
На прынадлежность прыправлять.
Нужда переминыть законы!
Квачи, помела, макогоны
Въ пушкарне видомство пишлы;
Колеса, бендюгы и кары
И самыи церковни мары
Въ депо пушкарськее тяглы.

* * *

Держась военного обряду,
Готовылы зазделегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить.
Для куль—то галушкы сушылы,
А бомбъ—то зъ глыны налипылы,
А слывъ солоныхъ—для картечъ;
Для щытивъ ночвы прыпасалы,
И дна изъ дижокъ выбывалы
И прыправлялы всимъ до плечъ.
Не малы палашивъ, ни сабель,—
У ныхъ, бачъ, Тулы не було;
Не саблею-жъ убытъ и Авель—
Полино смерть ему дало!
Соснови копыстки стругалы
И до бокивъ поначиплялы
На валяныхъ виріовочкахъ.
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходять по опенькы,
Булы, мовъ сумы, на плечахъ.

* * *

Якъ амуныцю спорядылы,
И насушылы сухаривъ,
На сало кабанивъ набылы,
Взялы подимне одъ дворивъ;
Якъ пидсусидкивъ роспысалы
И выборныхъ поназначалы,
Хто тяглый, конный, хто-же пишъ,
За себе хто, хто на пидставу,
Въ якее військо, сотню, лаву,
Порядокъ якъ завивсь незгиршъ:
Тогди ну військо муштроваты,
Учыть мушкетный артыкулъ,
Впередъ якъ ногу выкыдаты,
Ушкварыть якъ на калавуръ.
Колы пишкомъ,—то маршъ шуль-
гою,
Колы верхомъ, гляды-жъ—правою
Щобъ шкапа скочыла впередъ.
Такее ратнее фыглярство
Було у ныхъ за регулярство,
И все Энееви на вредъ.

* * *

Мовъ посполытее рушення
Латына въ царстви началось,
Повсюды муштра та учення,
Все за жолнирство прынялось.
Дивкы на прутахъ розъизджалы,
Цыпкамы хлопцивъ муштровалы,
Стари-жъ учылысь кыдать въ
циль.

А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на печи ихъ штурмовалы,—
Бачъ, для баталіи въ прымиръ.
Булы Латынци дружни люде
И воюватысь малы хить,
Не вси зъ добра, хто одъ прычуды,
Щобъ бытыся, то радъ летить.
Сгоряча часу перши тры дни
Зносылы всяке збижжя, злыдни
И отдавалы все на рать:
Посуду, хлибъ, одежу, гроши,
Своей отчызны для сторожи,
Що не було где и дивать.

* * *

Се поралася такъ Амата,
Къ війни Латынцивъ пидвела;
Смутна була для неи хата—
На улыци все и жыла;
Жинкы зъ Аматою зъеднались,
По всему городу таскалысь
И пидмовлялы воевать.
Робылы зъ Турномъ шуры-муры
И затялысь, хоть вонъ изъ шкуры,
Энееви дочкы не дать.
Колы жинкы где замишалысь
И имъ ворочаты дадуть,—
Колы зъ розсказамы втаскалысь,
Та пхыкання ще додадуть,—
Прощай на-викъ тогди съ порядкомъ,
Пишло все къ чорту неоглядкомъ,
Жинкы поставлять на свое.
Жинкы! колыбъ вы бильше илы,
А менш пащыковать умилы,
Булы-бъ въ раю вы за сіе.

* * *

Якъ Турнъ бисну̀ется, лютуе,
Въ сусидни царства шле посливъ,
Чи хто изъ ныхъ не поратуе
Проты Троянськыхъ злыхъ сынивъ;
Колы Латынъ одъ поедынкивъ
Сховавсь пидъ спидъ своихъ будынкивъ,
И ждавъ, що буде за кинець;
Колы Юнона скризь литае,
Всихъ на Энея повертае,
Весильный збыть зъ його винець—
Гуде въ Латіи дзвинъ вищовый
И гасло всимъ къ войни дае,
Щобъ всякъ Латынець бувъ готовый
Къ войни, въ яку ихъ злость веде.
Тамъ крыкъ, тутъ галасъ, тамъ клепало,
Тиснытся людъ—и все трищало:
Війна въ кровавыхъ рызахъ тутъ;
За нею раны, смерть, увиччя,
Безбожность и безчоловичча—
Хвистъ мантіи іи несуть.

* * *

Була въ Латіи сынанога,
Збудована за давнихъ литъ
Для Януса, сердыта бога,—
Который дывныхъ бувъ прымитъ:
Винъ мавъ на голови дви твари,

Чи гарныи булы, чи хари,
Объ тимъ Вергилій самъ мовчыть;
Но въ мырне времья запырався;
Колы-жъ изъ храма показався,
Якъ разъ війна и закыпыть.
По дзвону вся Латынь сунула,
До храма съ крыкомъ вси неслысь,
И навстижъ двери одимкнула,
И Янусъ выбигъ, якъ харцызъ.
Военна буря закрутыла,
Латыньске серце замутыла,
Завзятость всякого бере;
—„Войны, войны“,—крычать, ба-
жають,
Пекельнымъ пламенемъ палають
И молодее и старе.

* *
*

Латынци військo хоть зибралы,
Да треба-жъ къ війську должност-
ныхъ,
Яки-бъ на щотахъ класты зналы,
Яки пысьменниши изъ ныхъ.
Уже-жъ се мусыть всякый знаты,
Що військo треба харчоваты,
И воинъ безъ вына хомякъ.
Безъ бытой голои копійкы,
Безъ сей прелестныци злодійкы.
Не можна воювать ніякъ.
Булы златыи дни Астреи
И славный бувъ тогди народъ;
Миняйливъ бралы въ казначеи,
А фыгляры пысалы щотъ;
Къ роздачи порціи—антекарь,
Картіожныкъ--хлибный добрый пекарь,
Гевалдыгеромъ—бувъ шынкарь,
Вожатымы—слипци, калики,
Ораторамы—недорикы,
Шпіономъ—зъ церквы паламарь.

*
* *

Всього не можна опысаты,
Въ Латіи що тоди було;
Уже зволялыся чытаты,
Що въ голови у ныхъ гуло.
Къ війни хапалысь, поспишалысь
И самы о свити не зналысь,
И все робылы на зворотъ:
Що строить треба, те ламалы,
Що треба кынуть, те ховалы,
Що класть въ кышеню, клалы въ
ротъ.
Нехай турбуются Латынци,
Готовлятся проты Троянъ,
Нехай выдумують гостынци
Энею нашому въ изъянъ.
Загляньмо, Турнъ що коверзуе,
Троянцямъ рать яку готуе,
Бо Турнъ и самъ дзындзыверъ-
зухъ!
Колы чи пье—не пролывае,
Колы чи бье—то вже влучае,
Іому людей давыть,—якъ мухъ!

*
* *

То й выдно, що не бувъ въ зневази,
Бо вси сосидни королькы,
По просьби,—мовъ-бы по прыкази,

Позапаляючы люлькы,
Пишлы въ походъ зъ своимъ народомъ,
Зъ начиннямъ, потрухомъ и плодомъ,
Щобъ Турнови допомогать,—
Не дать Энееви женытысь,
Не дать Латіи пожывытысь, —
Къ чортамъ Энейцивъ всихъ послать.
Не хмара сонце заслоныла, [1])
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галичъ чорна поле вкрыла,
Не витеръ буйный се шумыть,—
Се військо йде всима шляхамы,
Се ратне брязкотыть збруямы,
Въ Ардею городъ поспиша [2]).
Стовбъ пороху пидъ небо вьется,
Сама земля, здается, гнется,—
Энею, где теперъ душа?

**
*

Мезентій напередъ Тирренськый
Предъ страшнымъ воинствомъ гряде;
Було полковныкъ такъ Лубенськый
Колысь къ Полтави полкъ веде,
Пидъ земляни Полтавськы валы
(Де Шведы голову поклалы),
Полтаву матушку спасать;
Пропалы шведы тутъ прочвары,
Пропавъ и валъ, а булевары
Досталось намъ теперъ топтать.
Засимъ на бендюгахъ плетется
Байстрюкъ Авентій попадычъ,
Зъ своею челядью ведется,
Якъ зъ блюдолызамы паныч.
Знакомого винъ пана внучокъ,
Добродій песыкивъ и сучокъ
И лошакивъ минять охочъ.
Авентій бувъ розбійныкъ спупку, [3])
Всихъ тормошывъ, валывъ на купку,
Дывывся бисомъ, гадомъ, сторчъ.

**
*

Тутъ військо конное валылось
И дуже ручее було;
Отаманъ звався Покотыллосъ,
А осаулъ Караспуло.
Се греческыи проскиносы
Изъ биломорья все пендосы,—
Зъ Мореа, Дельта, Кефалосъ;
Везлы зъ собою лыгомыны,
Олыву, мыло, рыжъ, маслыны
И капама, кебабъ калосъ.
Цекулъ Пренестськый коваленко [4])
Въ Латію зъ військомъ такъ-же ихавсь;
Такъ Сагайдачный зъ Дорошенкомъ
Козацькимъ військомъ величавсь.
Одынъ зъ бунчукомъ передъ ратью,
Позади другый пьяну братью
Донськымъ нагаемъ пидгонявъ.
Рядочкомъ ихалы гарненько,

[1]) Не хмара сонце заступыла. Тамъ-же.

[2]) Столичный Рутульскій городъ.

[3]) Авентій рожденъ отъ жрицы Реи и Геркулеса.

[4]) Цекулъ рожденъ отъ Вулкана.

Зъ люліокъ тютюнъ тяглы смачненько,
А хто на коныку кунявъ.

***

За сымы плентавсь розбышака
Нептунивъ сынъ—сподаръ Мезапъ,
До бою бувъ самый собака
И лобомъ быв̃ся такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулашнывъ и рубака
И дужый бувъ зъ его хлопакъ;
Въ выскы кому було якъ впнется,
Той на сухо не отдерется;
Такый Ляхамъ бувъ Желизнякъ.
Другымъ шляхомъ, зъ другого боку
Агамемноненко Талесъ
Летыть, мовъ поспиша до строку
Або къ води горячый песъ;
Веде орду велыку, многу
Рутульцеви на пидпомогу;
Тутъ людъ бувъ розныхъ языкивъ:
Булы Аврунци, Сыдыцяне,
Калесци и Сытыкуляне,
И всякыхъ ризныхъ козакивъ.

***

За сымы панськая дытына—
Тезеевычъ панъ Ипполытъ,
Надута, горда, зла лычына
Зъ велыкимъ воинствомъ валыть.
Се бувъ панычъ хорошый, повный,
Чорнявый, красный, сладкомовный,
Що й мачуху бувъ пидкусывъ.
Винъ не дававъ никому спуску,
Одныхъ богынь мавъ на закуску,
Бравъ часто тамъ, де не просывъ.
Не можна далеби зличыты,
Яки народы тутъ плелысь,
И на папиръ сей положыты,
Якъ, съ кымъ, колы, видкиль взялысь.
Выргилій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья,
Покы дрибненько опысавъ.
Булы Рутульци и Сиканци,
Аргывци, Лабыкы, Сакранци,
Булы таки, що врагъ ихъ зна.

***

Тутъ же наиздныця скакала
И військо не мале вела;
Собою всихъ людей лякала
И все, мовъ помеломъ мела;
Ся звалась дива-царь Камылла,
До пупа жинка—тамъ кобыла,
Кобылячу вся мала стать:
Чотыри ногы, хвистъ съ прыкладомъ,
Хвостомъ моргала, была задомъ,
Могла и говорыть и ржать.
Колы чувавъ хто о Полкани,
То се була його сестра;
Найбильшъ блукалы по Кубани,
А родъ ихъ выйшовъ з-за Днистра.
Камылла страшна воевныця

И знахурка и чаривныця
И скора ни бигу була;
Чрезъ горы и ричкы плыгала,
Изъ лука митко въ циль стриляла,
Багацько крови пролыла.

***

Така-то збирныця валылась,
Энея щобъ побыты въ пухъ,
Уже Юнона где озлылась,
То тамъ запры крипкенько духъ.
Жаль, жаль Энея неборака,
Колы його на миль, якъ рака,
Зевесъ допустыть посадыть.
Чи винъ ввильне отъ сей напасти,
Побачымо то въ пятой части,
Колы удастся змайстерыть.

ЧАСТЬ V.

Бида не по деревьяхъ ходыть,
И хто жъ іи не скуштовавъ?
Бида биду, говорять, родыть,
Бида для насъ,—судьбы уставъ!
Эней въ биди, якъ птычка въ клитци;
Запутався мовъ рыбка въ ситци;
Терявся въ думахъ молодець.
Ввесь свитъ, здавалось, зговорывся,
Ввесь мыръ на його напустывся,
Щобъ розорыть його въ кинець.
Эней ту бачывъ страшну тучу,
Що на його війна несла;
Въ ній бачывъ гыболь немынучу,
И мучывсь страшно, безъ чысла.
Якъ хвыля хвылю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала;
Къ Олымпськымъ рукы протягавъ.
Надеждою хоть пидкреплявся,
Но перемины винъ боявся
И духъ його изнемогавъ.

***

Ни ничъ його не вгамувала,
Винъ о війни все сумовавъ;
И вся колы ватага спала,
То винъ по берегу гулявъ,
Хоть зъ горя сыльно изнемигся;
Мовъ простый на писку улигся,
Та думка спаты не дала.
Скажить! тогди чи дуже спытся,
Якъ доля протывъ насъ ярытся
И якъ для насъ фортуна зла?
О сонъ! зъ тобою забуваемъ
Все горе и свою напасть;
Чрезъ тебе сылы набыраемъ;
Безъ тебе-жъ мусилы-бъ пропасть.
Ты ослабившыхъ укрипляешъ;
Въ тюрми невынныхъ утишаешъ;
Злодіивъ снывщамы страшышъ;
Влюбленныхъ ты до купы зводышъ,
Зли замыслы къ добру прыводышъ,
Пропавъ, одъ кого ты бижышъ.

*
* *

Энея мысли турбовалы,
Но сонъ такы свое бере;
Тилесни сылы въ кимъ охлялы,
Въ тимъ духъ не швыдко, та замре.
Эней заснувъ и бачыть сныще:
Предъ нымъ стоить старый дидыще,
Обшытый ввесь очеретомъ;
Винъ бувъ соби ковтуноватый,
Сидый, въ космахъ и пелехатый,
Зигнувсь, пидпершыся ципкомъ.
„Венерынъ сыну! не жахайся,
Дидъ очеретяный сказавъ:
И въ смутокъ дуже не вдавайся,
Ты гиршіи биды выдавъ;
Війны кривавой не страшыся,
А на Олымпськыхъ положыся,
Воны все злее отдалять.
А що мои слова до дила,
Лежыть свыня пидъ дубомъ била
И трыдцять билыхъ поросятъ.

*
* *

„На тимъ-то берлози свыноты
Іулъ построить Албу градъ,
Якъ трыдесять промчатся годы,
Зъ Юноною якъ зробышъ ладъ.
Однаково-жъ самъ не плошайся,
Зъ Аркадянамы побратайся,
Воны Латынцямъ ворогы;
Троянцивъ зъ нымы якъ зъеднаешъ,
Тогди и Турна осидлаешъ—
Все військo выбьешъ до ногы.
Вставай, Энею! годи спаты,
Вставай и Богу помолысь,
Мене ты мусышъ также знаты:
Я Тыбръ старый!—ось прыдывысь.
Я тутъ водою управляю,
Тоби я вирно помагаю,
Я не прочвара, не упырь.
Тутъ будеть градъ надъ городамы,
Поставлено такъ мижъ богамы“...
Сказавшы се, дидъ въ воду нырь.

*
* *

Эней пробуркався, схопывся
И духомъ моторнійшый ставъ;
Водою Тыбрською умывся,
Богамъ молытвы прочытавъ.
Веливъ два човны снаряжаты
И сухарямы запасаты,
И воинивъ туда сажать.
Якъ млость пишла по всьому тилу:
Свыню уздривъ пидъ дубомъ билу
И трыдцять билыхъ поросятъ.
Звеливъ ихъ заразъ поколоты
И дать Юнони на обидъ,
Щобъ сею жертвою свыноты,
Себе избавыты одъ бидъ.
Потимъ въ човны метнувсь хутенько,
Поплывъ по Тыбру внызъ, гарненько,
Къ Эвандру помочи просыть:
Лисы, вода, пискы зъумылысь,
Яки се два човны пустылысь
Съ одвагою по Тыбру плыть.

***

Чи довго плывъ Эней,—не знаю,
А до Эвандра винъ доплывъ; [1])
Эвандръ по давньому звычаю,
Тогди для празныка курывъ,
Зъ Аркадянамы веселывся,
Надъ варенухою трудывся
И хмиль въ ихъ головахъ бродывъ;
И тилько що човны уздрилы,
То вси злякалыся безъ миры,
Одынъ къ Троянцямъ пидступывъ.
„Чи по неволи, чи по воли?“
Крычыть Аркадськiй имъ горланъ:
„Родылысь въ неби вы,—чи доли?
Чи мыръ намъ везете, чи брань?“
„Троянець я Эней одважный,
Латынцивъ ворогъ я прысяжный“,
Эней такъ съ човна закрычавъ:
„Иду къ Эвандру погостыты,
На перепутти одпочыты,
Эвандръ царь добрый, я чувавъ“.

***

Эвандра сынъ Паллантъ вродлывый,
Къ Энею заразъ пидступывъ;
Отдавъ поклонъ дружелюбывый,
До батька въ гости попросывъ.
Эней съ Паллантомъ обнимався
И въ його прыязнь засталявся,
Потимъ до лису почвалавъ,
Де гардовавъ Эвандръ зъ попамы,
Со старшыною и панамы.
Эней Эвандрови сказавъ:
„Хоть ты и грекъ, та царь правдывый,
Тоби Латынци ворогы;
Я твiй товарышъ буду щырый,
Латынци и мени врагы.
Теперъ тебе я суппликую
Мою уважыть долю злую
И постояты за Троянъ.
Я кошовый Эней Троянець,
Скытаюсь по мыру, мовъ ланець,
По всимъ товчуся берегамъ.

***

„Прыйшовъ до тебе на одвагу,
Не думавшы, якъ прыймешъ ты;
Чи буду пыты медъ, чи брагу?
Чи будемъ мы соби браты?
Скажы и руку на̀ въ завдатокъ,
Котора, бачъ, не трусыть схватокъ
И самыхъ злiйшыхъ намъ врагивъ.
Я маю храбрую дружыну,
Терпившыхъ гирькую годыну
Одъ злыхъ людей и одъ богивъ.
Мени найбильше дойидае
Рутульскiй Турнъ, собачiй сынъ;
И лышъ гляды, то и влучае,
Щобъ згамкаты мене, якъ блынъ.
Такъ лучше въ саживци втоплюся,

[1]) Эвандръ—царь Аркадскiй.

И лучше очкуромъ вдавлюся,
Нижъ Турнови я покорюсь.
Фортуна не въ його кышени;
Турнъ побува у мене въ жмени,
Дай помичъ!—я зъ нымъ потягнусь".

* *
*

Эвандръ мовчавъ и прыслухався,
Слова Энеевы ковтавъ;
То усъ крутывъ, то осьмихався,
Энееви отвитъ сей давъ:
„Эней Анхызовычъ, сидайте,
Турбаціи не зажывайте,
Богъ мылостывъ для гришныхъ всихъ;
Дамо вамъ війська на пидпомогу,
И провіянту на дорогу,
И грошынятокъ зъ якыйсь михъ.
Не поцурайтесь хлиба-солы,
Борщу скоштуйте, галушокъ;
Годуйтесь, кушайте доволи,
А тамъ съ труда до подушокъ.
А завтра, якъ начне свитаты,
Готово військо выступаты,
Куды вы скажете, въ походъ;
За мной не буде остановкы;
Я зъ вамы не роблю умовкы;
Люблю я дуже вашъ народъ".

*
* *

Готова страва вся стояла,
Спишылы вси за стилъ сидать;
Хоть де-яка позастывала,
Що мусилы пидогривать...

Просилне зъ ушкамы, зъ гринкамы,
И юшка съ хлякамы, съ кышкамы,
Телячій лызень тутъ лежавъ;
Ягны и до софорку куры,
Печени разнои тры гуры,
Багацько ласыхъ тожъ потравъ.
Де йистся смачно, тамъ и пьется,
Одъ землякивъ я такъ чувавъ;
На ласое кутокъ найдется,
Эней зъ своимы не дримавъ.
И правда, гости доказалы,
Що жыть воны на свити зналы:
Пылы за жызнь,—за упокой;
Пылы здоровье батька съ сыномъ,
И голь, голь, голь, мовъ клынъ за клыномъ,
Крычать заставывъ на розстрой.

*
* *

Троянци пьяни розбрехалысь
И чванылыся безъ пуття,
Съ Аркадянкамы женыхалысь,
Хто такъ,—а хто и не шутя.
Эвандръ точывъ гостямъ росказы,
Хвалывъ Ираклови проказы,
Якъ злого Кака винъ убывъ;
Якіи Какъ робывъ розбои;
И що для радосты такои
Эвандръ и празднykъ учредывъ.
Вси къ ночи такъ перепылыся,
Державлысь ледве на ногахъ;
И на ничъ въ городъ поплелыся,
Яки итты булы въ сылахъ.
Эней въ корою заметався...

На задвирку хропты уклався,
Эвандръ же въ хату рачкы лизъ,
И тамъ пидъ прылавкомъ зигнувшысь,
И цупко въ бурку завернувшысь,
Захрипъ старый во ввесь свій нисъ.

***

Якъ ничъ покрыла пеленою
Тверезыхъ, пьяныхъ,—всихъ людей;
Якъ хрипъ Эней одъ перепою,
Забувшы о биди своей,
Венера безъ спидныци, боса,
Въ халатыку, простоволоса,
Къ Вулкану пидтюпцемъ ишла;
Вона тайкомъ къ Вулкану кралась,
Неначе зъ нымъ и не винчалась,
Мовъ жинкой не його була.
А все то хытрость есть жиноча,
Новынкою щобъ пидмануть;
Хоть гарна якъ, а все охоча
Ище гарнійшою щобъ буть.
Венера пазуху порвала,
И такъ себе пидперезала,
Що вся на выставци була;
Косынку нарочно згубыла,
Грудыну такъ соби одкрыла,
Що всякого бъ зъ ума звела.

***

Вулканъ коваль тогди трудывся,
Зевесу блыскавку ковавъ.
Уздривъ Венеру, затрусывся,
Изъ рукъ и молотокъ упавъ.
Венера заразъ одгадала,
Що въ добрый часъ сюды попала,
Вулкана въ зубы заразъ черкъ;
На шыю вскочыла, повысла,
Вся опустылась, мовъ окысла,
Билкы пидъ лобъ,—и свитъ померкъ.
Уже Вулканъ розмьякъ, якъ кваша,
Венера те соби на усъ:
За дило ну!—бере, бачъ, наша!
Теперъ пидъ його пидобьюсь:
„Вулкасю, мылый, уродлывый!
Мій друже вирный, справедлывый!
Чи дуже любышъ ты мене?“—
„Люблю, люблю, божусь клищамы,
Ковадломъ, молоткомъ, михамы,
Все радъ робыты для тебе“.

***

И прылабузнывсь до Кипрыды,
Якъ до просытеля пысець.
Йій корчывъ разни мыли выды,
Щобы достать соби ралець.
Венера зачала благаты,
И за Энеечка прохаты,
Вулканъ йому що-бъ допомигъ:
Энееви зробывъ бы збрую
Изъ стали, миди,—золотую
Такую, щобъ нихто не змигъ.
„Для тебе?—охъ моя ты плитко“!
Вулканъ, задыхавшысь, сказавъ:

Зроблю не збрую, чудо ридке,
Нихто якого не выдавъ;
Палашъ, шышакъ, панцырь со щытомъ,
Все буде золотомъ покрыто,
Якъ Тульскыи кабатырькы;
Насичка съ черню, съ образкамы,
И зъ кунштыкамы и зъ словамы,
Скризь будуть брязкальця, дзвинкы".

* *
*

А що жъ, не такъ теперъ бувае
Промижъ жинкамы и у насъ?
Колы чого просыты мае,
То добрый одгадае часъ
И къ чоловику прыгниздытся,
Прыщулытся, прыголубытся,
Цилуе, гладыть, лескотыть,
И вси составы ростурбуе
И мизкомъ такъ заверeдуе,
Що сей для жинкы все творыть.
Венера въ облако обвывшысь,
Махнула въ Пафосъ отдыхать,
Одъ всихъ въ свитлыци затворывшысь,
Себе тамъ стала розглядать.
Красы помьяти росправляла,
Въ волосси кудри завывала,
Ну, пьятна водамы мочыть.
Венера, якъ правдыва маты,
Для сына рада все отдаты,
Зъ Вулканомъ рада въ кузьни жыть.

* *
*

Вулканъ, до кузни дочвалавшы,
Будыть зачавъ всихъ коваливъ;
Все гриты заразъ изверивъ.
Михы престрашни надымають,
Огонь велыкый роспаляють,
Пишовъ трескъ, стукъ одъ молотивъ.
Вулканъ потіе и трудытся,
Всихъ лае, бье, пужа, ярытся,
Къ роботи прыганя майстривъ.
И сонце злизло высоченько,
Уже часъ сьомый ранку бувъ;
Уже закушовавъ смачненько,
Хто добре пинноп лыгнувъ;
Уже онагры захрючалы,
Вороны, горобци крычалы,
Сыдилы въ лавкахъ крамари;
Картьожныкы же спать лягалы,
Финдюркы щокы пидправлялы,
Въ суды пишлы секретари.

*
* *

А наши зъ хмелю потягалысь,
Вчорашній мурдовавъ ихъ чадъ;
Стогналы, харкалы, смаркалысь,
Нихто не бувъ и свиту радъ.
Не дуже рано повставалы
И льодомъ очи протыралы,
Щобъ освижытысь на часокъ.
Потимъ взялысь за оковыту
И склыкалы ричъ посполыту
Поставыть, якъ итты въ походъ.
Тутъ скилько сотень одличылы
Аркадськыхъ жвавыхъ парубкивъ
И въ ратныкы ихъ назначылы;
Далы имъ въ сотныкы панивъ.